Акад. В. М. Бехтеревъ.

Гипнотизмъ

Издательство
„Вѣстника Знанія“

Безплатное приложеніе къ „Недѣлѣ „Вѣстника Знанія“.

Сочиненія ВОЛЬТЕРА

Содержаніе: Мемуары и комментаріи къ нимъ. Дитя природы. Путешествіе Скарментадо. О вѣротерпимости. Сократъ. О вредѣ чтенія. Приложеніе: *Г. Лансонъ*. Послѣдніе годы Вольтера и его вліяніе. Кандидъ. Софронимъ и Аделосъ. Бесѣда Лукіана, Эразма и Рабле. Мнемозина. Изъ философскаго словаря. Андре Детушъ въ Сіамѣ. Сонъ Платона. Микромегасъ. Все въ Богѣ. Исторія Дженни. Принцесса Вавилонская. Діалоги Эвгемера. Одноглазый крючникъ. Изъ философскаго словаря. Стихотворенія: Г-жѣ Дю-Шатлэ; Жанъ, который плачетъ и смѣется. О фанатизмѣ. Ц. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., для подп. одного изъ изданій „Вѣсти. Зн." скидка 50 к. Пересылка 40 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на третье изданіе книги В. В БИТНЕРА

ГИПНОТИЗМЪ И РОДСТВЕННЫЯ ЯВЛЕНІЯ ВЪ НАУКѢ И ЖИЗНИ

Второе изданіе распродано.

Кратк. сод.: Предисловіе.—Исторія вопроса о гипнотизмѣ и внушеніи. — Колдовство и современныя суевѣрія.—Теоретическое и практическое значеніе гипнотизма.

Цѣна по подпискѣ 1 р. 75 к. безъ пер., съ пер. 2 р.

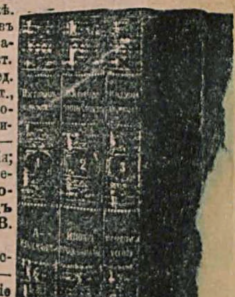
Лицамъ, внесшимъ при подпискѣ не всю подписную сумму, книга по выходѣ будетъ выслана съ наложеніемъ платежа на недослан ную сумму.

Наименьшій взносъ при подпискѣ 1 руб.

Настольная Энциклопедія

въ 3-хъ томахъ, подъ общею редакціею В. В. Битнера,

даетъ отвѣты на встрѣчаемыя каждымъ—независимо отъ его образованія—затрудненія при чтеніи и въ житейской практикѣ. Въ ней около 300 рис., 100 табл., 27 карт. и мног. снимковъ съ худож. произв. и видовъ русск. городовъ, печ. цвѣтн. красками; объяснено 45.000 сл. и иностранн. выраженій. Наст. Энц. отлич. КРАТКОСТЬЮ ИЗЛОЖЕНІЯ и ПОЛНОТОЙ. Ред. отдѣловъ: С. К. Исаковъ (пом. хр. муз. Акад. Худ.)—архитект., ваніе, живопись и эстетика; проф. А. К. Тимофеевъ—правовѣдѣніе и законодательство; В. В. Битнеръ — біологія, психіатрія, оккультизмъ, археологія; д-ръ Н. А. Видгорчикъ—медицина и гигіена; доц. Бернштейнъ—музыка и ея исторія; инж. М. С. Тихановъ — математ., физика, техн. (до сл. Неаполь). Отдѣльныя статьи—проф. Генкель, учен. агр. Косоротовъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Б. Бразоленко, Леонидъ Петровичъ, А. Николаевъ, Наумовъ, Дмитріевъ, А. В. Травкинъ, В. Тетяевъ, и другіе.



ЦѢНА въ трехъ изящныхъ переплетахъ 10 рубл.; для подписчиковъ „Вѣстника Знанія" и „Научнаго Обозр."—8 р. 20 к. Вносящіе деньги сразу получаютъ изданіе полностью. Перес. въ 1 поясѣ—75 к. во 2 п.—1 р. 35 к., въ 3 п.—1 р. 95 к.

Допускается разсрочка

Академикъ В. М. Бехтеревъ.

ГИПНОЗЪ, ВНУШЕНІЕ и ПСИХО-ТЕРАПІЯ

И ИХЪ

ЛѢЧЕБНОЕ ЗНАЧЕНІЕ.

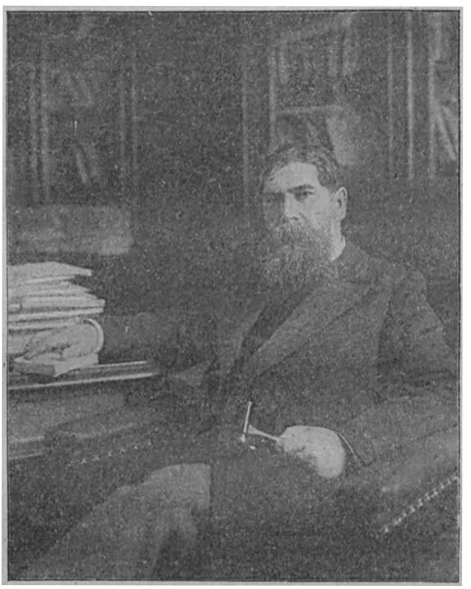
Изъ лекцій, читанныхъ врачамъ и студентомъ Императорской Военно-Медицинской Академіи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ".
С.-Петербургъ, Невскій пр., 40.
1911 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр

Вступленіе 5
Факты изъ древней исторіи, относящіеся къ внушенію 5
Примѣненіе гипноза и внушенія разными гипнотезерами 6
Начало научнаго изученія гипноза и внушенія 8
Разнорѣчіе въ ученіи о природѣ гипноза 10
Критика того и другого взгляда 12
Сближеніе гипноза съ обыкновеннымъ сномъ 14
Сближеніе гипноза съ болѣзненными измѣненіями сна 17
О природѣ гипноза, какъ видоизмѣненія сна 19
Различныя фазы гипноза и его классификація 21
Способы вызыванія гипноза 22
Объ условіяхъ, затрудняющихъ развитіе гипноза, и о распространенности гипноза . 25
Объ объективныхъ признакахъ гипноза и внушенія 26
Объ амнезіи въ гипнозѣ 31
Лечебное примѣненіе гипноза и выясненіе роли внушенія 31
Значеніе гипнотическаго внушенія 32
Минимальная опасность гипнотизма 34
Вопросъ о вредѣ гипнотическихъ сеансовъ 36
Послѣ гипнотическаго внушенія 39
Вліяніе внушенія на патологическія разстройства 42
О леченіи внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи 46
Значенье вѣры при леченіи внушеніемъ 47
Мысленное внушенье и внушенье черезъ предметы 50
Самовнушенье, какъ лечебный факторъ 53
Леченье отвлеченіемъ и укрѣпленіемъ воли 53
Леченіе т. наз. убѣжденіемъ 55
Психоанализъ, леченіе исповѣдью 57
Комбинированный методъ леченія и заключеніе 59



Академикъ В. М. Бехтеревъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Ученіе о гипнозѣ и внушеніи за послѣднее время достигло такого развитія, что нелегко было бы дать обзоръ всему, что въ этой области имѣется цѣннаго въ научномъ отношеніи. Но область врачебнаго примѣненія гипноза и внушенія особенно выдѣляется по своей практической важности, и эту-то область мы постараемся разсмотрѣть возможно кратко, не вдаваясь въ большія подробности.

Знакомство съ нею тѣмъ болѣе важно, что именно въ этой области въ изобиліи распространяются различными лицами шарлатанскія брошюры въ духѣ неомесмеризма и стараго ученія о животномъ электричествѣ, поддерживающихъ совершенно ненаучные взгляды о существованіи особой внутри насъ содержащейся силы, которою будто бы исключительныя личности, именующія себя магнетизерами, обладаютъ въ особенно сильной степени, дающей возможность магическаго воздѣйствія на другихъ.

Само собою разумѣется, что мы не войдемъ въ разсмотрѣніе этой литературы, разсчитанной на невѣжество широкихъ круговъ публики въ данной области и поддерживаемой различными соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ истиннымъ знаніемъ, а постараемся ограничиться въ области, насъ интересующей, только одной строго научной стороной дѣла.

Факты изъ древней исторіи, относящіеся къ внушенію.

Цѣлебное значеніе внушенія вообще и гипнотическаго въ частности извѣстно со временъ глубокой древности. Знатоками силы внушенія въ древности являлись большей частью жрецы, которые обыкновенно связывали силу внушенія съ религіозными церемоніями. Такимъ образомъ, знакомясь ближе со способами исцѣленія въ древнихъ храмахъ Египта, а также въ древнихъ греческихъ храмахъ Эскулапа, нетрудно усмотрѣть, что уже тогда секретъ внушенія былъ извѣстенъ жрецамъ, состоящимъ при храмахъ, куда стекались богомольцы и другія лица, искавшія исцѣленія. Можно съ достовѣрностью утверждать, что въ древнія времена внушеніемъ различнаго характера въ подходящихъ случаяхъ пользовались довольно широко. Указанія на пользованіе внушеніемъ можно найти, между прочимъ, и въ книгахъ ветхаго завѣта.

Въ послѣднее время гипнологическая литература пополнилась изслѣдованіями, относящимися до примѣненія внушенія въ Евангельскія времена въ соотвѣтствующихъ случаяхъ съ особеннымъ успѣхомъ.

Извѣстно, что въ Евангельскія времена на каждомъ шагу производились исцѣленія бѣсноватыхъ и одержимыхъ, которыхъ наука нынѣ признаетъ за больныхъ истерическимъ психозомъ, и которые въ религіозно настроенномъ населеніи, увѣровавшемъ въ силу дьявола, всегда встрѣчаются въ изобиліи. Позднѣе много было такихъ бѣсноватыхъ или одержимыхъ въ средніе вѣка.

Нынѣ въ интеллигентныхъ слояхъ населенія случаи такого рода уже почти исчезли, но въ некультурныхъ слояхъ еще до сихъ поръ много вѣрующихъ въ колдовство, порчу и бѣсовскую силу, и немало встрѣчается еще и нынѣ такъ наз. бѣсноватыхъ подъ названіемъ „порченыхъ“ и „кликушъ“.

Какъ въ Евангельскія времена эти случаи исцѣлялись силой внушенія, обыкновенно связанной съ сильной религіозной эмоціей, такъ и нынѣ они поддаются лѣченію внушеніемъ. Такимъ же точно образомъ производилось въ эту эпоху исцѣленіе „сухорукихъ“ и разслабленныхъ.

Врядъ ли нужно говорить здѣсь, что подъ общимъ названіемъ сухорукихъ въ Евангельскія времена понимались вообще больные съ недѣятельностью руки отъ паралича и атрофіи. Къ таковымъ, безъ сомнѣнія, относились, между прочимъ, и случаи истерическаго паралича, также при долговременномъ развитіи сопровождающагося атрофіей отъ недѣятельности. Нечего говорить, что и въ числѣ разслабленныхъ имѣлись случаи истерическаго паралича нижнихъ конечностей.

Не менѣе поразительны случаи исцѣленія прокаженныхъ, подъ которыми, какъ утверждаютъ нѣкоторые авторы, понимались въ древности больные, страдавшіе пестью, или vitiligo, которая, по народному повѣрью, распространенному и нынѣ на востокѣ, должна была олицетворять собою духовную нечистоту, вслѣдствіе чего люди, страдавшіе такой сравнительно невинной болѣзнью, считались отверженными отовсюду, пока не очистятся *).

Со временъ древности чудесныя исцѣленія производятся такимъ же точно образомъ или аналогично этому и позднѣйшими цѣлителями, какъ показываютъ нѣкоторыя страницы Четьи-Миней.

Но секретъ внушенія извѣстенъ не однимъ цѣлителямъ, но и многимъ лицамъ изъ простого народа, въ средѣ котораго онъ передавался изъ устъ въ уста въ теченіе вѣковъ подъ видомъ знахарства, колдовства, заговора, порчи, сглаза и т. п.

Примѣненіе гипноза и внушенія разными гипнотизерами.

Время отъ времени гипнозъ и внушеніе проникали и въ болѣе интеллигентную среду подъ видомъ разнаго рода оккультистическихъ знаній, какъ, напримѣръ, черной и бѣлой магіи, ученія о животномъ магнетизмѣ, такъ называемаго месмеризма съ его флюидической силой и т. п.

Нѣтъ надобности говорить, что, эксплоатируемыя съ корыстною цѣлью, эти ученія часто сопровождались различнаго рода шарлатанскими пріемами поздѣйствія на людей, вслѣдствіе чего естественно, что солидные умы должны были отворачиваться отъ этихъ ученій.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не отмѣтить, что такіе „магнетизеры“ какъ Каліостро, дѣйствовавшій въ концѣ позапрошлаго столѣтія, и Месмеръ, дѣлавшій сеансы во Франціи въ теченіе первой четверти истекшаго столѣтія, сильно возбуждали умы въ населеніи и естественно привлекали къ себѣ вниманіе ученыхъ.

Слава Месмера въ Парижѣ, напримѣръ, дошла до того, что онъ не успѣвалъ принимать всѣхъ обращавшихся къ нему, и, чтобы освободить себя отъ притока бѣдныхъ, онъ загипнотизировалъ на улицѣ дерево, къ которому должны были прикасаться бѣляки, чтобы получить исцѣленіе.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что это уже было началомъ конца его славы

Въ это время Парижская Академія, запрошенная по поводу явленій месме

*) Минхъ. Была ли проказа въ Египтѣ во времена Моисея? Южно-Русская Мед Газета. 1893 г. №№ 9, 10, 11. П. Подъяпольскій. Къ вопросу о вліяніи душевныхъ состояній на измѣненіе цвѣта волосъ и кожи и объ исцѣленіи библейской проказы (Za rzath). Обозрѣніе Психіатріи. 1908 г. № 11. Надо впрочемъ, замѣтить, что вопросъ библейской проказѣ представляется еще далеко не окончательно рѣшеннымъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что она ничуть не можетъ быть смѣшиваема съ vitiligo, а представляя собою дѣйствительно тяжелое заболѣваніе. Возможно, конечно, предположеніе о тяжелыхъ болѣзненныхъ формахъ сифилиса, слывшихъ за проказу.

ризма, дала отвѣтъ, неблагопріятный для Месмера, признавъ, что въ его дѣйствіяхъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, а то, что есть дѣйствительнаго, можетъ быть сведено на воображеніе (imagination). Это рѣшило участь Месмера, который потерялъ кредитъ въ обществѣ и уже не могъ оставаться въ Парижѣ.

Родиной современнаго гипнотизма признается Восточная Индія съ ея таинственными факирами, гдѣ гипнозъ составляетъ какъ бы народное достояніе, и гдѣ „чудеса“ гипнотизма показываются въ большихъ городахъ, часто на рыночныхъ площадяхъ, за небольшую, собираемую тутъ же, плату. Естественно, что, когда съ прорытіемъ Суэцкаго канала Индія стала ближе къ Европѣ, въ послѣднюю стали проникать и болѣе полныя свѣдѣнія о гипнозѣ. Тѣмъ не менѣе, толчкомъ къ новѣйшему развитію ученія о гипнотизмѣ опять-таки послужили сеансы извѣстнаго магнетизера Ганзена, который, какъ сообщали о немъ газеты, ознакомился съ явленіями магнетизма въ Африкѣ.

Явившись въ Европу въ концѣ 70-хъ годовъ, Ганзенъ сталъ, какъ и многіе изъ занявшихъ гипнотизеровъ, эксплоатировать гипнотизмъ съ корыстною цѣлью, заявляя въ то же время объ особой принадлежащей ему силѣ. Устраиваемые имъ спеціальные сеансы на квартирахъ оплачивались довольно дорого: въ Петербургѣ, напримѣръ, не менѣе 200 руб. за вечеръ.

Эти сеансы на Западѣ заинтересовали и нѣкоторыхъ ученыхъ, напримѣръ, Шарко, Гайденгайна и др. Но у насъ къ нимъ отнеслись иначе.

Сеансы Ганзена и здѣсь привлекли вниманіе интеллигентныхъ, особенно аристократическихъ, слоевъ населенія, и въ приглашеніяхъ Ганзена на сеансъ, несмотря на ихъ огромную стоимость, не было недостатка. Но вотъ его спеціально приглашаютъ въ одинъ домъ, близкій къ высшимъ медицинскимъ сферамъ того времени, и туда же приглашаютъ почти всѣхъ тогдашнихъ психіатровъ съ профессоромъ Мержеевскимъ во главѣ. Пріемы гипнотизаціи Ганзена, какъ я могъ убѣдиться на этомъ сеансѣ, были очень примитивны и состояли изъ примѣненія простого стекляннаго граненаго шарика, на который Ганзенъ предлагалъ смотрѣть въ теченіе многихъ минутъ. Къ сожалѣнію, вышеуказанный сеансъ оказался неудачнымъ. По крайней мѣрѣ, ни одинъ изъ многихъ врачей, желавшихъ быть загипнотизированными, не впалъ въ гипнозъ. Положеніе ухудшилось еще тѣмъ, что нѣкоторые изъ врачей, будучи заранѣе предубѣждены противъ гипнотизма, какъ реальнаго научнаго факта, притворились загипнотизированными и ввели въ обманъ самого Ганзена. Хотя послѣдній пытался затѣмъ представить присутствующимъ на этомъ сеансѣ заранѣе приготовленныхъ имъ для такихъ сеансовъ двухъ лицъ, на которыхъ онъ желалъ продемонстрировать разнообразныя явленія гипноза, но недовѣріе къ нему, а слѣдовательно и къ лицамъ, которыя имъ были привезены на сеансъ, возросло до такой степени, что всѣ болѣе авторитетные психіатры отказались смотрѣть демонстрацію явленій гипноза на этихъ лицахъ. Такимъ образомъ, ставка Ганзена была проиграна, и этотъ вечеръ рѣшилъ его участь въ Россіи.

Сеансы его были запрещены, и онъ былъ высланъ изъ Петербурга, не возбудивъ въ спеціалистахъ никакого научнаго интереса къ явленіямъ гипнотизма. Мало того, мой достоуважаемый учитель, профессоръ Н. Н. Мержеевскій, вошелъ съ соотвѣтственнымъ представленіемъ въ Медицинскій Совѣтъ, результатомъ котораго явилось запрещеніе публичныхъ сеансовъ гипнотизма. Затѣмъ Мед. Сов. постановилъ, что врачамъ разрѣшается примѣнять гипнозъ къ больнымъ подъ тѣми же самыми условіями, установленными закономъ, которыя относятся къ производству операцій, т. е. съ обязательнымъ присутствіемъ при сеансахъ двухъ врачей. При томъ же гипнотизирующій врачъ долженъ былъ предварительно озаботиться соотвѣтственнымъ разрѣшеніемъ на лѣченіе внушеніемъ.

Если первое постановленіе дѣйствительно имѣло свой смыслъ и вызывалось потребностью времени, то надо сильно пожалѣть о второмъ постановленіи, равносильномъ почти полному запрету врачамъ примѣнять въ практикѣ гипнозъ, такъ какъ всякому ясно, что сеансъ гипноза не есть операція, и нельзя

требовать отъ больныхъ, нуждающихся въ подобныхъ сеансахъ, чтобы они оплачивали трудъ двухъ врачей, не говоря о томъ, что благодаря условіямъ жизни сельскаго населенія Россіи часто совершенно немыслимо имѣть двухъ врачей, когда и одного найти бываетъ трудно.

Въ этомъ постановленіи кромѣ того таилась одна дурная сторона: врачи, желающіе примѣнять гипнозъ, были поставлены подъ подозрѣніе, подобно лицамъ, могущимъ эксплоатировать гипнозъ съ преступной и своекорыстной цѣлью. Если въ вопросѣ объ операціяхъ имѣется вышеуказанное положеніе, то оно объясняется просто тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ всякій понимаетъ, нельзя одновременно хлороформировать и оперировать, а поручать хлороформированіе не врачамъ, безъ сомнѣнія, рискованно. Такимъ образомъ, здѣсь сама необходимость привела къ изданію закона, который тѣмъ не менѣе, какъ всѣмъ извѣстно, не исполняется по нашимъ деревнямъ и селамъ въ силу прямой невозможности его исполнять

Но спрашивается, былъ ли какой-нибудь смыслъ запрещать свободно пользоваться гипнозомъ съ лѣчебною цѣлью врачамъ, которымъ ввѣряютъ гораздо болѣе рискованныя и опасныя средства, какъ всевозможные яды и анэстетическія вещества, и которые кромѣ своего образованія и диплома связаны въ своей дѣятельности не только всѣмъ извѣстной клятвой Гиппократа, но и профессіональной этикой и товарищескимъ мнѣніемъ.

Послѣдствія такого отношенія не заставили себя ждать.

Серьезные врачи отказались отъ примѣненія гипнотизма въ своей практикѣ, потому что никому изъ нихъ не было охоты рисковать своимъ положеніемъ и добрымъ именемъ, а это привело къ тому, что гипнозъ, какъ лѣчебное средство, искорѣ перешелъ у насъ въ руки профессіональныхъ гипнотизеровъ-шарлатановъ и вообще такихъ лицъ, которымъ нечего терять.

Это запрещеніе вызвало извѣстную реакцію и на Западѣ, такъ какъ въ Германіи была издана книга Гроссмана, въ которой были собраны мнѣнія многихъ извѣстныхъ авторовъ трудовъ по гипнотизму, которые естественно осудили распоряженіе русскихъ бюрократическихъ сферъ.

Но это не оказало воздѣйствія на послѣдвія, и развитіе ученія о гипнотизмѣ и внушеніи у насъ въ Россіи было въ корнѣ убито вплоть до конца истекшаго столѣтія.

Поводомъ къ пересмотру вопроса о гипнотизмѣ и внушеніи была репрессивная мѣра, принятая врачебной инспекціей по отношенію къ доктору М., осмѣлившемуся примѣнить гипнозъ безъ соблюденія опубликованныхъ правилъ. Это послужило толчкомъ. Докторъ М. написалъ маленькую брошюру о своемъ дѣлѣ и передалъ разсмотрѣніе вопроса на Пироговскій Съѣздъ. Послѣдній передалъ въ свою очередь вопросъ на разсмотрѣніе спеціальныхъ психіатрическихъ обществъ, которыя всѣ безъ исключенія высказались въ пользу устраненія путъ, которыми окружили безъ нужды примѣненіе гипноза во врачебной практикѣ. Послѣ собранія всѣхъ этихъ мнѣній одинъ изъ слѣдующихъ Пироговскихъ Съѣздовъ возбудилъ ходатайство объ измѣненіи упомянутыхъ постановленій, касающихся гипноза. Когда ходатайство это достигло Медицинскаго Совѣта, мнѣ посчастливилось въ качествѣ докладчика передъ Медицинскимъ Совѣтомъ содѣйствовать устраненію стѣснительныхъ постановленій Медицинскаго Совѣта въ отношеніи гипноза и вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденію русскихъ врачей отъ подозрительнаго къ нимъ отношенія со стороны властей въ вопросѣ о гипнозѣ.

Такова печальная исторія врачебнаго примѣненія гипноза въ Россіи, сильно задержавшая, какъ сказано выше, и научное развитіе у насъ ученія о гипнозѣ.

Начало научнаго изученія гипноза и внушенія.

Обращаясь къ вопросу о томъ, кто ввелъ гипнотизмъ въ науку, иначе говоря, кто впервые сдѣлалъ гипнотизмъ предметомъ серьезнаго научнаго изученія, необходимо замѣтить, что еще англичанинъ Бредъ въ серединѣ истекшаго столѣтія далъ вполнѣ научное изслѣдованіе явленій гипнотизма.

Англичанинъ докторъ Бредъ изъ Манчестера въ 1841 году наблюдалъ

магнетическій сеансъ женевскаго профессора Лафонтенна съ цѣлью разоблачить его продѣлки. Но вмѣсто предполагаемыхъ разоблаченій шарлатанства онъ усмотрѣлъ на этихъ сеансахъ нѣчто, ранѣе имъ и не подозрѣваемое, и призналъ подлинность наблюдаемыхъ явленій. Онъ ввелъ, такимъ образомъ, впервые въ науку понятіе объ искусственно вызванномъ снѣ, назвавъ самое явленіе гипнотизмомъ, что удержалось до нашихъ дней. Онъ также впервые доказалъ, что въ гипнозѣ нѣкоторыя изъ мозговыхъ функцій достигаютъ такой силы, которая не свойственна лицамъ въ бодрственномъ состояніи, и что самый гипнозъ обязанъ внушенію, а не флюидамъ Месмера и не особой одической силѣ, свойственной будто бы гипнотизерамъ.

Однако, и послѣ Бреда въ наукѣ господствовалъ еще повсюду скептицизмъ въ отношеніи гипнотическихъ явленій. Какъ это часто бываетъ при недостаточной подготовкѣ научной мысли, новыя изслѣдованія не получаютъ достаточно широкаго распространенія. Такъ случилось и съ книгой Бреда. О гипнотизмѣ опять скоро забыли.

Во всякомъ случаѣ и послѣ Бреда гипнотизмъ представлялъ собою для большинства ученыхъ и врачей такую область, которой избѣгали касаться серьезные научные дѣятели благодаря тому, что большинство даже высоко-интеллигентныхъ лицъ и представителей науки признавало въ немъ долгое время или простое шарлатанство или сферу, полную таинственности, въ которой нечего дѣлать истинному ученому. Такъ дѣло обстояло до тѣхъ поръ, пока ученіе о гипнотизмѣ не было вновь выдвинуто на арену научнаго развитія благодаря трудамъ Шарко и его учениковъ.

Такой фактъ нетрудно понять, если принять во вниманіе, что гипнозъ въ то время, если и былъ кому-либо извѣстенъ, то признавался нерѣдко темной силой, занятіе съ которой налагало даже тѣнь на репутацію врача. И, безъ сомнѣнія, нужно было имѣть столь авторитетное имя, какимъ являлось имя французскаго клинициста - невролога Шарко, чтобы выдвинуть гипнотизмъ на арену строго научнаго изслѣдованія и освободить самое ученіе гипноза отъ цѣлаго ряда предубѣжденій, господствовавшихъ тогда среди врачей. Успѣху распространенія знаній о гипнотизмѣ среди врачей содѣйствовало и то обстоятельство, что явленія гипноза на истеричныхъ Салпетріера демонстрировались на лекціяхъ Шарко предъ множествомъ врачей всѣхъ странъ, съѣзжавшихся въ Парижъ для изученія наукъ и посѣщавшихъ лекціи профессора Шарко. На этомъ основаніи честь введенія гипнотизма въ науку многими и приписывается Шарко.

Въ указанномъ отношеніи заслуга Шарко, безъ сомнѣнія, должна быть признана огромной. Но въ отношеніи практическаго примѣненія гипноза съ лѣчебною цѣлью нельзя не оцѣнить и заслугъ нансійскаго профессора Бернгейма, который также много содѣйствовалъ изученію гипноза, какъ лѣчебнаго средства, среди врачей.

Въ то самое время, какъ Шарко демонстрировалъ врачамъ всего міра явленія гипноза на истеричныхъ Салпетріера, во французскомъ городѣ Нанси, недалеко расположенномъ отъ Парижа, развилась такъ называемая нансійская школа во главѣ съ Бернгеймомъ, который, вообще, много содѣйствовалъ научному освѣщенію фактовъ гипнотизма.

Вмѣстѣ съ этимъ выяснилось, что въ Нанси Льебо уже давно примѣняетъ гипнозъ къ лѣченію своихъ больныхъ и еще лѣтъ за 20 до извѣстныхъ изслѣдованій Шарко по гипнотизму написалъ подробное научное сочиненіе о явленіяхъ гипноза и примѣненіи его къ врачебной практикѣ. Въ свое время эта книга опять-таки не обратила на себя особаго вниманія,—тѣмъ болѣе, что серьезные врачи относились нерѣдко съ усмѣшкой къ новому лѣченію, гдѣ, по ихъ мнѣнію, трудно разграничить серьезное дѣло отъ шарлатанства.

Но когда возгорѣлся споръ между Салпетріерской и Нансійской школой о сущности гипнотизма, споръ, о которомъ рѣчь будетъ ниже, тогда имя Льебо вышло изъ неизвѣстности, и за нимъ признано безспорное право на первенство въ вопросахъ, относящихся къ врачебному примѣненію гипноза.

Итакъ, при выясненіи вопроса о томъ, кому принадлежитъ честь введенія гипноза въ науку вообще и во врачебную практику въ частности, мы должны остановиться на четырехъ именахъ: Бреда, Льебо, Шарко и Бернгейма, изъ которыхъ каждый внесъ часть своей энергіи въ дѣло первоначальнаго научнаго изученія гипноза и внушенія.

Въ числѣ другихъ дѣятелей, содѣйствовавшихъ распространенію знакомства съ гипнотизмомъ среди врачей на материкѣ Европы, надо упомянуть также о Форелѣ, который въ этомъ отношеніи, впрочемъ, слѣдовалъ по стопамъ своего учителя Бернгейма.

Изъ другихъ лицъ, научно разрабатывавшихъ ученіе о гипнотизмѣ или способствовавшихъ своими трудами распространенію здравыхъ понятій о гипнотизмѣ среди врачей, необходимо здѣсь упомянуть о H. Tuck, Heidenhain, Beaunis, Richet, Luys, Berillon, Krafft-Ebing, Schrenk-Notzing, Moll и нѣкоторыхъ другихъ.

Въ настоящее время знакомство съ ученіемъ о гипнотизмѣ признается уже необходимымъ въ курсѣ медицинскаго образованія, и еще на Парижскомъ Гипнологическомъ Конгрессѣ 1889 г. состоялось постановленіе, чтобы изученіе гипнотизма и его примѣненіе было введено въ преподаваніе медицинскихъ наукъ. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ въ разныхъ научныхъ центрахъ Европы стали вводить преподаваніе гипнотизма въ курсы медицинскихъ знаній.

До настоящаго времени литература о гипнозѣ уже разрослась до такой степени, что, безъ сомнѣнія, нѣтъ возможности ее охватить въ краткомъ изложеніи. Но при всемъ томъ до настоящаго времени не могутъ считаться окончательно рѣшенными нѣкоторые изъ существенныхъ научныхъ вопросовъ, касающихся гипнотизма.

Разнорѣчія въ ученіи о природѣ гипноза.

Уже въ самомъ началѣ научнаго развитія ученія о гипнотизмѣ и внушеніи два наиболѣе видныхъ авторитета и основоположника этого ученія, Шарко и Бернгеймъ, разошлись во взглядахъ на самую природу гипнотизма, въ силу чего они и признаются представителями двухъ различныхъ школъ, Нансійской и Салпетріерской. Такъ какъ противорѣчія этихъ двухъ школъ, въ сущности и до сихъ поръ еще не окончательно устраненныя, особенно содѣйствовали развитію ученія о гипнотизмѣ и выясненію явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ гипноза и внушенія, то мы вкратцѣ изложимъ здѣсь существенныя стороны разнорѣчій между обѣими школами.

По характеру взглядовъ на природу гипнотизма одна изъ этихъ школъ, извѣстная подъ названіемъ Салпетріерской, во главѣ которой стоялъ Шарко и продолжателями которой являются его ученики, можетъ быть названа физіологической, другая, Нансійская, съ Бернгеймомъ во главѣ, получила названіе психологической *).

Согласно взгляду Шарко, гипнотическое состояніе является ничѣмъ инымъ, какъ искусственнымъ или экспериментально вызваннымъ нервнымъ состояніемъ или искусственнымъ неврозомъ, разнообразныя проявленія котораго обнаруживаются по волѣ наблюдателя, способы же вызыванія его могутъ быть физическіе

*) Этими двумя школами собственно и исчерпывается разнорѣчіе взглядовъ на природу гипнотизма. Прежде еще можно было говорить о третьей школѣ, флюидической, ведущей начало со временъ Месмера и поддержанной въ позднѣйшее время Люисомъ. Но такъ какъ эта школа не дала въ пользу своего взгляда на природу гипноза, вызываемаго будто бы истеченіемъ флюида изъ рукъ гипнотизера, ни одного убѣдительнаго доказательства, то она уже нынѣ утратила всякое научное значеніе и въ дѣйствительности со смерти Luys'a не имѣетъ среди своихъ представителей ужо ни одного серьезнаго научнаго дѣятеля. Зато она очень охотно поддерживается разными шарлатанами, которые пользуются гипнозомъ со своекорыстными цѣлями.

и психическіе. Самый гипнозъ, по взгляду этой школы, состоитъ собственно изъ трехъ фазъ: летаргической, каталептической и сомнамбулической.

Летаргическая фаза характеризуется дряблостью членовъ, повышенной нервно-мышечной возбудимостью и невоспріимчивостью къ внушеніямъ. Каталептическая фаза характеризуется каталептическими явленіями, склонностью къ параличамъ и внушаемостью. Наконецъ, сомнамбулическая фаза характеризуется склонностью къ контрактурамъ при кожныхъ раздраженіяхъ, при чемъ по внушенію въ этомъ состояніи вызываются разнообразныя автоматическія дѣйствія.

Каждая изъ этихъ фазъ, по ученію Шарко, можетъ развиться первоначально, и, съ другой стороны, можно различными пріемами переводить гипнотиковъ изъ одной фазы въ другую. Достаточно, напримѣръ, лицу, находящемуся въ летаргической фазѣ, открыть глаза, и онъ становится каталептикомъ. Съ другой стороны, если летаргику потереть позвоночникъ, онъ переходитъ въ сомнамбулизмъ.

Должно при этомъ имѣть въ виду, что по ученію Салпетріерской школы эти фазы далеко не составляютъ обычнаго явленія. Онѣ скорѣе встрѣчаются не часто, но зато отличаются будто бы типичностью подобно тому, какъ полный истерическій припадокъ встрѣчается много рѣже болѣе вульгарныхъ формъ истеріи, хотя и признается типическимъ.

Въ концѣ концовъ, между гипнозомъ и истеріею имѣется близкое родство, вслѣдствіе чего и примѣненіе гипноза не можетъ быть безразличнымъ для здоровья ябольныхъ.

По взгляду Нансійской школы гипнозъ есть „особое душевное состояніе или сонъ, вызванный путемъ внушенія“. Внушеніе въ этомъ случаѣ, по взгляду этой школы, все объясняетъ. Безъ внушенія нѣтъ ни одного явленія въ гипнозѣ. Родство между истеріей и гипнотизмомъ не признается—по крайней мѣрѣ въ той формѣ, какъ понимаетъ его школа Шарко. Степени гипноза различаются по глубинѣ сна и по воспріимчивости къ внушеніямъ. Внушеніямъ доступны гипнотики вообще во всѣхъ фазахъ, но въ различной степени. Внушенная каталепсія можетъ быть вызвана во всѣхъ стадіяхъ, исключая первой, выражающейся легкой дремотой.

По Бернгейму, если субъектъ загипнотизированъ и его глаза открыты, то его вниманіе приковано къ экспериментатору. Онъ слышитъ послѣдняго и подчиняется внушеніямъ. При этомъ повышенной нервно-мышечной возбудимости не обнаруживается. Для того, чтобы вызвать у гипнотика каталептическія явленія, нѣтъ надобности открывать ему глаза: достаточно лишь сдѣлать соотвѣтствующія внушенія. Точно также для выясненія сомнамбулизма нѣтъ надобности теребить позвонки, какъ дѣлали въ Салпетріерѣ; достаточно съ гипнотикомъ лишь говорить, и онъ подчиняется дѣлаемымъ внушеніямъ.

Всѣ тѣ физическія манипуляціи, которыми пользовались въ Салпетріерѣ для вызыванія тѣхъ или другихъ явленій у гипнотиковъ, по ученію Бернгейма дѣйствуютъ также путемъ внушенія—тѣмъ болѣе, что, благодаря постоянному упражненію и примѣрамъ, у истеричныхъ Салпетріера явилась, такъ сказать, своего рода выучка въ этомъ отношеніи. Если гипнотику ничего не говорить, то, по взгляду Бернгейма, однѣхъ манипуляцій совершенно недостаточно для вызыванія тѣхъ или другихъ явленій.

Школа Нансійская также классифицируетъ различныя степени сна, но по его глубинѣ, по воспоминанію или способности къ воспріимчивости. Такія классификаціи были даны Льебо, Бернгеймомъ, Форелемъ и другими.

Проще всѣхъ изъ нихъ классификація Фореля, которая различаетъ три степени гипноза.

При 1-й степени субъектъ испытываетъ лишь слабое вліяніе гипнотизаціи и способенъ противостоять внушеніямъ и даже можетъ открывать глаза. Это состояніе скорѣе похоже на дремоту, чѣмъ на сонъ.

При 2-й степени имѣется легкій сонъ, или такъ называемая гипотаксія, характеризующаяся пассивностью. Въ этомъ случаѣ субъектъ не можетъ открыть глазъ и вообще способенъ подчиняться всѣмъ или нѣкоторымъ внушеніямъ, за исключеніемъ внушенія безпамятства. Воспоминаніе вообще не утрачивается.

При 3-й степени имѣется глубокій сонъ, или сомнамбулизмъ въ собственномъ значеніи этого слова. Въ этой степени имѣется полная амнезія по пробужденіи и могутъ быть вызваны такъ называемыя постъ-гипнотическія явленія.

По ученію психологической школы гипнозъ есть состояніе, ничего болѣзненнаго не представляющее и обусловливаемое исключительно внушеніемъ. При этомъ самый гипнозъ можетъ быть вызванъ у огромнаго числа совершенно здоровыхъ лицъ, хотя и въ неодинаковой степени, но безъ всякаго для нихъ вреда, при чемъ благодаря воспріимчивости къ внушеніямъ гипнозъ можетъ быть очень важнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ къ излѣченію разнообразныхъ болѣзненныхъ разстройствъ.

Критика того и другого взгляда.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ разнорѣчій въ настоящее время уже устранены научной критикой, но основное разногласіе въ воззрѣніяхъ на природу гипнотизма до сихъ поръ остается еще не окончательно устраненнымъ. Поэтому возникаетъ прежде всего вопросъ, какъ слѣдуетъ относиться къ этимъ разнорѣчіямъ въ области научнаго изученія гипнотизма.

Прежде всего, можемъ ли мы признать, согласно ученію физіологической школы, или школы Шарко, что гипнозъ есть искусственно вызванный неврозъ или особое нервное состояніе, родственное съ истеріей?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эта точка зрѣнія грѣшитъ противъ истины тѣмъ, что въ такомъ случаѣ почти всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, очень многихъ пришлось бы признать истеричными. Независимо отъ этого въ настоящее время доказано, что, хотя истеричные и могутъ проявлять классическія формы гипноза, тѣмъ не менѣе гипнозъ въ его рѣзкихъ проявленіяхъ можетъ быть вызванъ и нерѣдко вызывается у тѣхъ лицъ, которыя никогда не были истеричными, и у которыхъ нѣтъ никакихъ указаній на присутствіе истеріи. Сюда относятся, напр., алкоголики.

Съ другой стороны, и точка зрѣнія психологической школы является безусловно односторонней. Сводя всѣ явленія въ гипнозѣ и самое появленіе гипноза на словесное внушеніе, эта школа отчасти игнорируетъ всѣ факты, добытые физіологической школой, отчасти объясняетъ ихъ путемъ внушенія же. А между тѣмъ, многіе изъ этихъ фактовъ, несомнѣнно, не мирятся съ теоріей внушенія, т. е. одного такъ наз. психическаго воздѣйствія, и не могутъ быть имъ объяснены.

Такъ, извѣстно, что людей легко гипнотизируетъ въ извѣстныхъ случаяхъ методически-однообразное тиканіе часовъ, журчаніе ручья, шумъ мельничнаго колеса, мерцаніе свѣта передъ глазами и т. п. Но представители Нансійской школы не признаютъ убѣдительности этихъ явленій въ смыслѣ вліянія физіологическихъ факторовъ на развитіе сна. Они полагаютъ, что эти явленія потому усыпляютъ, что будто бы вмѣстѣ съ ними прививается идея сна, и что будто бы эта идея, а не физическое раздраженіе, приводитъ къ усыпленію. Почему именно вышеизложенныя раздраженія, а не какія-либо другія, вызываютъ идею сна, остается невыясненнымъ. Но не проще ли вмѣсто прививаемой идеи сна говорить о непосредственномъ вліяніи монотонныхъ раздраженій на нервную систему и вызываніи этимъ путемъ гипнотическаго сна? Вѣдь, угнетающее вліяніе однообразныхъ слабыхъ внѣшнихъ раздраженій—въ настоящее время твердо установленный въ наукѣ фактъ. Но имѣются факты, относящіеся къ взрослымъ людямъ, которые не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ физическія явленія вызывали гипнозъ при такихъ условіяхъ, когда нельзя было объяснить появленіе гипноза посредствующимъ вліяніемъ какихъ-либо идей. Въ этомъ случаѣ я могу сослаться на два своихъ наблюденія, гдѣ до очевидности ясно гипнозъ вызывался чисто физическими причинами безъ всякаго участія внушенія.

Въ одномъ случаѣ, напримѣръ, образованный врачъ, страдавшій ракомъ позвоночника съ полнымъ параличемъ и анэстезіей нижнихъ конечностей, которому по терапевтическимъ показаніямъ производилась пассивная гимнастика нечувствительныхъ стопъ въ теченіе 15—20 мин., впадалъ при этомъ въ глубокій гипнотическій сонъ, въ которомъ производимое затѣмъ обыкновенно въ бодрственномъ состояніи крайне болѣзненное насильственное растяженіе контрактуръ въ колѣнахъ оказывалось совершенно нечувствительнымъ. Самъ больной при этомъ неоднократно выражалъ удивленіе, что на него можетъ оказывать усыпляющее вліяніе пассивное движеніе его стопъ, состоявшее въ простомъ вращеніи ихъ въ голеностопномъ сочлененіи.

Случай этотъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что усыпленіе больного съ помощью словеснаго внушенія по способу Бернгейма вызывало лишь легкія проявленія сна, во время котораго насильственное разгибаніе контрактуръ въ колѣнахъ подобно тому, какъ и въ бодрственномъ состояніи, сопровождалось рѣзкими болѣзненными ощущеніями.

Другое, заслуживающее вниманія наблюденіе сдѣлано мною надъ безграмотнымъ новобранцемъ, страдавшимъ неполнымъ двигательнымъ и чувствительнымъ параличемъ обѣихъ нижнихъ конечностей вслѣдствіе бугорчатаго пораженія позвоночнаго столба, выразившагося выпячиваніемъ нѣсколькихъ грудныхъ позвонковъ. Въ этомъ случаѣ, съ цѣлью изслѣдованія рефлексовъ, я долженъ былъ производить больному продолжительное однообразное поколачиваніе врачебнымъ молоточкомъ по передней поверхности большой берцовой кости. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ, къ удивленію своему, я замѣтилъ, что больной впалъ въ гипнозъ, въ которомъ можно было производить съ успѣхомъ различныя внушенія и даже вызывать внушенные обманы чувствъ, или галлюцинаціи. То же самое наблюдалось и въ другіе разы при подобномъ же изслѣдованіи больного, который, какъ необразованный человѣкъ, не имѣлъ вообще никакого понятія о способахъ вызыванія этимъ путемъ гипноза, а слѣдовательно, и не могъ вызывать въ своемъ воображеніи никакого самовнушенія сна при поколачиваніи молоточкомъ по большой берцовой кости.

Съ другой стороны, развѣ мы сами на себѣ не испытываемъ усыпляющее вліяніе журчащаго ручья, шума мельничнаго колеса и падающей воды безъ всякихъ внушеній о снѣ? О возможности самовнушеній въ этомъ случаѣ говорить неосновательно уже потому, что тѣ же самыя или сходныя условія производятъ одинаковое вліяніе и на младенцевъ. Да и не знаемъ ли мы примѣровъ, когда наши дѣти, не имѣющія рѣшительно никакого понятія о гипнозѣ и способахъ его вызыванія, совершенно невольно засыпаютъ, напримѣръ, при продолжительномъ созерцаніи блестящихъ предметовъ или при убаюкиваніи однообразнымъ мотивомъ колыбельной пѣсни.

Далѣе мы должны имѣть въ виду усыпляющее дѣйствіе нѣкоторыхъ физическихъ пріемовъ у новорожденныхъ дѣтей, какъ, напримѣръ, однообразной колыбельной пѣсни, похлопыванія по тѣлу, поглаживанія по животу и т. п.

Наконецъ, и явленія гипноза у животныхъ въ видѣ укрощенія дикихъ звѣрей пристальнымъ взглядомъ, извѣстный experimentum mirabile надъ пѣтухами, явленія каталепсіи у лягушекъ, нѣкоторыхъ ящерицъ и другихъ низшихъ позвоночныхъ, вызываемыя особыми физическими пріемами (проф. Н. Даниленскій, д-ръ Поповъ), и извѣстное завораживаніе змѣй съ помощью звуковъ флейты доказываютъ, что явленія гипноза или, по крайней мѣрѣ, состоянія, близкія къ нимъ, могутъ вызываться одними физическими явленіями безъ всякаго вліянія совмѣстно прививаемой идеи или внушенія.

Должно замѣтить, что увлеченіе такъ называемыми психическими воздѣйствіями на развитіе гипноза доходило до того, что и появленіе обыкновеннаго сна и пробужденіе отъ него по утрамъ стали ставить въ зависимость отъ идеи или внушенія. Но врядъ ли нужно говорить, что здѣсь сказалось больше предубѣжденіе, чѣмъ простое увлеченіе, такъ какъ сонъ есть явленіе всеобщее среди животныхъ, обладающихъ нервной системой, и при томъ наблюдается какъ

у взрослыхъ, такъ и у новорожденныхъ, и у послѣднихъ еще въ большей мѣрѣ, нежели у взрослыхъ.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что самое понятіе „психическаго“ теперь въ виду монистическихъ воззрѣній должно быть видоизмѣнено, и нынѣ съ нимъ также связывается извѣстное физическое воздѣйствіе на нервную систему, оставляющее въ ней извѣстный матеріальный слѣдъ, который затѣмъ и оживляется, возбуждаясь новыми впечатлѣніями при посредствѣ репродуктивной и сочетательной дѣятельности нервной системы. Другими словами когда говорятъ о значеніи психическихъ воздѣйствій, то въ этомъ случаѣ не исключается собственно и физическая сторона воздѣйствія, такъ какъ вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о психическихъ явленіяхъ, необходимо подразумѣвать собственно нервно-психическія явленія.

Руководясь всѣмъ вышеизложеннымъ, мы признаемъ, что гипнозъ не есть одно лишь психическое явленіе и не вызывается только психическими воздѣйствіями, хотя бы и понимаемыми въ смыслѣ нервно-психическихъ явленій.

Но гипнозъ нельзя также разсматривать какъ явленіе чисто нервное, или неврозъ, согласно взгляду Сальпетріерской школы, такъ какъ въ пользу такого расширенія понятія о неврозахъ, вообще, и въ частности объ истерическомъ неврозѣ не можетъ быть приведено никакихъ вѣскихъ соображеній.

Такимъ образомъ, неправы и тѣ, которые причину вызыванія гипноза сводятъ, главнымъ образомъ, на вліяніе физическихъ агентовъ, дѣйствующихъ черезъ периферическія нервныя окончанія или даже, какъ думаютъ нѣкоторые, прямо на мозгъ; въ самомъ дѣлѣ, нельзя отрицать, что у человѣка внушеніе является однимъ изъ могущественныхъ агентовъ, быстро приводящихъ къ усыпленію; съ другой стороны, и во многихъ другихъ употребительныхъ способахъ гипнотизаціи вліяніе внушенія, если и можетъ быть устранено вполнѣ, то лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ.

Итакъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ придерживаться взгляда, что гипнозъ можетъ быть вызываемъ различными способами, а именно: какъ физическими, т. е. непосредственно дѣйствующими на нервную систему, агентами, такъ и психическимъ путемъ—съ помощью внушенія, при чемъ для вызыванія гипноза съ лѣчебной цѣлью внушеніе какъ по быстротѣ своего дѣйствія, такъ и по удобству его примѣненія, въ настоящее время безусловно заслуживаетъ предпочтенія предъ всѣми остальными пріемами гипнотизаціи; но все же нельзя пренебрегать и нѣкоторыми физическими пріемами, какъ способствующими воздѣйствію внушенія, какъ, напр., сосредоточеніе зрѣнія на томъ или другомъ предметѣ.

Сближеніе гипноза съ обыкновеннымъ сномъ.

На гипнозъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на видоизмѣненіе естественнаго сна, и какъ сонъ не есть только психическое явленіе и не вызывается одними только психическими воздѣйствіями, но обусловливается также и опредѣленными физическими вліяніями, такъ и гипнозъ можетъ быть вызываемъ какъ съ помощью такъ называемыхъ психическихъ пріемовъ внушенія, такъ и съ помощью тѣхъ или другихъ физическихъ вліяній.

Извѣстно, что обыкновенный сонъ, выражаясь опредѣленными явленіями со стороны психической сферы, въ то же время выражается и цѣлымъ рядомъ явленій въ сферѣ физической, какъ то: измѣненіями со стороны чувствительности рефлексовъ, вазомоторной сферы и пр. Хотя существенная причина сна для насъ остается еще неизвѣстной, тѣмъ не менѣе врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что сонъ, сопровождаясь опредѣленными измѣненіями мозгового кровообращенія, обусловливается не одними лишь психическими, но и извѣстными физическими условіями и прежде всего—утомленіемъ. Но несомнѣнно, что мы въ извѣстной мѣрѣ можемъ сами противодѣйствовать ему, и, съ другой стороны, мы можемъ иногда вызывать у себя сонъ путемъ самовнушенія при убѣжденіи въ необходимости заснуть въ данное время. Кому не извѣстно съ другой стороны, что естественный сонъ мы можемъ прерывать по заранѣе задуманному плану,

при чемъ мы пробуждаемся именно въ тотъ часъ, когда это для насъ необходимо? Въ этомъ отношеніи въ литературѣ имѣются даже наслѣдованія (проф. Чижъ), доказывающія возможность пробужденія въ опредѣленный часъ, согласно заранѣе принятому въ этомъ отношеніи рѣшенію. Очевидно, такимъ образомъ, что обыкновенный сонъ допускаетъ по отношенію къ себѣ воздѣйствіе какъ физическими, такъ и психическими, или, собственно, нервно-психическими агентами. Равнымъ образомъ, и гипнозъ, какъ видоизмѣненіе сна, можетъ быть вызываемъ не исключительно только психическими моментами, напримѣръ, внушеніемъ, но и чисто физическими агентами.

Доказательствомъ послѣдняго, кромѣ уже вышеприведенныхъ данныхъ, является то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ одно внушеніе далеко не вызываетъ столь глубокаго гипнотическаго сна, какъ внушеніе, сопровождаемое физическими пріемами. Я зналъ, напримѣръ, одну женщину, которая не усыплялась иначе, какъ съ помощью направленнаго въ ея глаза сильнаго снопа лучей съ помощью зеркала. Эта женщина при примѣненіи такого именно пріема засыпала столь глубокимъ сномъ, что разбудить ее словеснымъ внушеніемъ уже не удавалось, и требовалось сильно расталкивать ее вмѣстѣ съ крикомъ, а когда это не помогало, то приходилось даже примѣнять электрическій токъ на тѣ или другіе отдѣлы кожныхъ покрововъ и этимъ путемъ выводить ее изъ глубокаго гипнотическаго состоянія.

Равнымъ образомъ извѣстно, что болѣе глубокому гипнотическому усыпленію способствуетъ иногда наклонность къ естественному сну, вызванная его недостаткомъ или сильнымъ утомленіемъ. Кромѣ того, извѣстно, что и предварительное примѣненіе фармакологическихъ успокаивающихъ и снотворныхъ, какъ, напримѣръ, большого количества бромовъ съ хлораломъ, особенно же—сомнофора, содѣйствуетъ развитію болѣе глубокаго гипнотическаго сна.

Такъ какъ гипнозъ, съ нашей точки врѣнія, есть не что иное, какъ видоизмѣненіе естественнаго сна, то отсюда понятно и его всеобщее распространеніе не только у людей, но и въ обширномъ рядѣ животныхъ, имѣющихъ сонъ.

Извѣстно, что въ нормальномъ снѣ слухъ засыпаетъ позднѣе другихъ органовъ чувствъ, и предъ окончательнымъ, т. е. полнымъ, сномъ всегда есть извѣстный періодъ, когда уже мозгъ на самомъ дѣлѣ спитъ и въ немъ началось развитіе грезъ, въ то время, какъ слухъ еще бодрствуетъ и легко воспринимаетъ внѣшнія впечатлѣнія. При полномъ же снѣ усыпляется и слухъ, при чемъ заснувшій, отрѣшившись отъ внѣшняго міра, вполнѣ отдается теченію своихъ сновидѣній. Существуютъ, кромѣ того, и болѣе слабыя степени сна, которыя называются легкимъ или слабымъ сномъ, обычно предшествующимъ болѣе глубокому засыпанію. Самыя же слабыя проявленія сна мы называемъ дремотой.

Извѣстно также, что степень, или глубина, сна въ нормальномъ состояніи не только различествуетъ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій и періода или продолжительности сна, но и представляется далеко не одинаковою у различныхъ лицъ. Нѣкоторыя лица почти никогда не спятъ полнымъ или глубокимъ сномъ, а засыпаютъ лишь такъ, что малѣйшій шорохъ ихъ будитъ, и сонъ ихъ скорѣе напоминаетъ дремоту. Весьма многіе спятъ не очень глубокимъ сномъ, въ которомъ нерѣзкія внѣшнія впечатлѣнія уже не воспринимаются, но въ которомъ поражаетъ обиліе грезъ и сновидѣній. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнаго рода даже легко удаются и внушенія во снѣ. Наконецъ, въ иныхъ случаяхъ человѣкъ засыпаетъ весьма глубокимъ или такъ называемымъ „мертвымъ“ сномъ, или „сномъ убитаго“, въ которомъ сновидѣній нѣтъ или ихъ мало, и они не вспоминаются по пробужденіи.

Если теперь мы попытаемся сравнить съ нормальнымъ сномъ гипнозъ, то убѣдимся, что въ послѣднемъ какъ бы повторяются всѣ явленія нормальнаго сна.

Какъ извѣстно, гипнозъ можетъ быть различной степени. Въ однихъ случаяхъ это—не что иное, какъ состояніе простой дремоты; въ другихъ случаяхъ гипнотизируемый испытываетъ состояніе легкаго сна, въ которомъ личность еще бодрствуетъ и воздѣйствуетъ на процессы психической сферы, хотя и не въ той

мѣрѣ, какъ въ бодрственномъ состояніи. При этомъ загипнотизированныя лица слышатъ все, что кругомъ ихъ говорятъ окружающіе, отвѣчаютъ на ихъ вопросы и, вообще, довольно сносно ориентируются въ окружающемъ мірѣ, но сами большею частью не могутъ открыть глазъ и проснуться, по пробужденіи же большею частью сохраняютъ воспоминаніе о происходившемъ въ гипнозѣ, хотя и не совсѣмъ полное.

Описанное состояніе сопровождается всегда болѣе или менѣе яснымъ пониженіемъ чувствительности и даетъ возможность производить съ успѣхомъ внушенія, хотя эти внушенія и менѣе дѣйствительны, нежели внушенія въ болѣе глубокихъ степеняхъ гипноза. Послѣднія характеризуются болѣе или менѣе полнымъ усыпленіемъ личной сферы, отсутствіемъ воли и всѣхъ, вообще, движеній, кромѣ рефлекторныхъ и внушенныхъ, болѣе или менѣе рѣзкой анэстезіей тѣла и, наконецъ, полнымъ запамятованіемъ всего, чему подвергается субъектъ въ гипнозѣ. Въ этомъ болѣе глубокомъ состояніи гипноза усыпленный уже не воспринимаетъ внѣшняго міра, за исключеніемъ всего того, что исходитъ отъ усыпителя. Онъ вполнѣ подчиненъ волѣ послѣдняго и легко поддается внушеніямъ. Наконецъ, въ особенно рѣдкихъ случаяхъ гипнозъ какъ я убѣдился, бываетъ еще глубже, когда внушенія уже не удаются, и самый гипнозъ напоминаетъ собою обыкновенный глубокій сонъ, изъ котораго можно вывести субъекта лишь съ помощью тѣхъ или другихъ, иногда только сильныхъ, внѣшнихъ раздраженій.

Такимъ образомъ, по силѣ или степени развитія различныя состоянія гипноза могутъ быть вполнѣ уподоблены различнымъ степенямъ естественнаго сна. При этомъ явленія, наблюдаемыя въ гипнозѣ, большею частью могутъ быть обнаружены и въ обыкновенномъ, или естественномъ, снѣ. Поразительная внушаемость, проявляемая въ извѣстной степени гипноза, не можетъ служить отличіемъ послѣдняго отъ естественнаго сна, такъ какъ извѣстны примѣры, что и въ естественномъ снѣ у нѣкоторыхъ лицъ внушаемость наблюдается въ рѣзкой степени. Къ тому же внушенія возможны и въ бодрственномъ состояніи.

Сами внушенія въ состояніи глубокаго гипноза суть не что иное, какъ сновидѣнія, которыя являются въ головѣ усыпленнаго по желанію или внушенію усыпителя. Съ другой стороны, и работа мысли, проявляемая въ гипнозѣ самостоятельно или же по желанію усыпителя, какъ всѣмъ извѣстно, наблюдается и въ нормальномъ, или естественномъ, снѣ. Лицъ, мало посвященныхъ въ изслѣдованія, относящіяся къ гипнозу, и не знакомыхъ съ нимъ ближе, болѣе всего поражаютъ обыкновенно такъ называемыя „послѣгипнотическія“ внушенія, которыя считаются своеобразною особенностью гипнотическаго сна. Но, какъ ни поразительны явленія послѣгипнотическихъ внушеній, они, какъ увидимъ ниже, ничуть не представляютъ исключительной особенности гипнотическаго сна, такъ какъ подобныя же явленія наблюдаются иногда и въ обыкновенномъ снѣ и даже въ бодрственномъ состояніи. Особенностью гипноза является скорѣе всего то своеобразное отношеніе между усыпленнымъ и усыпителемъ, которое наблюдается въ глубокихъ степеняхъ гипноза, и запамятованіе всего внушаемаго въ гипнозѣ, такъ какъ ни того, ни другого мы не встрѣчаемъ въ обыкновенномъ снѣ.

Но эти особенности вполнѣ удовлетворительно объясняются тѣмъ, что гипнотическій сонъ вызывается искусственно, а не является самъ собою, какъ естественный сонъ. Послѣдній происходитъ путемъ естественнаго засыпанія безъ посторонняго внушенія или вліянія, путемъ, слѣдовательно, самоусыпленія, въ которомъ продукты воспоминаній и послѣднія внѣшнія воспріятія, возбуждающія сновидѣнія, все еще связаны съ личностью заснувшаго лица, и потому, когда онъ просыпается, то путемъ сцѣпленія идей припоминается и сновидѣніе. Съ другой стороны, сновидѣнія въ естественномъ снѣ возникаютъ подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ болѣзненныхъ ощущеній въ организмѣ. Въ этомъ случаѣ также создается почва для воспроизведенія въ памяти сновидѣній по пробужденіи. Но, конечно, далеко не всѣ сновидѣнія связаны съ послѣдними внѣшними воспріятіями, съ болѣзненными ощущеніями или воспоминаніями, связанными съ личностью, и потому есть сновидѣнія, которыя мы не можемъ воскресить въ своей памяти по

пробужденіи. Кромѣ того, запамятованіе, или такъ называемое „засыпаніе“ сновидѣній обусловливается иногда тѣмъ обстоятельствомъ, что, проснувшись на нѣкоторое время среди ночи и припомнивъ сновидѣнія, человѣкъ снова засыпаетъ, при чемъ у него возникаютъ новыя ассоціаціи и сновидѣнія, прежнія же не могутъ быть воспроизведены, главнымъ образомъ, благодаря отсутствію ихъ связи съ новыми сновидѣніями.

Нѣсколько иначе дѣло представляется въ гипнозѣ. Здѣсь сонъ внушается или вызывается посторонними лицомъ, при чемъ субъектъ засыпаетъ съ мыслью о вліяніи на него усыпителя, и это-то приводитъ къ своеобразному отношенію между усыпленнымъ и усыпителемъ во время самого гипноза. Внушенныя сновидѣнія усыпленнаго вносятся въ его личность, какъ нѣчто совершенно постороннее, не связанное ассоціативно съ его личностью, или его „я“, и потому по пробужденіи послѣдняго наблюдается запамятованіе всего того, что происходило въ гипнозѣ. Что это на самомъ дѣлѣ такъ, доказывается очень легко тѣмъ фактомъ, что амнезія въ гипнозѣ легко устраняется съ помощью внушенія: „все помнить по пробужденіи“. Это внушеніе, безъ сомнѣнія, заставляетъ усыпленнаго тотчасъ же ввести испытанныя имъ внушенія въ соотношеніе со своимъ „я“, чтобы затѣмъ припомнить ихъ по пробужденіи, что на самомъ дѣлѣ и происходитъ.

Въ своеобразномъ видоизмѣненіи сна, связаннаго съ эмоціей, которое мы называемъ гипнозомъ, возможны и сновидѣнія. По крайней мѣрѣ, я имѣлъ полную возможность наблюдать въ отдѣльныхъ случаяхъ существованіе сновидѣній и въ гипнозѣ.

Такъ, одна изъ дамъ, которую я лѣчилъ отъ болей съ помощью гипнотическихъ внушеній, иногда, будучи въ гипнозѣ, безъ всякихъ внушеній сама вставала со стула и шла впередъ, не открывая глазъ. Оказалось, что она дѣйствовала въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ сновидѣній. Однажды, на мой вопросъ, куда она направляется, она объяснила, что видитъ впереди себя прекрасную рощу, куда она должна пойти.

Въ другомъ случаѣ больной, долго остававшійся въ гипнозѣ, отъ котораго онъ даже не легко освобождался обычными пріемами, вдругъ самъ внезапно просыпается въ испугѣ. Оказалось, что онъ увидѣлъ сонъ, будто проваливается въ какую-то пропасть, и это его разбудило.

Итакъ, все заставляетъ признать, что гипнозъ есть не что иное, какъ вызываемое особыми пріемами видоизмѣненіе обыкновеннаго, или естественнаго, сна.

Сообразно тому и свойственныя ему явленія суть явленія двухъ порядковъ: физическаго, или, точнѣе, физіологическаго, и психическаго. Первыя привлекли къ себѣ, главнымъ образомъ, представителей Салпетріерской школы и послужили основаніемъ многочисленныхъ работъ, внушенныхъ идеями этой школы; вторыя были подробно и старательно изучены Нансійской школой.

Каждая школа, однако, преувеличила значеніе изслѣдуемыхъ ею явленій и желала объяснять съ своей точки зрѣнія и тѣ явленія, которыя ею не объясняются и относятся совершенно къ другой категоріи.

Такимъ образомъ, мы должны признать, на основаніи, между прочимъ, и своихъ личныхъ наблюденій, рядъ фактовъ, открытыхъ въ изученіи гипнотизма Салпетріерской школой. Съ другой стороны, безспорно, что внушеніе въ гипнозѣ играетъ много болѣе выдающуюся роль и въ проявленіи разнообразныхъ физическихъ измѣненій по сравненію съ тѣмъ, какъ относилась къ нему Салпетріерская школа.

Сближеніе гипноза съ болѣзненными измѣненіями сна.

Однако, съ признаніемъ гипноза видоизмѣненіемъ естественнаго сна не совсѣмъ исключается и сближеніе гипноза, особенно глубокихъ его степеней, съ неврозомъ. Дѣло въ томъ, что намъ извѣстны нервныя состоянія, представля-

ющія собою видоизмѣненія сна, которыя должны быть родственны гипнозу. Такое состояніе извѣстно подъ названіемъ естественнаго сомнамбулизма. Послѣдній представляетъ собою явленіе, хотя и самостоятельно возникающее, но несомнѣнно родственное гипнозу, вызываемому искусственными пріемами. Это доказывается не только тѣмъ, что въ гипнозѣ по внушенію, какъ я убѣдился, вызываются всѣ рѣшительно явленія, которыя мы наблюдаемъ и въ естественномъ сомнамбулизмѣ, но еще и тѣмъ, что больные, бывшіе въ припадкѣ естественнаго сомнамбулизма, обыкновенно, придя въ себя, не припоминаютъ ни одного изъ своихъ дѣйствій, совершенныхъ въ этомъ припадкѣ, но если ихъ привести затѣмъ въ гипнотическое состояніе, то они въ состояніи рѣшительно все воспроизвести изъ того, что съ ними было въ теченіе сомнамбулическаго состоянія.

Въ этомъ отношеніи я могу привести одинъ изъ поучительныхъ примѣровъ, уже давно мною описанный, но тѣмъ не менѣе не потерявшій еще своего интереса и въ настоящее время *). Дѣло шло о женщинѣ, которая подъ вліяніемъ внушенія легко впадала въ гипнозъ, но у нея же наблюдались и припадки естественнаго сомнамбулизма въ ночное время. Во время одного изъ этихъ припадковъ больная свихнула себѣ большой палецъ, при чемъ на постели она нашла себя въ платьѣ, на которомъ оказались высохшіе листья деревьевъ, и по этому обстоятельству—такъ какъ она хорошо помнила, что наканунѣ легла, раздѣвшись—она могла заключить, что она вставала ночью и гдѣ-то ходила между деревьями. Въ другой разъ она проснулась съ отмороженными пальцами. Дѣло было зимой. Это опять-таки служило указаніемъ, что больная ночью гдѣ-то бродила внѣ дома, но гдѣ именно—она с к а з а т ь, к а к ъ и, в о о б щ е, ч т о - л и б о п р и п о м н и т ь, не могла. Такихъ припадковъ сомнамбулизма съ больной случалось немало—тѣмъ болѣе, что она страдала ими еще съ юношескаго возраста.

Событія, бывшія съ нею во время припадковъ сомнамбулизма, однако тотчасъ же разъяснились, какъ только я подвергъ больную сеансамъ гипноза. Въ состояніи гипноза она могла разсказать свои ночныя путешествія со всѣми мельчайшими деталями. Оказалось, что въ первомъ случаѣ больная, вставъ ночью, одѣлась и направилась въ садъ, гдѣ имѣлся старый закрытый колодецъ. Она вознамѣрилась покончить съ собою, бросившись въ колодецъ, но оказалось, что крышка была прихлопнута плотно, и тутъ при безуспѣшныхъ попыткахъ открыть старый колодецъ она свихнула себѣ большой палецъ, послѣ чего вернулась домой и легла въ постель въ платьѣ. Во второмъ случаѣ больная вышла изъ дому въ зимнюю стужу недостаточно тепло одѣтой. Шла по улицамъ довольно далеко, вышла за городъ и затѣмъ вернулась домой, позноблвъ себѣ пальцы.

Такимъ образомъ, очевидно, что между состояніемъ естественнаго сомнамбулизма и состояніемъ глубокаго гипноза имѣется столь близкая аналогія, что состояніе психической сферы можетъ быть признано и тамъ, и здѣсь одинаковымъ, если принять во вниманіе, что воспроизведеніе внутреннихъ переживаній, по извѣстному психологическому закону, возможно только въ одинаковыхъ психическихъ состояніяхъ. Вѣдь, и воспроизведеніе изъ состоянія глубокаго гипноза возможно лишь въ подобномъ же состояніи глубокаго гипноза.

Отсюда очевидно, что между естественнымъ сомнамбулизмомъ и гипнозомъ можно провести такое сближеніе: и сомнамбулизмъ, и глубокій гипнозъ—оба представляютъ собою видоизмѣненія обыкновеннаго сна, при чемъ одно развивается самостоятельно, какъ необычное или ненормальное состояніе сна, вызываемое болѣзненными его нарушеніями, часто связанное между прочимъ съ юношескимъ возрастомъ, второе же вызывается искусственно съ помощью особыхъ пріемовъ.

Это сближеніе можетъ быть проведено еще дальше, если мы примемъ во вниманіе, что можетъ развиваться такъ называемый автогипнозъ, т. е. больные, подвергавшіеся сеансамъ гипноза, сами иногда впадаютъ въ гипнозъ.

*) Неврологическій Вѣстникъ. Ч. I.

Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, послѣдній развивается уже самостоятельно, какъ и обыкновенный сонъ.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что во время гипноза мы можемъ путемъ внушенія воспроизвести всѣ явленія естественнаго сомнамбулизма, и съ другой стороны—путемъ внушенія же въ гипнозѣ мы можемъ и устранить естественный сомнамбулизмъ, т. е. излѣчить его.

Такимъ образомъ, аналогія между гипнозомъ и естественнымъ сомнамбулизмомъ представляется полной. Но естественный сомнамбулизмъ уже представляетъ собою явленіе ненормальное и въ извѣстныхъ случаяхъ болѣзненное, представляющее собою какъ бы болѣзнь сна.

Съ другой стороны, въ извѣстномъ родствѣ съ естественнымъ сомнамбулизмомъ стоитъ и такой неврозъ, какъ истерія, припадки которой также представляютъ собою состоянія подобныя сну и даже какъ бы патологическія состоянія сна. Возьмемъ, напримѣръ, состояніе, извѣстное подъ названіемъ истерическаго сна, которое въ значительной мѣрѣ напоминаетъ собою дѣйствительный сонъ. Да и другія истерическія состоянія съ такъ называемымъ помраченіемъ сознанія вполнѣ напоминаютъ собою сновидныя состоянія. И изъ истерическаго припадка, какъ и изъ естественнаго сомнамбулизма, опять-таки можно вызвать воспроизведенія въ состояніи гипноза, а съ другой стороны—съ помощью внушенія въ гипнозѣ можно вызвать всѣ проявленія истерическихъ припадковъ и, само собою разумѣется, устранить ихъ.

Что касается другого болѣе тяжелаго общаго невроза—эпилепсіи, то, хотя и здѣсь можно найти нѣкоторыя общія черты между такъ называемымъ эпилептическимъ автоматизмомъ и глубокимъ гипнозомъ, и даже, какъ показываютъ позднѣйшія изслѣдованія, произведенныя во Франціи и у насъ въ клиникѣ, имѣется возможность постепенно устранить при посредствѣ глубокаго гипноза и путемъ цѣлаго ряда настойчивыхъ и послѣдовательно проводимыхъ въ гипнозѣ внушеній амнезію этихъ состояній,—но несомнѣнно, что эпилептическіе приступы не могутъ быть воспроизводимы съ помощью гипноза, какъ не могутъ они быть и устраняемы гипнозомъ, откуда очевидно, что дальше естественнаго сомнамбулизма и истеріи сближеніе глубокаго гипноза вести нельзя.

Говоря о сближеніи глубокаго гипноза съ сомнамбулизмомъ и истеріей, конечно, мы ничуть не раздѣляемъ взгляда Шарко, понимавшаго гипнозъ, какъ состояніе первное, или неврозъ, подобный истеріи.

Какъ уже сказано ранѣе, мы разсматриваемъ гипнозъ, какъ видоизмѣненіе обыкновеннаго сна. Но, такъ какъ естественный сомнамбулизмъ, какъ болѣзнь сна, и истерическій припадокъ, какъ сноподобное состояніе, родственны обыкновенному сну, то отсюда нетрудно понять, почему могутъ быть установлены точки сближенія между гипнозомъ и естественнымъ сомнамбулизмомъ и истеріей, какъ имѣются точки сближенія между обыкновеннымъ сномъ и сомнамбулизмомъ и истерическими припадками, хотя никто не станетъ отождествлять обыкновенный сонъ ни съ сомнамбулизмомъ, ни, тѣмъ болѣе, съ истеріей.

О природѣ гипноза, какъ видоизмѣненія сна.

Возникаетъ теперь вопросъ, въ чемъ же, въ сущности, состоитъ видоизмѣненіе сна, которое мы называемъ гипнозомъ.

Принимая во вниманіе тѣ особенности, которыя отмѣчаются, какъ особенности гипнотическаго сна, мы имѣемъ основаніе полагать, что гипнозъ не есть только внушенный сонъ, какъ полагаетъ Бернгеймъ, а является своеобразнымъ видоизмѣненіемъ сна, связаннымъ съ эмоціей, вызванной самимъ усыпленіемъ.

Разсмотримъ еще разъ послѣдовательно вышеуказанныя отличія гипноза отъ обыкновеннаго сна.

Первая особенность, состоящая въ томъ, что съ загипнотизированнымъ лицомъ можно говорить и можно дѣлать ему различныя внушенія, которымъ онъ повинуется, какъ извѣстно, встрѣчается иногда и при обыкновенномъ снѣ.

Есть лица, которыя постоянно спятъ такимъ образомъ, что съ ними можно говорить, получать отъ нихъ отвѣты, можно имъ то или другое внушать и такимъ путемъ заставлять продѣлывать то или другое. Какъ извѣстно, такого рода лица иногда служатъ предметомъ забавы ихъ сотоварищей, которые продѣлываютъ надъ ними тѣ или другія шутки.

Нѣкоторые полагаютъ даже, что можно изъ обыкновеннаго сна приводить людей въ гипнотическій сонъ. Тѣмъ не менѣе, ясно, что обыкновенный сонъ, кромѣ исключительныхъ случаевъ, не сопровождается явленіями внушаемости, но, если мы представимъ себѣ, что усыпляемый въ гипнозѣ засыпаетъ съ эмоціей ожиданія сна, вызванной усыпляющими пріемами гипнотизатора, то всѣ явленія внушаемости вполнѣ объяснимы, такъ какъ именно эмоція сопровождается такимъ состояніемъ, которое чрезвычайно располагаетъ къ внушаемости. Извѣстно, напр., какъ легко прививаются путемъ самовнушенія различныя навязчивыя состоянія при пережитой эмоціи страха и какъ легко осуществляются цѣлебныя самовнушенія при религіозной эмоціи, связанной съ ожиданіемъ исцѣленія.

Если мы обратимся къ вопросу объ амнезіи, то нужно опять-таки имѣть въ виду, что амнезія не свойственна въ полной мѣрѣ обыкновенному сну. Мы обыкновенно можемъ разсказать тѣ сновидѣнія, которыя испытываемъ во снѣ предъ самымъ пробужденіемъ, но эмоція обыкновенно сопровождается запамятованіемъ всего происшедшаго.

Что касается особенности глубокаго гипнотическаго состоянія, заключающейся въ установленіи особаго отношенія между гипнотизеромъ и усыпленнымъ и характерной для глубокаго гипноза, то, хотя она и не наблюдается въ обыкновенномъ снѣ, но, вѣдь, обыкновенный сонъ, какъ мы уже говорили выше, и не вызывается посторонними лицомъ по внушенію, какъ гипнозъ, а представляется явленіемъ, развивающимся самостоятельно при извѣстныхъ условіяхъ, и потому естественно, что въ немъ не можетъ быть вышеуказанной особенности, свойственной глубокому гипнозу, какъ сну, связанному съ эмоціей ожиданія, обусловленнаго пріемами усыпленія и направляющаго сосредоточеніе на гипнотизатора.

Въ согласіи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что вышеуказанная особенность, объясняемая условіями вызыванія гипноза, сопровождающагося сосредоточеніемъ со стороны усыпляемаго на личности гипнотизатора, не наблюдается въ случаяхъ менѣе глубокаго гипноза, когда сосредоточеніе не вполнѣ поглощается личностью гипнотизатора и его дѣйствіями.

Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго не трудно усмотрѣть, что различія между обыкновеннымъ сномъ и гипнозомъ въ сущности объясняются условіями вызыванія гипноза, какъ искусственнаго усыпленія, связаннаго съ эмоціей.

Что касается другихъ явленій, наблюдаемыхъ въ гипнозѣ, какъ, напримѣръ, ослабленіе чувствительности, общее ослабленіе двигательной сферы, закрытіе глазъ, нѣкоторое повышеніе сухожильныхъ рефлексовъ при ослабленіи кожныхъ рефлексовъ, состояніе дыханія и пр., то они представляютъ аналогію съ тѣми измѣненіями, которыя въ этихъ функціяхъ наблюдаются при обыкновенномъ снѣ, связанномъ съ эмоціей: такъ, напр., пульсъ въ гипнозѣ, по изслѣдованіямъ, производившимся у насъ, является нѣсколько учащеннымъ (д-ръ Лазурскій), что представляетъ различіе отъ обыкновеннаго сна, объясняемое участіемъ эмоціи, связанной съ усыпленіемъ.

Прежде, чѣмъ покончить съ вопросомъ о природѣ гипнотизма, необходимо еще остановиться на одномъ мнѣніи, которое разсматриваетъ гипнозъ просто, какъ эмоцію.

Хотя это мнѣніе и заявляется нѣкоторыми изъ авторовъ, но я не вижу основанія, чтобы долго задерживаться на этомъ взглядѣ. По моему убѣжденію, это мнѣніе не опирается ни на одинъ достовѣрный фактъ. Если гипнозъ есть только эмоція, то спрашивается, почему обыкновенный сонъ не—эмоція. И затѣмъ, если гипнозъ есть только эмоція, то возникаетъ вопросъ, какая это эмоція, и какое біологическое значеніе она имѣетъ, такъ какъ всѣ, вообще, эмоціи имѣютъ всегда

извѣстное біологическое значеніе. Если гипнозъ есть только эмоція, то спрашивается, гдѣ и при какихъ условіяхъ она наблюдается въ природѣ. Если гипнозъ есть только эмоція, то почему при немъ глаза остаются закрытыми? Наконецъ, извѣстно успокаивающее вліяніе гипноза, которое нельзя также согласовать съ предположеніемъ о гипнозѣ, какъ простой эмоціи.

Различныя фазы гипноза и его классификація.

Теперь наступилъ моментъ спросить себя: если гипнозъ есть видоизмѣненіе обыкновеннаго сна, связанное съ эмоціей, то существуютъ ли три фазы гипноза, согласно ученію Салпетріерской школы? Признавъ открытые этой школой факты реальными, необходимо въ то же время имѣть въ виду, что такія фазы, которыя различаются Салпетріерской школой, могутъ быть наблюдаемы только въ случаяхъ истерическаго гипноза, если можно такъ выразиться, при чемъ онѣ обусловлены въ значительной мѣрѣ невольнымъ внушеніемъ или самовнушеніемъ истеричныхъ, подвергавшихся частымъ сеансамъ гипноза. Всѣми однако, нынѣ признается, что, какъ правило, эти фазы въ дѣйствительности не существуютъ. Впрочемъ, и представители Салпетріерской школы не отрицаютъ, что случаи гипноза, гдѣ имѣются описанныя три фазы, рѣдки; но Шарко признавалъ въ нихъ какъ бы наиболѣе полное выраженіе гипнотизма, а потому разсматривалъ эти случаи, какъ типичные и, слѣдовательно, наиболѣе подходящіе для изученія. Однако, врядъ ли кто-нибудь согласится съ тѣмъ, что рѣдкіе случаи должно разсматривать, какъ случаи типическіе. Наконецъ, и истерическій неврозъ можетъ вносить и, несомнѣнно, вноситъ въ явленія гипноза свои особенности, свой отпечатокъ,—иначе говоря, на истеричныхъ мы можемъ встрѣтиться съ гипнозомъ, какъ бы осложненнымъ истерическими проявленіями, а поэтому такіе случаи истерическаго гипноза уже по тому одному не могутъ быть разсматриваемы, какъ типическіе случаи гипноза, что и для истеричныхъ эти случаи являются далеко не частыми.

Итакъ, описанныя Шарко три фазы гипноза суть не что иное, какъ фазы истерическаго гипноза, или гипноза истеричныхъ *), для которыхъ, впрочемъ, эти фазы врядъ ли также являются типичными, особенно если истерію разсматривать съ той широкой точки зрѣнія, которой научилъ насъ держаться самъ Шарко,—если, словомъ, къ истеріи причислять не только случаи такъ называемой большой истеріи, но и случаи обыкновенной, или малой, истеріи и даже всѣ случаи съ такъ называемыми истерическими признаками, или стигматами.

Надо, однако, замѣтить, что если классификація Салпетріерской школы не находитъ защитниковъ въ виду нѣкоторой искусственности и необычайной рѣдкости тѣхъ явленій, которыя легли въ основаніе ея ученія, то всѣ вообще классификаціи Нансійской школы, не исключая и Форелевской, отличаются недостаточной опредѣленностью. Самъ Бернгеймъ о своей классификаціи съ 9-ю степенями гипноза, въ основаніи которой лежитъ сохраненіе или отсутствіе воспоминанія по пробужденіи, говоритъ: „Всѣ эти степени—чисто искусственныя и суть не что иное, какъ точки опоры при описаніи. Но ошибочно думать, что всякій субъектъ непремѣнно подходитъ подъ одинъ изъ этихъ классовъ. Психическое состояніе, опредѣляющее у каждаго эти явленія, безконечно разнообразно. Здѣсь все индивидуально".

Это замѣчаніе одинаково относится также и къ другимъ классификаціямъ Нансійской школы.

Въ настоящее время, вообще, нѣтъ удовлетворительной классификаціи гипноза. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно классифицировать не имѣющія строгихъ границъ и постепенно переходящія другъ въ друга степени одного и того же состоянія, при томъ въ различныхъ случаяхъ проявляющагося далеко не одина-

*) Между прочимъ, у насъ объ истерическихъ формахъ гипноза писалъ въ свое время Мочутковскій. См. его лекціи объ истерическихъ формахъ гипноза. Одесса.

ковымъ образомъ? Вотъ почему всѣ классификаціи подобнаго рода не могутъ не быть искусственными, и мы только ради практическихъ интересовъ можемъ остановиться на той или другой классификаціи.

Мы думаемъ, что правильнѣе всего ради практическихъ цѣлей различать пока малый гипнозъ, средній гипнозъ и глубокій гипнозъ.

При маломъ гипнозѣ глаза закрыты, но они могутъ быть открываемы по произволу, хотя обыкновенно и съ нѣкоторыми усиліями. Подчиненіе волѣ изслѣдователя имѣется, но оно не настолько значительно, чтобы гипнотизируемый не могъ бороться съ внушеніями. Отношеніе къ внушеніямъ зависитъ въ этомъ случаѣ, главнымъ образомъ, отъ личности и отношенія ея къ гипнотизирующему. Внушенія, слѣдовательно, могутъ быть дѣйствительны въ этомъ случаѣ лишь при отсутствіи сопротивленія со стороны гипнотизируемаго лица и при вѣрѣ въ ихъ дѣйствіе. При этомъ большая часть сдѣланныхъ внушеній припоминается по пробужденіи отъ гипноза.

При средней степени гипноза или такъ назыв. очарованіи (гипотаксіи), гипнотизируемый уже не можетъ выйти самъ изъ гипноза, онъ подчиняется внушеніямъ по крайней мѣрѣ въ такой мѣрѣ, въ какой они не расходятся съ его основными нравственными воззрѣніями. При этомъ во время гипноза онъ ориентируется въ отношеніи окружающаго и по пробужденіи въ большинствѣ случаевъ мало помнитъ о сдѣланныхъ внушеніяхъ.

Наконецъ, глубокій гипнозъ характеризуется болѣе или менѣе полнымъ подчиненіемъ личности, осуществленіемъ самыхъ разнообразныхъ внушеній по выходѣ изъ гипноза и, наконецъ, нерѣдко особымъ отношеніемъ къ гипнотизатору со стороны спящаго; при этомъ обыкновенно ни одно изъ внушеній не помнится загипнотизированнымъ по выходѣ изъ гипноза, если, конечно, не сдѣлано спеціальнаго внушенія помнить все и внѣ гипноза.

Само собою разумѣется, что эти три степени гипноза различествуютъ не только въ отношеніи психическихъ явленій, но и по своимъ физическимъ признакамъ.

При маломъ гипнозѣ физическія явленія весьма незначительны; можно констатировать лишь нѣкоторую пассивность членовъ и отяжелѣніе вѣкъ и затѣмъ ничего другого со стороны двигательной сферы.

При средней степени наблюдается уже легкая анэстезія и притупленіе функцій органовъ чувствъ, болѣе или менѣе значительная пассивность всѣхъ членовъ и невозможность открывать глаза.

При глубокомъ гипнозѣ наблюдается болѣе или менѣе глубокая анэстезія, повышеніе рефлексовъ и значительное пониженіе функціи воспринимающихъ органовъ, за исключеніемъ того, что въ отношеніи гипнотизирующаго и его внушеній можетъ появляться даже повышенная чувствительность (такъ называемый избирательный сомнамбулизмъ).

Способы вызыванія гипноза.

Обращаясь къ вопросу о вызываніи гипноза, необходимо имѣть въ виду, что для этого съ пользою могутъ служить различные способы, изъ которыхъ одни могутъ считаться физіологическими, такъ какъ они дѣйствуютъ непосредственно на тѣ или другіе изъ воспринимающихъ органовъ и послѣдовательно на мозгъ, тогда какъ другіе суть такъ называемые психическіе пріемы, такъ какъ они разсчитаны на дѣйствіе при участіи репродуктивно-сочетательной дѣятельности высшихъ центровъ.

Разсмотримъ съ самаго начала физіологическіе возбудители гипноза, не предрѣшая, впрочемъ, способа ихъ вліянія исключительно только въ физіологическомъ смыслѣ, противъ чего высказывается Нансійская школа.

Можно вызвать гипнозъ дѣйствіемъ на различные воспринимающіе органы, при чемъ, по характеру, эти раздраженія могутъ быть слабыя и продолжительныя или, наоборотъ, сильныя и внезапныя. Такъ, въ отношеніи зрѣнія можно

пользоваться фиксаціей взгляда на блестящемъ предметѣ или вообще фиксаціей взгляда на помѣщенномъ передъ глазами предметѣ; съ другой стороны—мы можемъ пользоваться внезапнымъ возгараніемъ магніи, внезапно брошеннымъ въ глаза электрическимъ или солнечнымъ снопомъ свѣта.

Въ органѣ слуха пріемомъ для усыпленія можетъ служить всякій вообще однообразный убаюкивающій звукъ, но для той же цѣли могутъ служить и внезапныя и сильныя раздраженія звуками тамъ-тама и другихъ инструментовъ, которыми пользовались въ Салпетріерѣ.

Въ органѣ осязанія хорошими усыпляющими пріемами являются пассы, продолжительное сжиманіе пальцевъ, методическое массированіе и пр. Съ другой стороны, гипнозъ является и при внезапномъ давленіи на особыя чувствительныя области, называемыя истерогенными, или гипногенными (у истеричныхъ).

Изъ вліяній на мышечное чувство можно отмѣтить методическія пассивныя движенія членовъ, какъ методъ, вызывающій гипнозъ.

Можно ли вызвать гипнозъ дѣйствіемъ на органы обоняніа и вкуса, не удалось еще показать, хотя Бине и Фере склоняются въ пользу такой возможности.

Изъ психическихъ пріемовъ наиболѣе существеннымъ является внушеніе, которое состоитъ какъ бы въ прививаніи идеи сна; наиболѣе дѣйствительнымъ въ этомъ отношеніи, безъ сомнѣнія, является словесное внушеніе, которое опять-таки можетъ быть производимо или въ видѣ постепеннаго возбужденія ассоціацій о снѣ съ помощью заявленій, что гипнотизируемый чувствуетъ отяжелѣніе вѣкъ, рукъ и ногъ, что сонъ приближается, что сонъ наступаетъ и т. п., или же его можно вызывать простымъ повелительнымъ заявленіемъ: „спите!"

Почему именно эти два различныхъ пріема—медленныхъ и методическихъ воздѣйствій, съ одной стороны, и внезапныхъ и сильныхъ, съ другой—приводятъ къ развитію гипноза, нетрудно догадаться. Дѣло въ томъ, что и та, и другая форма внѣшнихъ раздраженій дѣйствуетъ угнетающимъ образомъ на психику, что, очевидно, и способствуетъ развитію гипнотическаго состоянія.

Здѣсь нужно отмѣтить, что строгое разграниченіе между физіологическими и психическими пріемами гипнотизаціи не можетъ быть проведено, такъ какъ и съ физіологическими воздѣйствіями можетъ связываться ассоціація о снѣ. Представители Нансійской школы, какъ мы видѣли выше, утверждали даже, что всѣ такъ называемые физіологическіе пріемы вездѣ и всюду возбуждаютъ гипнозъ не иначе, какъ путемъ прививанія идеи сна.

Дѣйствительно, можно опытнымъ путемъ доказать, что сонъ можетъ быть вызванъ тѣмъ или инымъ вліяніемъ, съ которымъ связана мысль о снѣ. Сюда относится, напримѣръ, сочтаніе по счету. Предварительно заявляется, что данное лицо заснетъ при счетѣ на 10-ой цифрѣ, при чемъ безразлично, будетъ ли счетъ предоставленъ самому гипнотизируемому лицу, или же его будетъ вести гипнотизеръ, но на 10-ой цифрѣ сонъ обыкновенно наступаетъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ лицъ, которыя уже раньше подвергались гипнозу.

Само собою разумѣется, что вмѣсто счета можетъ быть взято для усыпленія и всякое другое раздраженіе, съ которымъ предварительно будетъ связана мысль о засыпаніи. Такимъ образомъ, самый фактъ возможности вызыванія гипноза психическимъ путемъ, т. е. путемъ ассоціаціи, но при посредствѣ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ физіологическихъ воздѣйствій, представляется несомнѣннымъ.

Но всегда ли дѣло обстоитъ именно такимъ образомъ?

Мы уже видѣли, что это на самомъ дѣлѣ не такъ. Дѣло въ томъ, что и у лица, не имѣвшаго никакого понятія о гипнозѣ, методическое покалачиваніе по большой берцовой кости вызывало гипнотическій сонъ. Съ другой стороны, пассивное методическое движеніе стопъ въ голеностопномъ сочлененіи вызывало у интеллигентнаго больного съ параличемъ ногъ глубокій гипнозъ въ то время, какъ словесное внушеніе могло вызывать лишь слабый гипнозъ.

Въ подтвержденіе сказаннаго я могу еще указать на одну больную, которая быстро впадала въ глубокій гипнозъ подъ вліяніемъ сильнаго освѣщенія ея

глазъ съ помощью зеркала, и которая въ то же время путемъ внушенія не могла быть приведена въ глубокій гипнозъ, а обнаруживала лишь легкую дремоту.

Изъ наиболѣе удобныхъ въ практическомъ отношеніи и наиболѣе простыхъ психическихъ пріемовъ гипнотизаціи должно быть признано словесное внушеніе съ постепеннымъ прививаніемъ ассоціаціи сна. При этомъ субъекту внушается, чтобы онъ сосредоточился на томъ, что онъ засыпаетъ, что онъ при этомъ все болѣе и болѣе погружается въ сонъ, и что уже начинаетъ спать. Изъ физическихъ же пріемовъ болѣе простымъ является фиксація какого-либо, всего лучше небольшого, блестящаго предмета, напримѣръ, хотя бы металлической головки врачебнаго молотка.

Но первый способъ, въ отдѣльности примѣняемый, иногда требуетъ болѣе или менѣе продолжительнаго времени для осуществленія. Второй способъ съ фиксированіемъ блестящаго предмета имѣетъ то существенное неудобство, что при продолжительномъ смотрѣніи обусловливаетъ значительное утомленіе глазъ, приводящее иногда къ тѣмъ или другимъ первымъ проявленіямъ, а между тѣмъ усыпленіе почти никогда при этомъ способѣ не наступаетъ скоро.

По моимъ наблюденіямъ, гипнозъ скорѣе всего наступитъ, если мы будемъ для усыпленія совмѣщать тотъ и другой способъ. Поэтому въ своей практикѣ я пользуюсь обыкновенно головкой врачебнаго молоточка, на которую предлагаю гипнотизируемому смотрѣть, и вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ-же приступаю къ словесному внушенію, предлагая сосредоточить мысль на томъ, что онъ начинаетъ засыпать, что онъ уже чувствуетъ приближеніе сна, что онъ засыпаетъ и т. п. Если въ теченіе нѣсколькихъ секундъ глаза гипнотизируемаго лица не закрываются при постепенномъ прививаніи ассоціаціи о снѣ и при фиксированіи предмета, то я устраняю головку молоточка отъ глазъ и дѣлаю тотчасъ же внушеніе: „закрывайте глаза и спите“, которое обычно и приводитъ къ желаемому результату. Вся операція съ вновь гипнотизируемыми лицами не требуетъ времени больше нѣсколькихъ секундъ, самое большое одной-двухъ минутъ.

Что же касается тѣхъ лицъ, которыя уже гипнотизировались раньше, то дѣло обстоитъ еще проще. Имъ достаточно бываетъ произнести нѣсколько словъ внушенія и приставить головку молоточка къ глазамъ, чтобы усыпленіе уже наступило. У испытанныхъ гипнотиковъ, конечно, можно ограничиваться и однимъ повелительнымъ „засыпайте!“.

Должно имѣть въ виду, что усыпленіе весьма мало зависитъ отъ желанія или нежеланія заснуть. Намѣренное желаніе достигнуть сна скорѣе предитъ наступленію гипноза и во всякомъ случаѣ ему не содѣйствуетъ. Съ другой стороны, скептицизмъ по отношенію къ гипнозу и увѣренность больного, что онъ не можетъ поддаться гипнозу, ничуть не препятствуетъ развитію гипноза. Одинъ паціентъ въ этомъ отношеніи недурно выразилъ въ нѣсколькихъ строфахъ, какъ его скептицизмъ былъ разбитъ силою дѣйствительности:

„Вчера я въ первый разъ испытывалъ гипнозъ.
Артистъ въ душѣ, я вѣрю месмеризму.
Сперва легъ на диванъ, фиксировалъ свой носъ,
И пересталъ вдругъ вѣрить гипнотизму.
Лежалъ, закрывъ глаза, но слышалъ все прекрасно:
И ровный тембръ врача, и пассы его рукъ.
И думалъ про себя: напрасно, все напрасно,
Мнѣ не изгнать моихъ душевныхъ мукъ.
И вдругъ услышалъ я: «Страданья прекратятся.
Хотя не вдругъ, но будетъ легче вамъ».
А я лежалъ, хотѣлось мнѣ смѣяться,
И слышалъ конки звонъ и дребезжанье рамъ.
Лежалъ такъ пять минутъ. Вдругъ тяжесть въ организмѣ,
Отекъ въ рукахъ, ногахъ почувствовалъ я вдругъ.
«Вы погрузились въ сонъ. Теперь вы въ гипнотизмѣ».
И что жъ, не могъ поднять никакъ своихъ же рукъ.
Что жъ это—сонъ? Иль, можетъ, опьянѣнье?
Но я увѣренъ въ томъ, что я тогда не спалъ.

Ахъ, какъ желалъ бы выяснить сомнѣнье,
Рѣшить—то былъ гипнозъ, иль только я усталъ.
Болѣзни нервныя гипнозу поддаются,
Увѣренъ въ томъ. Я вѣрю въ мессеризмъ!
Но сила Мессера лишь избраннымъ дается,
Итакъ—еще ссапсъ—и къ чорту пессимизмъ".

Объ условіяхъ, затрудняющихъ развитіе гипноза, и о распространенности гипноза.

Здѣсь необходимо сказать о нѣкоторыхъ индивидуальныхъ и внѣшнихъ условіяхъ, которыя препятствуютъ развитію гипноза.

Въ числѣ этихъ условій слѣдуетъ упомянуть о сильной эмоціи больного, вызванной какимъ-либо посторонннимъ вліяніемъ и не устраненной во время процесса гипнотизированія.

Въ числѣ другихъ эмоцій слѣдуетъ имѣть въ виду и желаніе имѣть сонъ во что бы то ни стало. Такъ, нѣкоторые не засыпаютъ потому, что усиленно хотятъ заснуть, и волнуются тѣмъ, что они не могутъ заснуть.

Въ поясненіе сказаннаго необходимо здѣсь привести примѣръ Ч. Дарвина съ чиханіемъ. Извѣстно, что Дарвинъ держалъ пари съ 12-ю лицами о томъ, что они не будутъ чихать отъ щепотки нюхательнаго табаку. Всѣ увѣряли, что они всегда чихаютъ подъ вліяніемъ нюхательнаго табаку, но когда пришлось чихать на парн, то подъ вліяніемъ усиленнаго желанія чихнуть на самомъ дѣлѣ и боязни, что это имъ не удастся, оказалось, что у всѣхъ 12-ти лицъ чиханія отъ табаку, дѣйствительно, не наступило, и всѣми ими пари было проиграно.

Эмоція сомнѣнія и боязни, связанная съ сильнымъ желаніемъ, здѣсь привела къ угнетенію рефлекса и какъ бы парализовала самый актъ чиханія.

То же можетъ случиться и съ гипнотизируемыми лицами. Горя сильнымъ желаніемъ сна и боясь, что они могутъ не заснуть, они и дѣствительно не засыпаютъ.

Вопросъ, всѣ ли лица подвергаются гипнозу, на практикѣ рѣшается, за нѣкоторыми исключеніями, въ положительномъ смыслѣ; правильнѣе будетъ сказать, что гипнозъ можетъ быть вызванъ у огромнаго числа лицъ. Надо, однако, сказать, что тѣ рѣдкія лица, которыя не могутъ быть загипнотизированы обычными пріемами, имѣютъ, какъ я убѣдился, твердое убѣжденіе, что они не могутъ заснуть, и въ то же время боятся самого усыпленія. Вообще, при первыхъ же попыткахъ гипноза у нихъ появляется ассоціація, связанная съ соотвѣтствующей эмоціей страха, которая настолько противодѣйствуетъ внушенію и другимъ употребительнымъ пріемамъ гипнотизаціи, что они оказываются въ такомъ случаѣ безсильными. Это, конечно, не значитъ, что тѣхъ же лицъ нельзя было бы усыпить другими пріемами и при другихъ условіяхъ. Все дѣло въ томъ, чтобы побороть и ослабить идею страха, противодѣйствующую гипнотизаціи. Съ другой стороны, развитію гипноза нерѣдко оказываетъ пользу предварительное примѣненіе гипнотическихъ средствъ, а также большее или меньшее расположеніе ко сну, утомленіе умственное и физическое и пр. Наконецъ, и личность гипнотизирующаго, его большая или меньшая авторитетность въ глазахъ больныхъ, его пріемы и нѣкоторое искусство при существованіи увѣренности въ своихъ дѣйствіяхъ, безъ сомнѣнія, не остаются безъ значенія въ отношеніи большаго или меньшаго успѣха при гипнотизаціи.

Благодаря этимъ условіямъ, цифры, которыми обозначаютъ число лицъ, подвергаемыхъ гипнозу, у различныхъ изслѣдователей представляются неодинаковыми.

На основаніи личнаго опыта я прихожу къ заключенію, что огромное большинство лицъ можетъ быть усыпляемо тѣми или другими извѣстными намъ пріемами. Однако, степень или глубина сна у различныхъ лицъ далеко неодинакова. Къ сожалѣнію, у многихъ лицъ мы имѣемъ неглубокія степени сна. И хотя у нѣкоторыхъ удается первоначально слабую степень сна перевести при послѣ-

дующихъ сеансахъ въ болѣе глубокую, однако это далеко не можетъ считаться правиломъ, и многія лица, такимъ образомъ, навсегда остаются при слабыхъ степеняхъ сна, которыми, впрочемъ, также можно пользоваться съ терапевтическими цѣлями.

Объ объективныхъ признакахъ гипноза и внушенія.

Возникаетъ далѣе вопросъ, въ чемъ заключаются объективные признаки гипноза. Вопросъ этотъ въ прежнее время имѣлъ большое значеніе, такъ какъ нѣкоторые скептики ставили, вообще, подъ сомнѣніе самую реальность гипноза, какъ извѣстнаго явленія. Нынѣ, конечно, такихъ лицъ не имѣется или почти не имѣется. Тѣмъ не менѣе, вопросъ объ объективныхъ признакахъ гипноза не лишенъ значенія и нынѣ въ судебно-психіатрическомъ отношеніи.

Дѣло въ томъ, что гипнозъ можетъ быть орудіемъ для совершенія преступленія. Извѣстно уже нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ гипнотическое внушеніе играло роль, какъ средство, возбуждающее любовь женщинъ къ мужчинѣ и тѣмъ самымъ приводящее къ ихъ изнасилованію. Съ другой стороны, бывали примѣры, что женщины ложно обвиняли тѣхъ или другихъ лицъ въ гипнотизаціи ихъ съ цѣлью лишенія чести. Кромѣ того, и по другимъ основаніямъ гипнозъ можетъ быть предметомъ судебно-психіатрическаго изслѣдованія. Въ такихъ случаяхъ, конечно, должны имѣть особую цѣну такъ называемые объективные признаки гипноза и осуществленія производимыхъ въ немъ внушеній.

Для выясненія объективныхъ признаковъ гипноза много сдѣлано Сальпетріерской школой, отчасти и Нансійской школой (напримѣръ, Beaunis); однако, въ этомъ вопросѣ много еще остается сдѣлать. Что касается тѣхъ фазъ, о которыхъ говоритъ Сальпетріерская школа, то обыкновенные признаки ихъ состоятъ въ слѣдующемъ: при летаргіи явленія повышенной нервно-мышечной возбудимости служатъ, по Рише, несомнѣннымъ признакомъ этого состоянія, такъ какъ вызываемыя контрактуры совершенно будто бы отвѣчаютъ анатомическимъ и физіологическимъ даннымъ. Что касается каталептической фазы, то, по наблюденіямъ Шарко и Рише, чертежи, получаемые съ удерживаемаго на вѣсу члена каталептиковъ или притворщиковъ, даютъ существенную разницу въ томъ, что въ первомъ случаѣ линія выходитъ прямою, а во второмъ случаѣ — ломаною *). Также и въ дыханіи имѣется существенная разница между тѣмъ и другимъ состояніемъ.

Объективнымъ признакомъ сомнамбулической фазы опять являются контрактуры, вызываемыя при поверхностныхъ раздраженіяхъ. Обращали вниманіе также на электрическія явленія въ мышцахъ загипнотизированныхъ. По указаніямъ Мендельсона, скрытый періодъ сокращенія мышцы въ гипнозѣ будто бы короче, нежели въ бодрственномъ состояніи.

Но всѣ эти признаки, очевидно, относятся къ тѣмъ формамъ истерическаго гипноза, которыя вообще, какъ мы видѣли, представляютъ собою явленіе относительно рѣдкое.

Гораздо важнѣе имѣть въ виду тѣ признаки, которые изобличаютъ наступленіе обыкновенныхъ формъ гипноза.

Въ этомъ отношеніи, на мой взглядъ, заслуживаютъ вниманія слѣдующіе признаки:

1) Измѣненіе въ глубокомъ гипнозѣ тембра голоса, который обыкновенно становится болѣе глухимъ и болѣе слабымъ, что указываетъ на измѣненіе тонуса гортанныхъ мышцъ въ смыслѣ ихъ разслабленія.

2) Болѣе или менѣе ясное пониженіе чувствительности, объективно провѣряемое по реакціи зрачка.

3) Болѣе или менѣе замѣтное повышеніе сухожильныхъ рефлексовъ и пониженіе кожныхъ рефлексовъ.

*) Значеніе этого наблюденія, впрочемъ, оспаривается другими авторами.

4) Ослабленіе и нѣкоторое ускореніе пульсовой волны, которая, съ другой стороны, при нормальномъ учащеніи становится болѣе медленной.

5) Болѣе ровное и спокойное дыханіе.

Большинство этихъ признаковъ, однако, не легко уловимо безъ соотвѣтствующихъ записывающихъ приборовъ, что лишаетъ ихъ въ значительной мѣрѣ практическаго значенія. Въ виду этого особенно важнымъ доказательствомъ наступленія гипнотическаго состоянія является внушаемость, которая должна быть доказана объективнымъ путемъ.

Что касается осуществленія внушеній, то объ этомъ мы можемъ судить по тѣмъ или инымъ внѣшнимъ реакціямъ. Въ числѣ этихъ внѣшнихъ реакцій въ практическомъ отношеніи особую цѣну имѣютъ измѣненія со стороны дыханія и пульса, а также измѣненія въ мимикѣ лица, которыя особенно ярки бываютъ у нервныхъ лицъ съ подвижными чертами лица.

Для того, чтобы извлечь пользу изъ тѣхъ измѣненій, которыя наблюдаются подъ вліяніемъ внушеній, полезно, вообще, регистрировать пульсъ и дыханіе съ помощью записывающаго метода. Затѣмъ можно дѣлать тѣ или другія внушенія въ видѣ мнимаго впечатлѣнія, производимаго на воспринимающіе органы загипнотизированнаго, или же внушенія, возбуждающія ту или другую эмоцію. Напримѣръ, внушается, что человѣкъ испытываетъ сильную боль, видитъ передъ собою страшную картину, видитъ злую собаку, змѣю, ползущую неподалеку отъ него, и т. п.

Нѣтъ надобности говорить, что всѣ эти внушенія рѣзко отражаются какъ на пульсѣ, такъ и на дыханіи, при чемъ измѣненія этихъ функцій могутъ оказаться очень демонстративными, особенно со стороны дыханія, на которомъ отражается почти всякое внѣшнее воздѣйствіе въ той или иной степени, а эмоція выражается всегда крайне рѣзкимъ измѣненіемъ дыханія.

Что касается мимики, то, какъ я убѣдился, она также представляетъ въ извѣстныхъ случаяхъ важный объективный признакъ осуществленія внушенія, особенно при внушеніяхъ вкусовыхъ, обонятельныхъ и эмоціональныхъ. Само собою разумѣется, что измѣненіе мимики можетъ быть зафиксировано съ помощью фотографіи. Но мимика служитъ прекраснымъ объектомъ изслѣдованія лишь у извѣстнаго числа лицъ, у которыхъ она отличается живостью и въ нормальномъ состояніи. У лицъ же съ малоподвижной мимикой она и въ гипнозѣ не отличается большою живостью, и дѣло съ фотографированіемъ мимики при соотвѣтствующихъ внушеніяхъ, хотя и можетъ дать убѣдительныя картины, но далеко не столь демонстративныя, какъ въ первомъ случаѣ. Впрочемъ, различіе здѣсь, повидимому, зависитъ и отъ дѣйствія самого внушенія на гипнотизируемаго.

Теперь намъ необходимо остановиться еще на вопросѣ о сущности или природѣ гипнотическаго внушенія.

Хотя выше мы и опредѣлили гипнотизмъ, какъ видоизмѣненіе естественнаго сна, связаннаго съ эмоціей его ожиданія, но это опредѣленіе еще не выясняетъ намъ природы гипнотическаго внушенія, которая до сихъ поръ остается невыясненной работами авторовъ, писавшихъ о гипнозѣ.

Чтобы опредѣлить ближе, что такое гипнотическое внушеніе съ психологической стороны, и въ чемъ сущность его вліянія, необходимо имѣть въ виду двойственную природу раздраженій, достигающихъ мозга, и вмѣстѣ съ тѣмъ двойственный характеръ воспріятія. Одни раздраженія приходятъ къ мозгу отъ внутреннихъ областей тѣла и обусловлены разнообразными органическими процессами. Они возбуждаютъ въ мозгу различнаго рода органическія впечатлѣнія, оставляющія въ мозгу извѣстные слѣды, способные къ оживленію. Совокупность же этихъ слѣдовъ образуетъ органическую основу личности, или—въ субъективномъ воспріятіи—основу „я“.

Другой порядокъ раздраженій притекаетъ въ мозгъ отъ воздѣйствій, идущихъ извнѣ организма и вліяющихъ на мозгъ при посредствѣ такъ называемыхъ внѣшнихъ воспринимающихъ органовъ. Они являются матеріальной основой внѣшнихъ впечатлѣній, субъективнымъ показателемъ которыхъ служатъ

ощущенія. Эти внѣшнія впечатлѣнія въ свою очередь оставляютъ по себѣ извѣстные слѣды въ центрахъ. Часть этихъ слѣдовъ вступаетъ въ соотношеніе со слѣдами, входящими въ органическую основу личности, входя въ составъ слѣдовъ, образующихъ внѣшнюю основу личной сферы. Остальная часть этихъ внѣшнихъ слѣдовъ, не входящая въ соотношеніе съ органической основой личности, остается до поры до времени внѣ личной сферы; но при тѣхъ или другихъ случаяхъ путемъ сложной ассоціативной дѣятельности и эти слѣды отъ внѣшнихъ раздраженій могутъ входить въ сферу личности, наполняя ее своимъ матеріаломъ; многіе же изъ этихъ слѣдовъ остаются надолго, а въ извѣстныхъ случаяхъ и навсегда, внѣ сферы личности.

Такъ какъ органическія раздраженія подходятъ къ мозгу непрерывно подъ вліяніемъ постоянно совершающихся органическихъ процессовъ и при томъ, начиная отъ первыхъ начатковъ жизненныхъ проявленій, то естественно, что органическая основа личности является постоянно оживляющейся группой слѣдовъ, съ которой связываются путемъ сочетанія всѣ реакціи организма, направленныя къ обезпеченію органическихъ потребностей организма и къ устраненію отъ него вредныхъ вліяній. Точно такъ же и подготовительная реакція въ видѣ сосредоточенія стоитъ въ тѣсной связи съ безпрерывно возникающей группой органическихъ слѣдовъ личной сферы.

Собственно изъ внѣшнихъ впечатлѣній и образуемыхъ ими слѣдовъ лишь тѣ, которые возбуждаютъ ту или другую органическую реакцію, вступаютъ въ соотношеніе со сферой личности и становятся ея достояніемъ, другія же внѣшнія впечатлѣнія и ихъ слѣды, какъ мы уже говорили, до поры до времени не входятъ въ сферу личности.

Въ этомъ случаѣ собственно вышеуказанныя органическія реакціи, или, точнѣе говоря, получаемыя отъ нихъ впечатлѣнія и ихъ слѣды, и служатъ посредствующими ассоціаціями, устанавливающими сочетаніе между внѣшними впечатлѣніями и ихъ слѣдами и сферой личности.

Остальныя впечатлѣнія и ихъ слѣды, оставаясь внѣ сферы личности, тѣмъ не менѣе возбуждаютъ тѣ или другія внѣшнія двигательныя или иныя реакціи, которыя въ большинствѣ случаевъ не вступаютъ въ соотношеніе съ личностью,—иначе говоря, остаются незамѣченными нами.

Сюда относится цѣлый рядъ психо-рефлекторныхъ двигательныхъ реакцій, какъ наша ходьба, мимическія движенія и множество другихъ движеній, которыя принято называть автоматическими.

Надо, впрочемъ, имѣть въ виду, что съ момента, когда эти движенія возбуждаютъ реакцію сосредоточенія, они вступаютъ уже въ соотношеніе со сферой личности и становятся въ прямую отъ нея зависимость.

Равнымъ образомъ, и происходящая внѣ сферы личности ассоціативная дѣятельность, вступая путемъ внутренняго сосредоточенія (вниманія) въ соотношеніе со сферой личности, становится какъ бы ея достояніемъ и становится отъ нея зависимой въ томъ смыслѣ, что можетъ быть оживляема въ зависимости отъ личныхъ потребностей.

Такъ какъ органическія раздраженія, слѣды которыхъ входятъ въ сферу личности, являются выразителями состоянія органическихъ функцій организма и его потребностей, то очевидно, что сфера личности является главнѣйшимъ руководителемъ дѣйствій и поступковъ человѣка, направленіе которыхъ находится въ зависимости отъ органическихъ потребностей организма, тогда какъ цѣль опредѣляется тѣми внѣшними впечатлѣніями, которыя стоятъ въ ближайшей ассоціативной связи съ этими потребностями.

Равнымъ образомъ, и управленіе ходомъ ассоціацій стоитъ въ значительной мѣрѣ въ соотношеніи со сферой личности и регулируется также личными потребностями, возникающими на почвѣ органическихъ раздраженій. Благодаря этой регуляціи ассоціативной дѣятельности, не только ходъ многихъ ассоціацій направляется соотвѣтственно личнымъ потребностямъ, но и становится возможнымъ то планомѣрное ихъ теченіе, которое извѣстно подъ названіемъ сужденія.

Такова въ общихъ чертахъ схема нашей нервно-психики въ бодрственномъ ея состояніи, какъ мы ее понимаемъ на основаніи данныхъ объективной психологіи*). Но, какъ извѣстно, бодрственное состояніе смѣняется сномъ. Въ чемъ же состоитъ перемѣна, наступающая вмѣстѣ со сномъ, которому человѣкъ удѣляетъ около $^1/_3$ своей жизни?

Мы не войдемъ въ разсмотрѣніе того, какими физіологическими условіями, связанными съ дѣятельнымъ состояніемъ организма, обусловливается сонъ, и даже—чѣмъ онъ непосредственно обусловливается. Такимъ образомъ, мы оставимъ въ сторонѣ различныя теоріи сна, но здѣсь постараемся выяснить тѣ особенности, которыми характеризуется сонъ съ психологической стороны.

Прежде всего, съ внѣшней стороны сонъ характеризуется пассивностью двигательной сферы, но эта пассивность зависитъ отъ полной невозможности произвести хотя бы одно личное движеніе, тогда какъ всѣ другія движенія, какъ, напримѣръ, рефлекторныя и даже психо-рефлекторныя движенія (напримѣръ, чесаніе, смѣхъ, плачъ, стонъ и пр.) въ случаяхъ внѣшнихъ раздраженій или подъ вліяніемъ возникающихъ внутреннихъ импульсовъ остаются сохраненными.

Такъ какъ личныя движенія, лежащія въ основѣ такъ называемыхъ поступковъ и дѣйствій, какъ мы уже знаемъ, находятся въ прямой зависимости отъ сферы личности, то ясно, что наиболѣе существенная особенность сна заключается, если не въ полномъ подавленіи личности, то во всякомъ случаѣ въ такомъ ея угнетеніи, которое устраняетъ всякую власть надъ движеніями. Вмѣстѣ съ тѣмъ подавляются, очевидно, и всѣ ассоціаціи, стоящія въ связи со сферой личности. Тѣмъ не менѣе, ассоціаціи не вполнѣ исключаются во время сна. Какъ мы знаемъ, и въ бодрственномъ состояніи впечатлѣнія и слѣды не всегда возникаютъ въ тѣсной связи со сферой личности, но вступаютъ въ послѣднюю какъ бы извнѣ.

Такъ же точно и во снѣ, несмотря на подавленіе личности, возможна ассоціативная игра, развивающаяся независимо отъ самой личности, а въ связи съ тѣми или иными внѣшними раздраженіями. Что касается ассоціацій, то во время сна, вмѣстѣ съ подавленіемъ личности, и регуляція ихъ представляется существенно нарушенной, вслѣдствіе чего во снѣ ассоціаціи принимаютъ совершенно безпорядочный характеръ, при чемъ и самокритика, оцѣнивающая личность и ея отношеніе къ окружающему, а также отношеніе другихъ къ самому себѣ, совершенно утрачивается.

Дальнѣйшая особенность, которую мы должны отмѣтить во снѣ, это—необычайная яркость оживляемыхъ слѣдовъ, или сновидѣній, уподобляемая галлюцинаторнымъ образамъ и выражающаяся иногда въ рѣзкихъ измѣненіяхъ сердцебіенія и дыханія и въ развитіи секреторныхъ отправленій (потъ, поллюціи) и пр. Эта особенная живость слѣдовъ, оживляющихся во снѣ путемъ ассоціативной дѣятельности, должна быть поставлена въ связь съ подавленіемъ сферы личности, дѣйствующей, какъ можно полагать на основаніи цѣлаго ряда данныхъ, задерживающимъ образомъ на многія первно-психическія отправленія и вмѣстѣ съ тѣмъ на яркость оживляемыхъ слѣдовъ. Отсюда понятно, что оживляющіеся слѣды подъ вліяніемъ игры ассоціацій достигаютъ живости, далеко превосходящей ту, которую мы наблюдаемъ въ бодрственномъ состояніи при оживленіи слѣдовъ, исключая патологическіе случаи съ галлюцинаціями, въ большинствѣ также связанными съ подавленіемъ личности.

Такимъ образомъ, характеристикой сна является подавленіе личности, приводящее къ устраненію личныхъ движеній и развитію пассивности, къ устраненію ея регулирующаго вліянія на теченіе ассоціацій, которое становится безпорядочнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сопровождается устраненіемъ самокритики, и къ устраненію угнетающаго ея вліянія на оживленіе слѣдовъ, благодаря чему послѣдніе при оживленіи достигаютъ яркости галлюцинаторныхъ образовъ или внѣшнихъ впечатлѣній.

*) См. В. Бехтеревъ. Объективная психологія.

Что касается развитія сна, то, хотя онъ несомнѣнно стоитъ въ связи съ извѣстными фазами физіологическихъ процессовъ, но, съ другой стороны, въ развитіи сна играетъ роль цѣлый рядъ побочныхъ условій и даже такіе психическіе моменты, какъ возможное устраненіе всякихъ внѣшнихъ раздраженій при подавленіи всѣхъ личныхъ движеній *).

Съ этими свѣдѣніями о снѣ обратимся опять къ гипнозу, который, какъ мы уже ранѣе говорили, представляетъ собою не что иное, какъ видоизмѣненіе естественнаго сна, связанное съ эмоціей ожиданія.

Имѣя въ виду всѣ тѣ данныя, которыя относятся ко сну, мы теперь легче уяснимъ себѣ и природу гипноза.

Очевидно, что и гипнозъ представляетъ собою не что иное, какъ подавленіе личной сферы, благодаря чему въ немъ, подобно тому, какъ и во снѣ, наблюдается болѣе или менѣе полная пассивность двигательной сферы съ утратой личныхъ движеній; другія же движенія, какъ рефлекторныя и психо-рефлекторныя, сохраняются. Но при этомъ психо-рефлекторныя движенія могутъ быть вызваны путемъ игры ассоціацій, возбуждаемой извнѣ при помощи внушеній, т. е. путемъ бесѣды съ загипнотизированнымъ лицомъ.

Благодаря этому загипнотизированный въ силу возбуждаемой извнѣ игры ассоціацій производитъ, какъ бы автоматически, движенія ходьбы, подъемы, спуски по лѣстницѣ, прыжки черезъ рвы, мытье рукъ и пр. Точно такъ же по возбуждаемой извнѣ игрѣ ассоціацій загипнотизированное лицо будетъ обнаруживать какъ бы судорожное сжиманіе мышцъ, контрактуры членовъ или—напротивъ того—ихъ полный параличъ, благодаря тому, что игрой ассоціацій подавляются двигательные, или, точнѣе, мышечно-суставные слѣды движенія данныхъ членовъ.

Въ иныхъ случаяхъ подавляются слѣды не всѣхъ, вообще, движеній, а только опредѣленныхъ, и въ такомъ случаѣ мы имѣемъ какъ бы утрату способности воспроизводить слѣды этого движенія и, слѣдовательно, утрату и самого движенія.

Подобнымъ же образомъ путемъ подавленія слѣдовъ отъ внѣшнихъ раздраженій устраняются въ значительной мѣрѣ и тѣ рефлекторныя явленія, которыми они сопровождаются. По крайней мѣрѣ, произведенныя нами изслѣдованія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что рѣзкія кожныя раздраженія, обусловленныя дѣйствіемъ сильнаго электрическаго тока, обыкновенно возбуждающія у всѣхъ бодрствующихъ лицъ рѣзкія измѣненія со стороны дыханія и сердцебіенія и возбуждающія подобныя же явленія, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, во время самого гипноза, почти совершенно устраняются или, по крайней мѣрѣ, существенно ослабляются всѣдствіе соотвѣтствующимъ внушеніемъ о нечувствительности и неспособности воспринимать внѣшнія раздраженія **).

Словомъ, въ гипнозѣ дѣло идетъ о возбужденіи слѣдовъ и ассоціацій или подавленіи ихъ, но и то и другое происходитъ независимо отъ личности, которая остается подавленной, а путемъ словеснаго внушенія, иначе говоря, благодаря импульсамъ, приходящимъ извнѣ.

Нетрудно уяснить себѣ также, что благодаря подавленію личности можетъ быть возбуждаема въ гипнозѣ такого рода ассоціативная игра, которая въ бодрственномъ состояніи, благодаря самокритикѣ, возбуждаетъ внутренній отпоръ со стороны личности и подавляется, тогда какъ въ гипнозѣ она получаетъ свое развитіе. Извѣстно, что съ усыпленнымъ можно побывать и на сѣверномъ полюсѣ, и на лунѣ, и гдѣ угодно.

Что оживленіе слѣдовъ по внушенію здѣсь можетъ достигать яркости галлюцинаторныхъ образовъ, представляется вполнѣ понятнымъ послѣ того, что мы говорили о снѣ и что намъ извѣстно о сновидѣніяхъ.

Тою же живостью слѣдовъ, вызываемыхъ по внушенію, объясняется возбужденіе рефлексовъ въ органической и двигательной сферѣ подъ вліяніемъ внушен-

---

*) Доказателенъ, въ качествѣ эксперимента, въ этомъ случаѣ извѣстный примѣръ больного, изслѣдованнаго Штрюмпелемъ.

**) Бехтеревъ и Нарбутъ. „Обозрѣніе Психіатріи. 1906.

ныхъ внѣшнихъ раздраженій, а иногда и при посредствѣ внушаемыхъ, въ дѣйствительности же мнимыхъ—раздраженій. Находящемуся въ гипнозѣ можно внушить рѣзкую боль отъ давленія тупого конца булавки, и у него возникнутъ не только рефлекторныя оборонительныя движенія, но и расширеніе зрачка, а также наступятъ рѣзкія измѣненія со стороны дыханія и дѣятельности сердца.

Равнымъ образомъ, и возбуждая устрашающія галлюцинаціи, напримѣръ, видѣніе злой собаки, змѣи и т. п., мы вызовемъ всѣ признаки переживаемой загипнотизированнымъ эмоціи, сопровождаемой не только игрой мимики, но и соотвѣтствующими измѣненіями со стороны дыханія и сердцебіенія.

Объ амнезіи въ гипнозѣ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ объ амнезіи, наблюдаемой въ глубокихъ степеняхъ гипноза.

Объ этомъ явленіи мы уже говорили выше, но теперь мы разсмотримъ его съ точки зрѣнія нашихъ взглядовъ на природу сна и гипноза.

Прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду, что воспроизведеніе въ бодрственномъ состояніи въ однихъ случаяхъ стоитъ въ зависимости отъ личной сферы и обусловливается установленіемъ прочной связи между слѣдами и личной сферой; во всѣхъ же другихъ случаяхъ воспроизведеніе происходитъ по игрѣ ассоціацій, независимо отъ связи слѣдовъ съ личной сферой.

Такъ какъ только первое воспроизведеніе можетъ осуществляться по личнымъ импульсамъ или по произволу, говоря языкомъ субъективной психологіи, второй же способъ воспроизведенія находится не во власти личности, то вполнѣ понятно, что, выходя изъ состоянія, въ которомъ личность остается подавленной, человѣкъ не въ состояніи воспроизвести все, что съ нимъ творилось во время гипноза, по внушенію извнѣ; но достаточно установить связь между личностью больного и бывшими въ гипнозѣ явленіями путемъ словеснаго внушенія: „помните все и по пробужденіи“, чтобы припоминаніе всего, бывшаго въ гипнозѣ, въ бодрственномъ состояніи было полное.

Лѣчебное примѣненіе гипноза и выясненіе роли внушенія.

Въ лѣчебномъ отношеніи пользуются гипнозомъ собственно въ двухъ направленіяхъ: 1) пользуются самимъ гипнозомъ съ той или другой лѣчебной цѣлью, напримѣръ, для производства операцій, для устраненія острыхъ болей, обусловленныхъ тѣми или другими процессами, напримѣръ—родами, для предупрежденія истерическихъ припадковъ, для устраненія раздражительнаго состоянія больныхъ и т. п.; 2) пользуются гипнозомъ для производства въ немъ тѣхъ или другихъ внушеній.

Какъ ни важно бываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ примѣненіе самого гипноза, какъ искусственно вызваннаго сна, съ той или другой лѣчебною цѣлью, нельзя, однако, не признать, что въ настоящее время чаще всего приходится пользоваться гипнозомъ съ цѣлью производства тѣхъ или другихъ внушеній, и въ этомъ именно отношеніи гипнозъ получилъ наиболѣе широкое примѣненіе. Въ виду этого мы остановимся здѣсь на такъ называемыхъ послѣгипнотическихъ внушеніяхъ и ихъ значеніи во врачебной практикѣ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что внушаемость есть явленіе, свойственное всѣмъ и каждому. Оно глубоко коренится въ природѣ человѣка и основано на непроизвольномъ вліяніи слова и другихъ психическихъ импульсовъ на ходъ ассоціацій, на дѣйствія и поступки и на различныя отправленія организма.

Спрашивается: что же такое внушеніе?

По этому вопросу можно встрѣтить въ книгахъ самыя разнородныя опредѣленія, и ни одно изъ нихъ не можетъ насъ удовлетворить.

По моему мнѣнію, внушеніе есть не что иное, какъ искусственное привитіе путемъ слова или другимъ какимъ-либо способомъ различныхъ психиче-

скихъ явленій, и примѣръ, чувства, ощущенія, идеи или дѣйствія, другому лицу при отвлеченіи его волевого вниманія или сосредоточенія.

Въ извѣстныхъ предѣлахъ внушеніе возможно не только въ гипнозѣ, но и въ бодрственномъ состояніи, и при томъ оно осуществляется въ большей или меньшей степени у всѣхъ, вообще, лицъ. Конечно, личная сфера и связанная съ ней здоровая критика и разсудокъ въ бодрственномъ состояніи устраняютъ многія изъ идей, которыя больно или невольно внушаются намъ окружающими лицами. Но нѣкоторыя изъ здоровыхъ лицъ настолько податливы къ внушеніямъ въ бодрственномъ состояніи, что имъ легко могутъ быть внушаемы чувства, ощущенія и дѣйствія безъ всякаго съ ихъ стороны противодѣйствія.

Эта легкость внушенія въ бодрственномъ состояніи объясняется тѣмъ, что, благодаря индивидуальнымъ особенностямъ, вниманіе у нѣкоторыхъ лицъ можетъ быть легко отвлекаемо, и потому внѣшнія впечатлѣнія могутъ воздѣйствовать на психику при отвлеченіи личнаго (произвольнаго) сосредоточенія, благодаря чему внушенія дѣйствуютъ помимо личной сферы, а потому и не могутъ быть устраняемы послѣднею.

Такимъ образомъ, внушеніе идеи есть не что иное, какъ вторженіе въ психическую сферу даннаго лица, помимо его воли, посторонней идеи при посредствѣ слова или замѣняющихъ его движеній. Такъ какъ воспріятіе слова происходитъ чрезъ спеціальные органы, при участіи мышечнаго чувства, то естественно, что и внушеніе можетъ быть произведено при посредствѣ различныхъ способовъ, доступныхъ чувственному воспріятію, какъ, напримѣръ, путемъ слова или жестовъ, производимыхъ предъ субъектомъ, подвергаемымъ внушенію, и т. п.

Благодаря особому значенію слуха и зрѣнія въ развитіи нашей психической сферы, они служатъ обыкновенно главными посредниками внушенія, при чемъ наиболѣе выдающееся значеніе по своей силѣ, какъ и должно быть, получаетъ словесное внушеніе. Почти все наше воспитаніе или, по крайней мѣрѣ, многое изъ того, что достигается воспитаніемъ, основано на такомъ внушеніи. Точно такъ же и взрослый человѣкъ весьма нерѣдко подвергается внушенію. Не подлежитъ, поэтому, сомнѣнію, что внушеніе играетъ видную роль въ соціальной жизни народовъ. Распространеніе религіозныхъ ученій, многія изъ крупныхъ соціальныхъ событій, даже умственный прогрессъ народовъ были бы немыслимы безъ внушенія. Сила примѣра, значеніе авторитетовъ, вліяніе моды, увлеченіе массы лицъ, идущихъ на вѣрную смерть вслѣдствіе одного слова команды,— все это въ извѣстной мѣрѣ есть не что иное, какъ различныя проявленія внушенія.

Знаменитые полководцы, какъ и знаменитые демагоги, обязаны своими успѣхами не только силѣ своего ума, но, безъ сомнѣнія, до извѣстной степени и внушенной ими другимъ, въ силу необычныхъ качествъ своей личности и въ силу своего авторитета, увѣренности въ достиженіи той цѣли, которую они преслѣдуютъ.

У большинства людей, однако, внѣшнее впечатлѣніе обязательно привлекаетъ къ себѣ и сосредоточеніе, руководимое личной сферой, а, слѣдовательно, внушеніе встрѣчаетъ соотвѣтствующій отпоръ со стороны личности, чѣмъ и устраняется обязательность его вліянія.

Значеніе гипнотическаго внушенія.

Поэтому гипнозъ, въ которомъ личная сфера находится въ подавленномъ состояніи, представляется для большинства лицъ особенно подходящей почвой для дѣйствительности внушенія.

Нѣтъ надобности доказывать, что хотя въ гипнозѣ личная сфера и не исчезаетъ совершенно, но ея регулярная дѣятельность существенно ослабляется, и поэтому внушеніе должно оказывать гораздо болѣе могущественное вліяніе, нежели въ бодрственномъ состояніи. При этомъ опять-таки степень вліянія внушенія находится въ извѣстной зависимости отъ глубины сна. При извѣстной глубинѣ послѣдняго,

вообще внушеніе получаетъ неотразимую силу. Такимъ образомъ, лицамъ, находящимся въ гипнозѣ, можно внушать тѣ или другія чувства, настроенія, ложныя и мнимыя, ощущенія, иначе—иллюзіи и галлюцинаціи въ различныхъ органахъ чувствъ, такъ называемыя отрицательныя галлюцинаціи и отсутствіе существующихъ предметовъ, безпамятство, ложныя воспоминанія или такъ называемыя ретроактивныя галлюцинаціи, навязчивыя идеи и побужденія, измѣненія въ сосудистой и секреторныхъ сферахъ, а также тѣ или другія патологическія состоянія, напримѣръ, параличи, анэстезіи, измѣненія пульса и дыханія; наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ можно получать даже кожныя сыпи, такія, напримѣръ, какъ крапивницу.

Babinski въ послѣднее время сталъ подвергать сомнѣнію случаи кожныхъ пораженій, обусловленныхъ внушеніемъ. Однако, въ этомъ вопросѣ необходимо отличать случаи симуляціи отъ дѣйствительныхъ вліяній путемъ внушенія на кожные покровы. Возможность такого вліянія доказываетъ, напримѣръ, строго провѣренный случай Лунзы Лато, у которой подъ вліяніемъ религіознаго экстаза благодаря самовнушенію сочилась по пятницамъ кровь изъ тѣхъ областей тѣла, которыя были мѣстомъ пригвожденія Іисуса Христа.

Долженъ сказать, что мнѣ за время моей практики не удалось наблюдать ни одного аналогичнаго факта; а наоборотъ, мною наблюдалось нѣсколько случаевъ симуляціи на этой почвѣ. Мнѣ извѣстенъ, напр., случай появленія менструальнаго кровотеченія изъ глаза, который, кажется, былъ даже опубликованъ однимъ изъ глазныхъ врачей, какъ случай замѣняющаго менструальнаго кровотеченія изъ глаза; но, подробнѣе изслѣдовавъ этотъ случай, я нашелъ, что дѣло шло въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, о симуляціи, такъ какъ, смывъ кровавое пятно, можно было видѣть мѣсто укола булавкой, изъ котораго сочилась кровь. Когда больная замѣтила, что ея продѣлка не осталась незамѣченной, она стала намазывать себѣ подъ глазомъ свою менструальную кровь. Когда и этотъ обманъ былъ обнаруженъ, кровотеченіе больше не повторялось.

Мною былъ описанъ также случай, когда больная подъ вліяніемъ внушенія, что ей на плечо сзади приставленъ горчичникъ, и что въ результатѣ получится ожога, въ дѣйствительности получала ожогу, но отъ раскаленной вилки, прикладываемой ею къ соотвѣтствующей области, въ чемъ можно было убѣдиться и по формѣ самой ожоги, и затѣмъ по признанію самой больной, заявившей, что она не могла воздержаться отъ причиненія себѣ ожоги. Въ другомъ случаѣ на спинѣ истеричной больной были наклеены двѣ почтовыхъ марки съ внушеніемъ, что одна изъ нихъ представляетъ сильную мушку, которая должна за хорошо нарвать. На другой день ко мнѣ больная пришла съ дѣйствительно нарывомъ подъ одной изъ марокъ, но оказалось, что тутъ же виднѣлись и дѣйствительной мушки. Не было сомнѣнія, что за ночь была приложена и на то же мѣсто настоящая мушка, которая и произвела свой эффектъ, внушеніе же при этомъ было не при чемъ.

Эти факты вынуждаютъ меня, согласно съ нѣкоторыми изъ авторовъ, допускать возможность полученія при посредствѣ внушенія тѣхъ или другихъ трофическихъ разстройствъ на кожѣ, въ видѣ, напримѣръ, ожоги, нарывовъ и т. п. Но нельзя забывать, что сосудодвигательная сфера представляетъ собою, вообще, область, легко поддающуюся гипнотическому воздѣйствію. Извѣстны уже давно т. наз. заговоры крови, сводящіеся къ внушенію. Этимъ воздѣйствіемъ внушенія на систему кровеобращенія мы и должны объяснить вліяніе его на кожныя сыпи. Само собою разумѣется, что это вліяніе оказывается въ различныхъ случаяхъ индивидуально различнымъ въ отношеніи степени и размѣровъ. Если мы знаемъ первыхъ лицъ, у которыхъ при малѣйшемъ волненіи появляются сыпи и волдыри на тѣлѣ, у которыхъ отъ волненія появляются мѣстные отеки, то что удивительнаго, что въ гипнозѣ въ подобныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ внушенія могутъ появиться сходственныя явленія? Аналогичнымъ вліяніемъ внушенія на кожные покровы объясняется и успѣшное иногда лѣченіе сыпей внушеніемъ, которое было въ послѣднее время доказано нѣсколькими несомнѣнными фактами, между про-

чимъ работавшимъ у насъ докторомъ Агаджановымъ на матеріалѣ сыпной клиники *).

Особенное значеніе въ терапіи имѣетъ то обстоятельство, что внушенія сохраняютъ свою силу и по пробужденіи отъ гипноза и даже могутъ быть выполняемы въ опредѣленный срокъ. Эти такъ называемыя послѣгипнотическія внушенія обыкновенно поражаютъ всякаго наблюдателя. Какъ, спрашиваютъ себя, можно допустить, чтобы у человѣка, вполнѣ бодрствующаго и здраво разсуждающаго, могла, напримѣръ, осуществиться галлюцинація подъ вліяніемъ внушенія, сдѣланнаго въ гипнозѣ, или чтобы онъ наперекоръ своей волѣ и вопреки желанію выполнилъ то или другое дѣйствіе? А между тѣмъ это на самомъ дѣлѣ представляетъ собою совершенно обычное явленіе въ практикѣ гипноза. Это-то намъ и доказываетъ, что кромѣ личной сферы имѣется еще другая сфера невропсихики, изъ которой, помимо воли самого лица, благодаря сдѣланному внушенію, вводятся въ личную сферу мнимыя впечатлѣнія или чуждыя ему ассоціаціи, которыя пріобрѣтаютъ свою неотразимую силу, удивляя само лицо, подвергавшееся внушенію,—тѣмъ болѣе, что происхожденіе ихъ для внушаемаго лица остается неизвѣстнымъ.

Мнимая опасность гипнотизма.

Еще не такъ давно было распространено мнѣніе объ опасности гипноза. Это мнѣніе, повидимому, беретъ начало изъ страха предъ той таинственностью, ореоломъ которой еще такъ недавно былъ окруженъ гипнотизмъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что это мнѣніе отчасти поддерживалось и врачами, знавшими о гипнозѣ лишь по наслышкѣ.

Гипнотическій сонъ, какъ сонъ, ничуть не опаснѣе обыкновеннаго сна, и, какъ обыкновенный сонъ съ теченіемъ времени прекращается самъ собою, такъ и гипнотическій сонъ съ теченіемъ извѣстнаго времени прекращается самъ собою.

Сколько разъ я гипнотизировалъ лицъ съ цѣлью испытать продолжительность сна, не производя имъ никакихъ внушеній, и убѣдился, что гипнотическій сонъ у лицъ загипнотизированныхъ прерывается самъ собою чрезъ извѣстный промежутокъ времени, продолжительность котораго зависитъ отъ индивидуальности, степени гипноза и многихъ другихъ отчасти внѣшнихъ условій. Въ общемъ, повидимому, можно считать правиломъ, что болѣе глубокій сонъ длится болѣе долгое время, но и онъ обыкновенно не продолжается болѣе нѣсколькихъ часовъ, если, конечно, не сдѣлано внушенія не просыпаться по своей волѣ. Въ послѣднемъ случаѣ у хорошихъ сомнамбулъ сонъ можетъ быть продленъ на очень продолжительный срокъ, даже на много дней, если, конечно, больныхъ возьмутъ за правило будить для ѣды и выполненія естественныхъ потребностей и затѣмъ вновь усыплять.

Съ другой стороны, въ публикѣ распространено мнѣніе, что вызвать гипнотическій сонъ нетрудно, а выйти изъ него будто бы много труднѣе, слѣдовательно, врачъ можетъ оказаться въ такомъ положеніи, что онъ загипнотизируетъ больного, а между тѣмъ не будетъ въ состояніи его разбудить. И это мнѣніе я считаю своей обязанностью рѣшительно опровергнуть.

Вывести больного изъ гипноза въ огромномъ большинствѣ случаевъ несомнѣнно легче, чѣмъ загипнотизировать; по крайней мѣрѣ, у большинства людей для развитія сна требуется нѣкоторое время, тогда какъ пробужденіе можетъ быть достигнуто моментально однимъ возгласомъ: „проснитесь“.

Само собою разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда усыпленный находится въ исключительномъ подчиненіи гипнотизатору, разбудить его можетъ только самъ гипнотизаторъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ освобожденіе отъ гипноза можетъ быть произведено любымъ изъ присутствующихъ.

---

*) Подъяпольскій не очень давно на основаніи одного наблюденія доказывалъ возможность вліянія путемъ внушенія на зачатіе двойнями. Такого рода факты могутъ быть признаны установленными, однако, лишь при достаточномъ числѣ наблюденій.

Самый обыкновенный пріемъ для выведенія усыпленнаго изъ его сна есть внушеніе. Я уже упомянулъ, что для большинства лицъ достаточно произнести слово „проснитесь", какъ они тотчасъ же освобождаются отъ гипноза. Но я не очень рекомендую этотъ способъ пробужденія, такъ какъ быстрое пробужденіе отъ гипноза, вообще, нежелательно. Дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣ такого быстраго освобожденія отъ гипноза больные чувствуютъ головную тяжесть, иногда же появляется чувство общей слабости, наклонность ко сну, сердцебіеніе и пр.

Въ этомъ отношеніи я вижу аналогію между обыкновеннымъ сномъ и гипнотическимъ. Обыкновенный сонъ при внезапномъ его прерываніи можетъ дать въ общемъ сходственныя же явленія. Въ предупрежденіе этихъ нежелательныхъ послѣдствій и необходимо вызывать пробужденіе не внезапно, а исподволь, какъ-бы приготовляя къ нему усыпленнаго.

Для этой цѣли можно просто внушить усыпленному, что онъ долженъ черезъ такой-то срокъ проснуться, и онъ дѣйствительно пробуждается въ данное время,—очевидно, умственно подсчитывая назначенный ему для пробужденія срокъ. Другой весьма простой способъ для пробужденія—это заставить усыпленнаго считать громко или про себя, внушивъ ему, что онъ на опредѣленномъ числѣ проснется. То же самое можетъ быть достигнуто, если счетъ будетъ производить гипнотизаторъ, а усыпленному будетъ лишь сдѣлано внушеніе, что при произнесеніи извѣстнаго числа онъ долженъ проснуться.

Всѣ эти способы пробужденія суть психическіе, но имѣются и физическіе пріемы. Эти физическіе пріемы весьма разнообразны. Наиболѣе обыкновеннымъ пріемомъ является внезапное обдуваніе лица,—пріемъ, однако, по извѣстнымъ причинамъ не вполнѣ удобный. Другой пріемъ состоитъ въ сильномъ стукѣ, въ опрыскиваніи водой лица, въ сотрясеніи тѣла рукою, въ примѣненіи электрическаго тока и пр. и пр.

Само собою разумѣется, что въ этихъ случаяхъ физическіе пріемы могутъ быть примѣняемы одновременно съ психическими, т. е. можно примѣнять, напримѣръ, механическое сотрясеніе или толканіе тѣла рукою, положенной на плечо усыпленнаго, одновременно съ возгласомъ „проснитесь".

Всѣ эти физическіе пріемы по многимъ причинамъ менѣе удобны, чѣмъ психическіе, и отчасти—вслѣдствіе того, что они быстро приводятъ къ пробужденію, тогда какъ для многихъ случаевъ, какъ я уже упоминалъ, быстраго пробужденія слѣдуетъ избѣгать.

Но, во всякомъ случаѣ, эти физическіе пріемы слѣдуетъ имѣть въ виду, такъ какъ есть, дѣйствительно, случаи, гдѣ одного психическаго внушенія для пробужденія бываетъ недостаточно. Такіе случаи встрѣчаются изрѣдка въ числѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ усыпленіе производится подъ вліяніемъ физическихъ пріемовъ.

Я помню одну сомнамбулу, которая засыпала глубокимъ сномъ подъ вліяніемъ сильнаго освѣщенія глазъ зеркаломъ. Ее нельзя было разбудить обыкновеннымъ внушеніемъ, а требовалось каждый разъ довольно сильное и продолжительное расталкиваніе тѣла съ окрикомъ и даже приходилось прибѣгать къ сильной фарадизаціи тѣла, которая въ такихъ случаяхъ, по моимъ наблюденіямъ, является однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ средствъ пробужденія.

Другой изъ моихъ больныхъ засыпалъ отъ фиксаціи глазъ столь глубокимъ сномъ, что для того, чтобы его разбудить, требовалось очень много усилій въ видѣ расталкиванія, окриковъ и т. п.

Очень возможно, что эти или подобные случаи и служили поводомъ къ созданію легендъ о томъ, что возможно впасть въ гипнозъ и затѣмъ не проснуться. Хотя этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, однако несомнѣнно, что въ подобнаго рода случаяхъ человѣкъ, недостаточно свѣдущій, можетъ не найтись и растеряться, а это всегда дѣйствуетъ угнетающе на окружающихъ лицъ, свидѣтелей сеанса.

Другіе случаи, когда человѣкъ, недостаточно знакомый съ первыми состояніями, можетъ оказаться въ затруднительномъ положеніи, представляются болѣе серьезными. Сюда принадлежитъ развитіе на мѣсто гипноза истерическаго припадка или, собственно, истерическаго сна, изъ котораго больные могутъ быть выводимы часто лишь по истеченіи извѣстнаго времени.

Отсюда должно быть ясно, что гипнотизировать можетъ и имѣетъ право только врачъ и при томъ врачъ, хорошо знакомый съ нервными болѣзнями, при чемъ ни въ какомъ случаѣ не допустимы сеансы гипноза и внушенія лицами несвѣдущими.

Вопросъ о вредѣ гипнотическихъ сеансовъ.

Очень существеннымъ является, безъ сомнѣнія, для всякаго врача вопросъ о томъ, можетъ ли быть какой-либо вредъ отъ гипнотизма. Самъ по себѣ гипнозъ, какъ сонъ, весьма близкій къ естественному, не представляетъ собою никакого существеннаго вреда или опасности для здоровья. Но нужно считаться съ тѣмъ отношеніемъ или, вѣрнѣе говоря, предубѣжденіемъ, которое заставляетъ нѣкоторыхъ больныхъ волноваться при одной мысли о гипнозѣ. Само собою разумѣется, что гипнотизированіе въ этомъ случаѣ, послѣ того, какъ дано на то согласіе лица, подвергаемаго гипнозу (безъ какового согласія гипнотизированіе, по извѣстнымъ основаніямъ, признается вообще непозволительнымъ), можетъ приводить его въ сильное волненіе. Возможность этого волненія и слѣдуетъ имѣть въ виду, когда хотятъ приступить къ гипнотизированію.

Само собою разумѣется, что это волненіе сильнѣе всего обнаруживается при первомъ опытѣ гипнотизированія. Его уже много меньше или даже вовсе нѣтъ, когда начинаютъ гипнотизировать во второй и третій разъ.

Сообразуясь съ этимъ состояніемъ возможнаго волненія при началѣ гипнотизированія, и нужно имѣть извѣстную осторожность при гипнотизированіи лицъ, на которыхъ такое волненіе можетъ оказывать извѣстное нежелательное или даже вредное вліяніе, напримѣръ, лицъ съ тяжелыми пороками сердца, съ наклонностью къ легочнымъ кровотеченіямъ и т. п.

Съ другой стороны, необходимо считаться съ этимъ условіемъ волненія и при нѣкоторыхъ неврозахъ, особенно при истеріи, такъ какъ само волненіе можетъ послужить толчкомъ къ развитію истерическаго приступа.

Съ истеричными, вообще, нерѣдко случается, что при первыхъ же попыткахъ гипнотизированія у нихъ развивается истерическій припадокъ, который можетъ перейти въ истерическую летаргію или истерическій сонъ, иногда длящійся нѣсколько дней. Вѣроятно, эти случаи болѣе всего способствовали легендѣ, что въ гипнозѣ можно заснуть такъ, что потомъ нельзя будетъ усыпленнаго разбудить никакими силами.

Дѣйствительно это возможно съ истеричными, но этотъ сонъ, въ который они впадаютъ, не есть уже гипнотическій, а есть настоящій истерическій припадокъ, изъ котораго больные, конечно, выйдутъ, но спустя болѣе или менѣе долгое время при примѣненіи тѣхъ или другихъ врачебныхъ мѣропріятій или сами собою. Я помню истеричную больную, которая устроила этотъ сюрпризъ одному изъ врачей нашей клиники. Въ ту минуту, когда онъ попытался загипнотизировать одну изъ амбулаторныхъ больныхъ безъ соотвѣтствующей осторожности, она впала въ истерическій приступъ и перешла въ истерическую летаргію. Такъ какъ всѣ средства тотчасъ же вывести больную изъ истерическаго летаргическаго сна оказались безуспѣшными, то мы должны были принять больную въ свою клинику. Здѣсь эта „спящая красавица“, какъ ее прозвали окружающіе больные, продолжала спать около недѣли, ибо ее и не старались скоро разбудить, а оставили въ клиникѣ для наблюденія. Въ теченіе всей недѣли въ клиникѣ ее искусственно кормили, и, наконецъ, подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ внушеній она была разбужена.

Итакъ, слѣдуетъ имѣть въ виду возможность подобныхъ случаевъ съ истерическими больными, вслѣдствіе чего нельзя прибѣгать безъ достаточной осмотрительности къ гипнозу тамъ, гдѣ самое гипнотизированіе приводитъ больныхъ въ сильное волненіе, и это еще разъ говоритъ за то, что гипнотизировать позволительно только врачу и при томъ имѣющему извѣстный въ этомъ отношеніи опытъ.

Само собою разумѣется, что въ случаяхъ, подобныхъ вышеуказанному, должно прежде всего успокоить волненіе больного, объяснить, что гипнозъ есть самый обыкновенный сонъ, что отъ него не можетъ быть никакихъ послѣдствій, и т. п.

Самое гипнотизированіе нужно сопровождать успокоительными внушеніями, что наступитъ самый спокойный сонъ, что успокоеніе уже наступаетъ и т. п., и, во всякомъ случаѣ, при сильномъ волненіи нежелательно идти съ дальнѣйшими пріемами гипнотизаціи, пока не достигнуто успокоеніе больного.

Если успокоить больного не удается, лучше временно оставить попытку гипнотизировать и постараться соотвѣтственнымъ образомъ подготовить больного, чтобы онъ менѣе волновался въ другой разъ.

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ въ этомъ случаѣ является разубѣжденіе въ опасности или вредѣ гипнотизма. Въ случаѣ надобности полезнымъ можетъ оказаться примѣръ гипнотизаціи другихъ лицъ въ присутствіи такого больного.

Если, однако, побороть волненіе предъ гипнотизмомъ не удается никакими средствами, а между тѣмъ отъ внушенія можно ожидать полезнаго дѣйствія, то слѣдуетъ приступить къ внушенію въ бодрственномъ состояніи, и это внушеніе можетъ оказаться очень дѣйствительнымъ, иногда даже не менѣе, нежели внушеніе въ гипнозѣ, особенно у лицъ нервныхъ и впечатлительныхъ. При всемъ томъ и въ этомъ случаѣ нельзя приступать къ внушенію безъ предварительнаго успокоенія и согласія самого больного. Я знаю, по крайней мѣрѣ, одинъ случай, гдѣ внушеніе, произведенное нѣсколько лѣтъ назадъ извѣстнымъ гипнотизеромъ не-врачемъ Ф. одной истеричной больной безъ предварительной ея подготовки, привело къ навязчивой мысли, что это внушеніе повліяло на ея дыханіе, и съ тѣхъ поръ уже въ теченіе многихъ лѣтъ эта болѣзненная навязчивая идея о недостаткѣ дыханія не оставляетъ больную до настоящаго времени.

Нельзя отрицать, что существуютъ болѣе или менѣе рѣдкіе случаи съ признаками дегенераціи, гдѣ примѣненіе гипноза можетъ временно вызвать нервное состояніе или даже состояніе кратковременнаго психическаго возбужденія, обманы чувствъ и т. п., но вѣрно и то, что эти случаи, вообще, рѣдки, и при томъ вышеуказанныя явленія никогда не бываютъ продолжительными. Они обыкновенно исчезаютъ сами собою, большею частью уже по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, не оставляя за собою, вообще, никакого слѣда.

Затѣмъ, случается, что примѣненіе гипнотизма, если оно производится часто надъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, отличающимся при томъ особенной нервностью, можетъ въ нѣкоторыхъ, въ общемъ довольно рѣдкихъ, случаяхъ привести къ одному нежелательному явленію: къ самостоятельному появленію гипноза время отъ времени. Случается это, по моимъ наблюденіямъ, преимущественно у лицъ, сильно предрасположенныхъ къ нервнымъ разстройствамъ, въ особенности—у истеричныхъ. Тѣмъ не менѣе, и съ этимъ явленіемъ нетрудно справиться опытному лицу: достаточно внушить въ гипнозѣ, чтобы больной или больная никогда не впадали въ гипнотическій сонъ безъ особаго словеснаго внушенія, сдѣланнаго врачемъ, и появленіе самостоятельнаго гипноза обычно прекращается.

Такимъ образомъ, врачъ, опытный въ примѣненіи гипноза и свѣдущій въ нервныхъ болѣзняхъ, всегда можетъ предупредить всѣ нежелательныя явленія при гипнотизированіи соотвѣтствующими мѣрами, напримѣръ, предварительными заявленіями успокоительнаго свойства относительно послѣдствій гипноза, выборомъ наиболѣе подходящихъ способовъ гипнотизаціи или даже прямо внушеніемъ, которое оказываетъ свое магическое дѣйствіе не только въ самомъ гипнозѣ, но нерѣдко и при началѣ гипнотизаціи.

Итакъ, при осторожномъ, умѣломъ пользованіи гипнотизмомъ со стороны врача, свѣдущаго въ этомъ отношеніи, не можетъ быть никакихъ опасеній за послѣдствія лѣченія гипнозомъ. Одно вѣрно, что лѣчить гипнозомъ можетъ лишь врачъ, знакомый съ проявленіями гипноза, и при томъ по преимуществу невропатологъ, такъ какъ ему должны быть хорошо извѣстны какъ тѣ нервныя разстройства, которыя нуждаются въ лѣченіи гипнозомъ, такъ и тѣ результаты, на которые можно разсчитывать при этомъ способѣ лѣченія, не говоря уже о томъ, что только врачъ можетъ противодѣйствовать съ успѣхомъ случайностямъ, могущимъ встрѣтиться при гипнотизированіи и оказать свое содѣйствіе къ ихъ устраненію.

Въ этомъ и только въ этомъ, на нашъ взглядъ, могутъ заключаться ограниченія, относящіяся къ лѣченію гипнозомъ.

Должно имѣть въ виду, что у истеричныхъ особъ иногда развивается особая, не совсѣмъ нормальная, подчиненность гипнотизируемаго лица гипнотизатору и въ бодрственномъ состояніи. Это выражается въ томъ, что паціентъ не только всегда чувствуетъ надъ собою власть гипнотизирующаго его лица, но и обнаруживаетъ къ нему какъ бы извѣстное тяготѣніе и привязанность. Нетрудно видѣть, что явленіе это представляетъ нѣкоторое неудобство для обоихъ сторонъ, т. е. для гипнотизируемаго и для гипнотизирующаго.

Небольшіе стихи, которые сочинила на этотъ счетъ одна паціентка, подаривъ эти стихи гипнотизатору, покажутъ, о какомъ деликатномъ вопросѣ здѣсь идетъ рѣчь:

МОЕМУ ГИПНОТИЗАТОРУ.

Когда подходите вы къ ложу моему,
Супругъ духовный мой и мною столь желанный,
И руку властную тихонько я пожму,
Душа наполнится какой-то нѣгой странной.
Внушенія таинственную сладость
Узнала съ вами я; вы предо мной открыли
Надежды дверь и влили въ сердце радость,
И сладостны минуты эти были.
Но прелесть гипнотическаго брака
Уколомъ ревности порой омрачена;
Склонивъ глаза, исполненные мрака,
Съ досадой думаю: зачѣмъ у васъ я не одна!

Паціентка.

Нѣтъ надобности говорить, что нужно быть очень осторожнымъ при развитіи такихъ отношеній гипнотизируемыхъ къ гипнотизирующему врачу.

Положеніе осложняется еще тѣмъ, что нѣкоторые изъ истеричныхъ, по склонности этихъ больныхъ къ навѣтамъ, могутъ подать поводъ къ обвиненію крайне непріятнаго свойства противъ врача.

Чтобы устранить эти нежелательныя явленія, сеансы должны быть по возможности рѣдкими, въ случаѣ надобности должно быть дѣлаемо внушеніе не чувствовать никакой привязанности къ гипнотизатору и въ то же время быть совершенно самостоятельнымъ вић сеансовъ гипноза. Кромѣ того, ради осторожности въ такихъ случаяхъ необходимо сеансы гипноза и внушенія производить при свидѣтеляхъ.

Выше было упомянуто, что и пробужденіе отъ гипноза можетъ сопровождаться иногда нежелательными нервными явленіями. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно при быстромъ пробужденіи, у больныхъ могутъ обнаруживаться головная тяжесть, иногда головныя боли, головокруженіе, общая тяжесть и наклонность къ засыпанію. Все это напоминаетъ собою явленія, наблюдаемыя и при быстромъ пробужденіи отъ естественнаго сна. И въ самомъ дѣлѣ, если лицъ, находящихся въ гипнозѣ, будить не сразу, а постепенно, то эти явленія обычно предупреждаются. Кромѣ того, и внушеніе ихъ легко устраняетъ.

Въ своей практикѣ, если я встрѣчаюсь съ подобными явленіями, я тотчасъ же вновь прошу больныхъ закрыть глаза и затѣмъ внушаю имъ устраненіе всѣхъ вышеуказанныхъ явленій, при чемъ вывожу изъ гипноза въ такомъ случаѣ лишь съ крайней медленностью въ теченіе нѣсколькихъ секундъ.

Вообще, въ случаѣ надобности, повторное внушеніе устраняетъ всѣ нежелательныя явленія, явившіяся послѣдствіемъ гипноза.

Въ публикѣ очень распространено мнѣніе, что гипнотизмъ разслабляетъ волю лицъ, часто подвергающихся гипнотизаціи.

Мнѣніе это имѣетъ основаніе въ томъ обстоятельствѣ, что въ гипнозѣ личность является подчиненной гипнотизатору. Но это вліяніе гипноза, если и возможно, то лишь въ томъ случаѣ, если гипнозъ производится безъ цѣли и безъ соотвѣтствующихъ терапевтическихъ внушеній, и при томъ въ случаяхъ вызыванія его у нервныхъ лицъ, воля которыхъ и безъ того отличается слабостью, но въ извѣстной мѣрѣ замѣщается привычкой и воспитаніемъ. Если, такимъ образомъ, отъ безпорядочнаго и нераціональнаго примѣненія гипноза нервность усилится, то можетъ казаться, что гипнозъ повліялъ на волю.

Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что гипнозъ и внушеніе при правильномъ ихъ примѣненіи можетъ только содѣйствовать укрѣпленію воли.

Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что въ гипнотическомъ внушеніи мы имѣемъ дѣйствительное средство бороться противъ слабости воли, которая свойственна многимъ, особенно-же лицамъ, создавшимъ себѣ тѣ или другія болѣзненныя привычки, напр., къ онанизму, куренію табаку, пьянству и т. п.

Всякій, безъ сомнѣнія, согласится съ тѣмъ, что всѣ эти болѣзненныя состоянія предполагаютъ извѣстную слабость воли, которая вполнѣ подчиняется данной привычкѣ. И между тѣмъ противъ этихъ пагубныхъ привычекъ, пользуясь укрѣпленіемъ воли, мы боремся съ помощью гипнотическаго внушенія, устраняя ихъ совершенно. Отсюда очевидно, что при правильномъ примѣненіи гипноза и внушенія мы имѣемъ въ нихъ одно изъ важныхъ средствъ, служащихъ не къ ослабленію, а къ укрѣпленію воли.

Послѣгипнотическія внушенія.

Мы уже говорили выше, что особенно цѣннымъ является то обстоятельство, что въ гипнозѣ мы можемъ производить послѣгипнотическія внушенія, т. е. такія внушенія, дѣйствіе которыхъ разсчитано на послѣдующее за гипнозомъ время.

Возникаетъ при этомъ практическій вопросъ: черезъ какіе сроки слѣдуетъ дѣлать внушенія больнымъ?

Вопросъ этотъ, въ сущности, не можетъ быть рѣшаемъ теоретически. Здѣсь все зависитъ отъ самого характера заболѣванія, отъ его тяжести и отъ большаго или меньшаго вліянія внушенія на больного. Можно считать правиломъ, что для прочнаго возстановленія здоровья требуется дѣлать рядъ внушеній, которыя опять-таки распредѣляются во времени въ зависимости отъ случая и отъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, относящихся къ условіямъ лѣченія больного. Во всякомъ случаѣ, при лѣченіи внушеніемъ всегда надлежитъ сообразоваться съ длительностью дѣйствія внушенія, что опредѣляется лишь чисто практическимъ путемъ.

Особенную важность я придаю необходимости при лѣченіи внушеніемъ сообразоваться съ индивидуальными особенностями болѣзненнаго состоянія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Для этой цѣли я считаю необходимымъ, прежде, чѣмъ приступить къ лѣченію внушеніемъ, подробно изслѣдовать каждый случай и разспросить объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ развитію болѣзни, и о разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обычно я прошу больного самого изложить мнѣ письменно свою исторію болѣзни съ самаго возникновенія послѣдней.

Нечего и говорить, что во многихъ случаяхъ больной письменно излагаетъ болѣе вдумчиво проявленія своей болѣзни и болѣе отдается анализу своего болѣзненнаго состоянія, а это въ лѣченіи внушеніемъ очень важно. Узнавъ внѣшніе поводы къ развитію болѣзни и разнообразныя ея проявленія въ нервно-психической сферѣ, необходимо внушеніе сообразовать со всѣми особенностями даннаго случая, принявъ во вниманіе и степень образованія и характеръ взглядовъ или міросозерцаніе больного.

Могущественное дѣйствіе внушенія въ гипнозѣ зависитъ, съ одной стороны, отъ того обстоятельства, что въ гипнозѣ разсудокъ и воля усыпленнаго почти бездѣйствуютъ, съ другой стороны, оттого что внушеніе въ этомъ случаѣ принимаетъ немедленно характеръ болѣе яркаго чувственнаго образа, уподобляясь сновидѣнію во время естественнаго сна, и, наконецъ, оттого, что гипнотизаторъ уже въ силу достигнутаго усыпленія подчиняетъ себѣ волю усыпленнаго, пользуясь съ его стороны непререкаемымъ довѣріемъ.

Такъ какъ при этомъ и внѣшнія впечатлѣнія безъ особаго внушенія не могутъ быть воспринимаемы усыпленнымъ, то очевидно, что послѣдній въ буквальномъ смыслѣ слова находится во власти гипнотизатора. Само собою ясно, что такія условія являются болѣе благопріятными для дѣйствительности внушенія, которое, не встрѣчая никакого противодѣйствія (или только относительно слабое) со стороны личности усыпленнаго, безпрепятственно овладѣваетъ имъ и вызываетъ всѣ необходимыя послѣдствія. Въ этомъ случаѣ дѣйствіе внушенія можетъ быть уподоблено искусственно вызванному въ мозгу усыпленнаго сновидѣнію, картины котораго, какъ извѣстно, не знаютъ никакихъ преградъ въ условіяхъ времени и пространства и въ то же время кажутся спящему вполнѣ реальными.

Но если выполненіе внушенія разсчитано на послѣгипнотическій періодъ бодрствованія, то, по пробужденіи усыпленнаго, внушенная идея, казалось-бы, должна встрѣтить во всеоружіи его волю и, будучи освѣщена критикой разсудка, должна бы, казалось, быть отвергнута, какъ нѣчто чуждое и постороннее для него. Ничуть не бывало. Опытъ показалъ, что импульсъ, данный внушенной въ гипнозѣ идеей, по пробужденіи засунувшаго таится въ наиболѣе скрытыхъ тайникахъ его души, въ такихъ глубинахъ психической сферы, которыя совершенно независимы отъ личности и воли и не участвуютъ въ дѣятельности разсудка, а потому этотъ импульсъ и въ бодрственномъ состояніи можетъ совершенно безпрепятственно осуществлять свое дѣйствіе. Сообразно характеру внушенія данный импульсъ, такимъ образомъ, возбуждаетъ мнимое ощущеніе или галлюцинацію, ложное или мнимое воспоминаніе (такъ наз. ретроактивную галлюцинацію), подавляетъ существующія еще мнимыя или дѣйствительныя ощущенія,—будь это боли, галлюцинаціи или другія субъективныя явленія,—устраняетъ внѣшнее воспріятіе (такъ называемыя отрицательныя галлюцинаціи), побуждаетъ къ осуществленію того или иного дѣйствія, временно измѣняетъ личность усыпленнаго, нарушаетъ ходъ его идей, вызываетъ то или иное настроеніе духа и аффекты, какъ смѣхъ, плачъ и т. п., или, наконецъ, возбуждаетъ реакцію въ сосудодвигателяхъ и въ тѣхъ или иныхъ секреторныхъ функціяхъ, которыя, хотя и совершенно независимы отъ воли, но, какъ мы знаемъ, весьма легко возбуждаются подъ вліяніемъ непроизвольныхъ психическихъ импульсовъ въ бодрственномъ состояніи и подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ сновидѣній во время нормальнаго сна.

Поразительнымъ, хотя и несомнѣннымъ, является тотъ фактъ, что, если внушеніе произведено такимъ образомъ, что осуществленіе его должно произойти не тотчасъ по пробужденіи, а по истеченіи извѣстнаго промежутка времени, то оно осуществляется именно въ назначенный срокъ, несмотря на то, что содержаніе внушенія остается внѣ вѣдѣнія самого лица за весь промежутокъ времени, истекшій между пробужденіемъ отъ гипноза, въ которомъ сдѣлано внушеніе, и срокомъ его осуществленія. У одной изъ моихъ больныхъ внушеніе осуществлялось болѣе, чѣмъ по истеченіи полугода, и, вѣроятно, оно могло бы осуществиться чрезъ болѣе долгій срокъ, если бы было сдѣлано соотвѣтствую-

щее испытаніе. Въ литературѣ имѣются примѣры, когда осуществленіе внушенія происходило годъ и болѣе спустя послѣ гипнотическаго сеанса въ полной точности, какъ слѣдовало это по внушенію (Liebault, Bernheim Liegeois); выполненіе же внушенія, назначеннаго на болѣе или менѣе короткіе сроки, какъ извѣстно, можетъ быть наблюдаемо у всякаго хорошаго сомнамбула. Нѣкоторые авторы (Бернгеймъ, Форель) объясняютъ это явленіе тѣмъ фактомъ, что гипнотизированный за весь періодъ времени между сдѣланнымъ внушеніемъ и срокомъ его выполненія думаетъ о немъ, хотя самъ и не сознаетъ этого; иначе говоря, въ головѣ гипнотизированнаго все это время идетъ подсознательная работа мысли о сдѣланномъ внушеніи и его выполненіи.

Когда дѣло идетъ о внушеніяхъ на короткій срокъ, то, безъ сомнѣнія, возможно, что мы имѣемъ дѣло съ подобнымъ безсознательнымъ процессомъ мысли, приводящимъ къ выполненію внушенія въ назначенный срокъ; но никакъ нельзя согласиться съ тѣмъ, чтобы при внушеніяхъ на болѣе длинные сроки все время до осуществленія внушенія поддерживалась безсознательная работа мысли въ направленіи сдѣланнаго внушенія. Гораздо проще и вполнѣ удовлетворительно съ психологической точки зрѣнія можетъ быть объяснено осуществленіе внушенія въ какой-либо отдаленный срокъ, какъ мы уже упоминали, при посредствѣ того факта, что путемъ внушенія здѣсь устанавливается прочная ассоціативная связь между внушеніемъ и срокомъ его выполненія, при чемъ съ наступленіемъ этого срока само собою по ассоціаціи съ нимъ оживляется и сдѣланное внушеніе.

Предположимъ, что загипнотизированному лицу мы внушаемъ явиться къ намъ черезъ много мѣсяцевъ въ такой-то день и часъ съ извѣстнымъ заявленіемъ. Въ то время, какъ мы дѣлаемъ это внушеніе, въ головѣ гипнотизируемаго прочно устанавливается опредѣленная ассоціація между назначеннымъ временемъ и необходимостью явиться къ врачу *). Ассоціація эта затѣмъ по пробужденіи загипнотизированнаго, какъ и всѣ вообще установившіяся въ мозгу ассоціаціи, остается до времени скрытою, т. е. бездѣятельною, и для самого лица остается даже неизвѣстною въ силу того, что она установилась безъ участія его личности. Слѣдовательно, самъ человѣкъ не можетъ воспроизвести этой ассоціаціи, т. е. припомнить то, что ему внушено сдѣлать въ извѣстный срокъ.

Но вотъ наступаетъ назначенный день и часъ, благодаря чему воскресаетъ одинъ изъ членовъ внушенной ассоціаціи; тогда обязательнымъ образомъ, самъ собою, безъ всякаго участія личной сферы, оживляется и другой членъ ассоціаціи, т. е. необходимость осуществленія сдѣланнаго внушенія, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что внушеніе въ подобныхъ случаяхъ не ослабѣваетъ въ своей силѣ отъ протекшаго времени. Въ сущности, и въ обыкновенныхъ послѣгипнотическихъ внушеніяхъ, осуществленіе которыхъ должно начаться со времени пробужденія загипнотизированнаго субъекта, дѣло также идетъ о внушенной ассоціаціи между наступающимъ пробужденіемъ и необходимостью немедленнаго осуществленія сдѣланнаго внушенія.

Бернгеймъ и Форель подкрѣпляютъ свою теорію безсознательнаго мышленія о сдѣланномъ внушеніи на срокъ до времени его выполненія тѣмъ фактомъ, что если въ промежуткѣ времени между сдѣланнымъ внушеніемъ и срокомъ его выполненія вновь загипнотизировать субъекта и спросить его, что онъ долженъ сдѣлать къ тому или иному сроку, то онъ обыкновенно знаетъ это хорошо. Но этотъ фактъ, безъ сомнѣнія, ничего не обозначаетъ, кромѣ того общеизвѣстнаго явленія, что загипнотизированный обыкновенно можетъ хорошо припоминать въ гипнозѣ все то, что съ нимъ происходило въ прошлые сеансы гипноза, несмотря на то, что въ бодрственномъ состояніи онъ не сохраняетъ воспоминанія обо всемъ, происшедшемъ съ нимъ во время сеансовъ гипноза.

*) Если время выполненія внушенія не называется, а обозначается лишь срокъ, черезъ который оно должно осуществиться, то обыкновенно въ этомъ случаѣ самъ гипнотизируемый невольно высчитываетъ время выполненія сдѣланнаго внушенія, вслѣдствіе чего сущность дѣла отъ этого ничуть не мѣняется.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что послѣднее справедливо лишь въ томъ случаѣ, если въ гипнозѣ сдѣлано внушеніе ничего не помнить по пробужденіи. Въ противномъ случаѣ и въ бодрственномъ состояніи путемъ напоминанія можно оживить внушенную въ гипнозѣ ассоціацію. Такъ, въ случаяхъ изъ своей практики я неоднократно убѣждался, что, если то или другое лицо, которому въ гипнозѣ сдѣлано внушеніе, долженствующее быть осуществленнымъ при извѣстныхъ условіяхъ, по пробужденіи отъ гипноза спросить: „что должно послѣдовать при такомъ-то случаѣ?“—то въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно обыкновенно, не задумываясь, отвѣтитъ правильно, повторяя слова внушенія, между тѣмъ какъ самого процесса внушенія оно совершенно не помнитъ.

Такъ какъ при послѣгипнотическомъ внушеніи, будетъ ли оно произведено на извѣстный срокъ или же безъ какихъ-либо указаній на срокъ выполненія внушенія, установленіе внушенной ассоціаціи совершается независимо отъ личности субъекта, въ силу чего оно и остается внѣ сферы ея вліянія, то и осуществленіе вызванныхъ имъ явленій для самого лица въ большинствѣ случаевъ остается совершенно необъяснимымъ и непонятнымъ и въ то же время является непреодолимымъ, подобно какой-либо органической потребности. Поэтому лица, подвергавшіяся гипнозу, обычно удивляются осуществленію послѣгипнотическихъ внушеній не менѣе всѣхъ окружающихъ.

Когда осуществленіе внушенія задѣваетъ такія области нервно-психической сферы, которыя находятся въ полномъ подчиненіи личности, какъ, напримѣръ, выполненіе того или другого дѣйствія, то импульсъ, данный внушеніемъ, воспринимается лишь, какъ необъяснимое для самого лица влеченіе, борьба съ которымъ тѣмъ труднѣе, что источникъ этого влеченія остается скрытымъ отъ его личной сферы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, внушеніе оживляется въ видѣ болѣе или менѣе постоянно присутствующей навязчивой мысли, невольнымъ образомъ приводящей къ осуществленію внушенія.

Не подлежитъ, впрочемъ, сомнѣнію, что импульсъ, данный внушеніемъ, далеко не всегда воспринимается въ видѣ неодолимаго стремленія или навязчивой мысли. Иногда онъ возникаетъ въ видѣ галлюцинаторнаго образа, и въ такомъ случаѣ больные въ назначенный, согласно внушенію, срокъ какъ бы слышатъ голосъ, побуждающій ихъ къ выполненію внушенія. Это явленіе наблюдается, впрочемъ, относительно рѣдко. Чаще случается, что внушеніе оцѣнивается больными, какъ внутренній голосъ, въ видѣ приказанія со стороны гипнотизирующаго лица, которому противиться они не могутъ. Но въ другихъ случаяхъ внушеніе все время остается внѣ сферы бодрственнаго состоянія, и больные сами не знаютъ, что подвергались тѣмъ или другимъ внушеніямъ. Всѣ эти различія въ проявленіяхъ внушенія, очевидно, стоятъ въ прямой зависимости отъ личныхъ или такъ называемыхъ индивидуальныхъ особенностей того или другого лица.

Что касается осуществленія такихъ внушеній, которыя затрагиваютъ неподчиненныя личной сферѣ болѣзненныя разстройства и отправленія организма, какъ, напримѣръ, прекращеніе или ослабленіе болѣзненныхъ ощущеній, улучшеніе походки у больныхъ, исправленіе нарушенной дѣятельности мочевого пузыря, прекращеніе сердцебіенія, устраненіе обмановъ чувствъ и припадковъ сомнамбулизма, то оно обычно происходитъ внѣ личной сферы, такъ какъ больные сами не могутъ дать никакого отчета о дѣйствіи внушенія даже и въ томъ случаѣ, если осуществленіе послѣдняго имъ извѣстно.

Спрашивается теперь, на что можно разсчитывать при лѣченіи гипнозомъ, т. е. въ какой степени и въ какихъ случаяхъ можно ожидать благопріятныхъ результатовъ отъ этого лѣченія, и какія должны быть показанія къ его примѣненію.

Вліяніе внушенія на патологическія разстройства.

По вопросу о значеніи гипноза, какъ лѣчебнаго пріема, опять-таки дѣлались преувеличенія не меньшія, чѣмъ и относительно предполагаемаго вреда примѣненія гипноза съ лѣчебною цѣлью.

Утверждали, что нѣтъ такой функціи организма, на которую нельзя было бы существеннымъ образомъ воздѣйствовать съ помощью гипноза, и въ доказательство этого приводили случаи, когда путемъ внушенія на поверхности тѣла вызывались даже воспалительные процессы. Но такіе случаи, какъ мы уже говорили, подвергаются нынѣ сомнѣнію даже и тѣми, которые признавали ихъ реальность. Нельзя отрицать, что, какъ есть лица, могущія по своему произволу ускорять или замедлять до полной остановки сердцебіеніе, какъ есть субъекты, у которыхъ при самыхъ незначительныхъ психическихъ волненіяхъ появляется крапивная сыпь на тѣлѣ, такъ возможны и такіе случаи, въ которыхъ внушенія оказываютъ до такой степени рѣзкое вліяніе на функцію кровеобращенія, что по желанію гипнотизатора у больныхъ могутъ быть вызываемы въ любой части тѣла мѣстныя сосудодвигательныя явленія. Но и такіе случаи, будучи исключительными, не могутъ идти въ общій счетъ, и на основаніи ихъ нельзя дѣлать какихъ-либо обобщающихъ заключеній.

Вообще, что касается вліянія гипнотическихъ внушеній на тѣ или другія функціи организма, повидимому, огромную роль играетъ не только степень вызываемаго гипноза у различныхъ лицъ, но и индивидуальность лица, подвергаемаго гипнозу. У двухъ лицъ, находящихся въ одной и той же степени гипнотическаго сна, внушенія могутъ оказываться далеко неодинаковыми по силѣ своего дѣйствія и по вліянію на различныя функціи организма.

Руководясь своими личными наблюденіями, я могу сказать, что гипнотическія внушенія оказываютъ рѣшительное вліяніе на весьма многія нервныя разстройства, не обусловленныя органическими пораженіями, какъ, напримѣръ, конвульсивные истерическіе и иные припадки, истерическіе параличи и контрактуры, заикапіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда оно является симптомомъ истеріи или неврастеніи, разнообразныя разстройства чувствительности, наблюдаемыя при неврозахъ, какъ-то: гиперэстезіи, парэстезіи и невральгіи, затѣмъ на столь часто наблюдаемую при неврозахъ общую нервную раздражительность, головныя боли, головокруженія, нервныя разстройства сердцебіенія и дыханія, нервную одышку, рвоту, ночное недержаніе мочи, припадки сомнамбулизма, недостатокъ и отсутствіе аппетита, безсонницу и разстройства въ отдѣленіи мѣсячныхъ, навязчивыя идеи, навязчивые страхи и волненія. Въ нѣкоторыхъ изъ подобныхъ случаевъ достаточно бываетъ двухъ-трехъ гипнотическихъ сеансовъ, чтобы совершенно устранить путемъ внушенія упорнѣйшіе нервные припадки, длившіеся весьма продолжительное время.

Даже такія нервныя разстройства, какъ приступы сердцебіенія при Базедовой болѣзни, несомнѣнно облегчаются, т. е. ослабляются при лѣченіи гипнозомъ.

Вліяніе же гипнотическихъ внушеній на истерическіе контрактуры и параличи можетъ быть признано прямо магическимъ.

До какой степени поразительны могутъ быть результаты внушеній въ случаяхъ подобнаго рода, видно, между прочимъ, изъ одного примѣра Liebault, который, располагая небольшимъ количествомъ времени до отхода поѣзда, успѣлъ загипнотизировать обратившуюся къ нему больную крестьянку и вылѣчить ее отъ истерическаго сведенія руки. Аналогичные случаи столь быстраго успѣха гипнотическихъ внушеній при истерическихъ сведеніяхъ и параличахъ имѣлись и въ моей практикѣ. Точно такъ же многократно мнѣ случалось излѣчивать и тяжелые истерическіе параличи съ помощью внушенія въ гипнозѣ, что немало удивляло самихъ паціентовъ. Не менѣе эффектна бываетъ остановка, подъ вліяніемъ внушеній, судорожныхъ истерическихъ приступовъ, а также обильныхъ маточныхъ и иныхъ кровотеченій. Одна изъ моихъ больныхъ находила въ гипнотическомъ лѣченіи единственное средство для остановки безпокоившихъ ее маточныхъ кровотеченій. Въ другомъ извѣстномъ мнѣ случаѣ простого наложенія руки на животъ въ бодрственномъ состояніи однимъ высокопоставленнымъ лицомъ достаточно было для остановки обильнаго маточнаго кровотеченія, не уступавшаго никакимъ другимъ средствамъ. Очевидно, что и здѣсь дѣло сводилось, главнымъ образомъ, къ внушенію.

Одна изъ моихъ паціентокъ, резюмируя результаты лѣченія внушеніемъ, пишетъ въ письмѣ ко мнѣ слѣдующія строки:

„Итакъ, ни перебоевъ сердца, ни истерики, ни удушья, ни чувства усталости и слабости, ни слабой воли—ничего этого больше нѣтъ, и я больше не стою въ рядахъ вредныхъ психо-физическихъ уродовъ—неврастеничекъ. Внушеніе сорвало съ меня эту кандальную цѣпь—истеро-неврастеніи. Довольно она уже помучила меня“.

Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что гипнозъ и внушеніе оказываются полезными при тѣхъ или другихъ болѣзненныхъ склонностяхъ, которыя становятся привычными у дегенератовъ. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно никакія воспитательныя усилія не оказываются достаточными, чтобы устранить эти привычки, и только внушеніе въ гипнозѣ можетъ ихъ устранить полностью, какъ свидѣтельствуютъ о томъ многочисленные примѣры. По личному опыту я могу утверждать, что внушенія въ гипнозѣ дѣйствуютъ крайне благотворно на различныя, пріобрѣтенныя въ силу привычки или явившіяся подъ вліяніемъ природной склонности, болѣзненныя влеченія, какъ-то: пьянство, морфинизмъ и всѣ вообще виды наркоманіи, не исключая и привычнаго употребленія табаку. Можно было бы привести много примѣровъ, гдѣ болѣзненныя влеченія того или иного рода, не поддававшіяся вообще никакимъ лѣчебнымъ средствамъ, уступали вполнѣ дѣйствію внушеній въ гипнозѣ, производимыхъ въ два, три или нѣсколько сеансовъ. Въ послѣднее время эта область примѣненія гипнотическихъ внушеній, особенно по отношенію къ привычному пьянству, получаетъ все болѣе и болѣе широкое примѣненіе въ спеціально устраиваемыхъ амбулаторіяхъ.

Съ другой стороны, я могъ бы привести много примѣровъ излѣченія отъ клептоманіи—и не только временнаго, но и прочнаго. Равнымъ образомъ, можно было бы привести цѣлый рядъ случаевъ благопріятнаго вліянія внушеній на онанистовъ при отученіи ихъ отъ укоренившейся привычки. Но такъ какъ всѣ эти наблюденія довольно однообразны, то я и ограничусь лишь рекомендаціей гипноза, какъ весьма дѣйствительнаго средства противъ этихъ состояній и вообще противъ болѣзненныхъ влеченій. Даже разнообразныя формы половыхъ извращеній, противъ которыхъ мы почти не имѣемъ дѣйствительныхъ лѣчебныхъ средствъ, какъ показалъ опытъ, уступаютъ дѣйствію систематически произведенныхъ внушеній, не исключая даже тѣхъ случаевъ, которые развиваются на почвѣ неблагопріятной наслѣдственности, какъ показываетъ одинъ изъ описанныхъ мною случаевъ... Надо замѣтить, однако, что въ тяжелыхъ случаяхъ цѣлесообразнѣе совмѣщать систематически проводимыя внушенія съ другими лѣчебными мѣропріятіями.

Изъ другихъ психическихъ разстройствъ, какъ мнѣ показалъ опытъ, могутъ быть излѣчиваемы съ помощью гипнотическихъ внушеній навязчивыя идеи и различные виды патологическаго страха, затѣмъ существенную пользу внушеніе приноситъ при болѣзненно-удрученномъ настроеніи, при обманахъ чувствъ, въ особенности у истеричныхъ, при ипохондрическихъ идеяхъ, при состояніяхъ, выражающихся вялостью мышленія, ослабленіемъ памяти и воли, наблюдаемыхъ при общихъ неврозахъ и психо-неврастеническихъ состояніяхъ.

Наилучшіе результаты при всѣхъ, вообще, психическихъ разстройствахъ гипнозъ оказываетъ, повидимому, при навязчивыхъ состояніяхъ, и мнѣ уже не разъ приходилось указывать въ литературѣ на излѣченіе съ помощью гипноза упорныхъ случаевъ различныхъ навязчивыхъ состояній. Къ сожалѣнію, и здѣсь въ отдѣльныхъ случаяхъ успѣхъ лѣченія гипнозомъ въ значительной степени зависитъ отъ многихъ индивидуальныхъ условій и степени внушаемости даннаго больного.

Выше мы видѣли, что иннервація кровообращенія представляетъ собою одну изъ тѣхъ функцій организма, на которую гипнотическое внушеніе оказываетъ чрезвычайно рѣзкое вліяніе. Этимъ, по всей вѣроятности, и слѣдуетъ объяснить столь могущественное вліяніе, оказываемое внушеніями на многія функціональныя разстройства нервной системы.

Очень можетъ быть, что при посредствѣ этого же вліянія внушеній на состояніе сосудодвигателей достигаются и лично мнѣ извѣстныя успѣшныя вліянія гипнотическаго внушенія на боли въ сочленовномъ и мышечномъ ревматизмѣ.

Несомнѣнно далѣе, что лѣченію гипнозомъ доступны и различныя органическія пораженія первной системы. Но само собою разумѣется, было бы совершенно неумѣстно думать о возможности излѣченія съ помощью гипнотизма такихъ первныхъ недуговъ, которые обусловлены дегенеративными или воспалительными процессами первной ткани, какъ органическіе параличи движенія и чувствительности, стойкія органическія пораженія воспринимающихъ органовъ, атаксія движеній при спинной сухоткѣ, атрофическіе параличи и т. п. Такъ какъ, однако, при всякомъ органическомъ заболѣваніи первной системы имѣются разстройства, обусловленныя сопутствующими функціональными измѣненіями сосѣднихъ или болѣе удаленныхъ участковъ первной ткани, имѣющими въ основѣ своей болѣе или менѣе временныя или, по крайней мѣрѣ, нестойкія нарушенія кровеобращенія и питанія, то этимъ самымъ и дается возможность нѣкотораго вліянія гипнотическихъ внушеній на первныя пораженія органическаго происхожденія.

Кромѣ того, извѣстно всѣмъ, какое вліяніе на развитіе и усиленіе послѣднихъ оказываетъ удрученное настроеніе, обусловленное чаще всего сознаніемъ неизлѣчимости или тяжести недуга, такъ называемый упадокъ духа вообще и неизбѣжно слѣдующая за нимъ апатія, а всѣ эти явленія, какъ мы видѣли, прекрасно поддаются гипнотическимъ внушеніямъ, и такимъ образомъ съ этой стороны также дана возможность вліянія гипнотизма на органическія первныя болѣзни. Не чѣмъ инымъ, какъ вліяніемъ на настроеніе, вниманіе и волю и вмѣстѣ съ тѣмъ на кровеобращеніе, я могу, напримѣръ, объяснить себѣ поднятіе физической силы, наблюдавшееся мною подъ вліяніемъ гипнотическихъ внушеній въ парализованныхъ членахъ при хроническихъ спинно-мозговыхъ болѣзняхъ и даже въ одномъ случаѣ аміотрофическаго бокового склероза, а также наблюдавшееся въ нашей клиникѣ уменьшеніе области анэстезіи при несомнѣнной сирингомиэліи. Подобнымъ же образомъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ объяснить и указываемое нѣкоторыми авторами (Liebault, Bernheim и др.) вліяніе гипнотическихъ внушеній на ускореніе теченія инфекціонныхъ лихорадочныхъ процессовъ, напримѣръ—остраго воспаленія легкихъ, маляріи и пр.

Такимъ образомъ, и въ органическихъ процессахъ лѣченіе гипнотизмомъ находитъ себѣ иногда довольно благодарную почву, которая, по всей вѣроятности, расширится еще современемъ при дальнѣйшемъ изученіи гипнотическаго врачеванія.

Но несомнѣнно, что область чудесныхъ излѣченій съ помощью внушеній есть область неврозовъ по преимуществу, въ особенности же—истеріи. Давно было извѣстно, что долголѣтніе истерическіе параличи и контрактуры чудеснымъ образомъ излѣчиваются и сами собою при томъ или другомъ случаѣ, вызывающемъ сильное душевное волненіе у больныхъ, напримѣръ, при испугѣ во время пожаровъ и т. п. Но если мы въ гипнотизмѣ имѣемъ такое средство, которое можетъ съ успѣхомъ замѣнить психическое вліяніе моментовъ, приводящихъ истеричныхъ въ испугъ и тѣмъ излѣчивающихъ долголѣтніе ихъ параличи и сведенія, то, очевидно, съ изученіемъ гипнотическаго врачеванія мы не имѣемъ уже надобности предоставлять страдающихъ цѣлыми годами истеричныхъ игрѣ случая, котораго можетъ не наступить въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и даже цѣлаго ряда лѣтъ.

Имѣя въ виду, что гипнозъ, какъ извѣстно, вызывается не у всѣхъ людей въ достаточно глубокой степени, прославляемое же нѣкоторыми изъ французскихъ авторовъ, изучавшихъ истерію, постепенное пріученіе къ гипнотизму и къ вызыванію все болѣе и болѣе глубокихъ его степеней имѣетъ значеніе далеко не во всѣхъ случаяхъ, нѣкоторые авторы направили вниманіе на отысканіе такихъ средствъ, которыя наиболѣе вѣрно содѣйствовали бы вызыванію болѣе глубокихъ степеней гипноза. Въ этомъ отношеніи предварительные пріемы гипнотическихъ средствъ (хлорала, сульфонала и пр.) существенно содѣйствуютъ вызыванію и отчасти усиленію гипноза, но и въ этомъ

случаѣ лицъ, у которыхъ вызываются лишь слабыя степени гипнотическаго сна, далеко не всегда удается привести въ болѣе глубокія состоянія гипноза. Повидимому, много лучше въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ сомнофоръ.

Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не удается вызвать глубокаго сна, мы можемъ пользоваться не безъ успѣха и болѣе слабыми степенями гипноза для исцѣленія недуговъ съ помощью внушеній, такъ какъ опытъ показываетъ, что и въ этихъ случаяхъ послѣднія оказываются дѣйствительными, если они проводятся настойчиво и систематически. Даже въ наиболѣе слабыхъ проявленіяхъ гипнотизма, выражающихся простою дремотою, внушенія, многократно повторяемыя гипнотизаторомъ, оказываютъ существенную пользу и даже излѣчиваютъ такія упорнѣйшія психическія разстройства, какъ навязчивыя идеи, длившіяся въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, и др.

О лѣченіи внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи.

Должно имѣть въ виду, что въ послѣднее время развились и другіе способы психотерапіи, родоначальникомъ которыхъ явилось гипнотическое внушеніе, и здѣсь необходимо на нихъ остановиться нѣсколько—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя болѣзненныя состоянія предпочтительно лѣчатся не гипнозомъ, а иными способами психическаго воздѣйствія, которыя объемлются однимъ понятіемъ психотерапіи.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть о лѣченіи однимъ внушеніемъ или о лѣченіи внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи. Оно основано на томъ, что собственно внушеніе осуществляетъ свое дѣйствіе и внѣ гипноза. Въ пользу этого говорятъ уже извѣстные историческіе факты съ религіозными внушеніями, производившимися жрецами древнихъ временъ, различнаго рода чудесныя исцѣленія при различныхъ религіозныхъ церемоніяхъ, магическое вліяніе симпатическихъ средствъ и т. п.

Такъ называемые наговорщики и знахари въ народѣ и невѣжественные шарлатаны въ болѣе интеллигентномъ классѣ населенія, не имѣющіе ничего общаго съ медициной, намѣренно или ненамѣренно пользуются также внушеніемъ, какъ средствомъ врачеванія недуговъ. Этимъ объясняются засвидѣтельствованные случаи цѣлебнаго дѣйствія хлѣбныхъ пилюль, гомеопатическихъ пріемовъ; практиковавшееся нѣкогда лѣченіе прикосновеніемъ такъ называемой „чудотворной“ королевской руки основано на томъ же внушеніи.

Должно при этомъ имѣть въ виду, что нѣкоторыя лица отличаются поразительной внушаемостью, ничуть не меньшей, чѣмъ внушаемость въ гипнозѣ. Съ такими лицами въ ихъ бодрственномъ состояніи достаточно говорить, чтобы осуществлялось все то, что имъ внушается. Достаточно сказать такому лицу, что его руку сводитъ судорога, что онъ разбитъ параличемъ, что онъ подвергается галлюцинаціямъ, и всѣ эти явленія онъ будетъ испытывать самымъ реальнымъ образомъ. Такія явленія не составляютъ частаго явленія, но они все же встрѣчаются въ извѣстномъ % случаевъ.

Отъ вышеуказанной категоріи лицъ до лицъ обыкновенныхъ внушаемость представляетъ собою разнообразныя степени; но будетъ ли она большей или меньшей, она во всякомъ случаѣ имѣется въ той или иной степени, и потому лѣченіе внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи представляется возможнымъ у всѣхъ вообще лицъ, хотя оно требуетъ обыкновенно болѣе значительнаго времени и большихъ усилій у лицъ, слабо поддающихся внушенію.

Лѣченіе внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи основано на томъ, что многія изъ явленій при неврозахъ, особенно такихъ, какъ истерія, психастенія и неврастенія, объясняются либо самовнушеніемъ, либо невольнымъ внушеніемъ. Отсюда понятно, что необходимо примѣнить противовнушеніе или терапевтическое внушеніе, чтобы устранить наиболѣе тягостные симптомы болѣзни.

Это и достигается путемъ систематическаго лѣченія внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи.

Что касается техники лѣченія внушеніемъ, то необходимо имѣть въ виду слѣдующее.

При лѣченіи внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи желательно прежде всего достичь пассивности внушаемаго лица, съ каковой цѣлью его необходимо усадить неподвижно въ креслѣ или уложить на диванъ или кушетку и затѣмъ предложить ему закрыть глаза и сосредоточиться всего лучше на снѣ или на экспериментаторѣ, не стараясь въ то же время прислушиваться къ внушеніямъ, которыя (объ этомъ можно для большей убѣдительности ему сказать) и сами по себѣ окажутся дѣйствительными. Затѣмъ слѣдуетъ приступить къ внушеніямъ, излагая ихъ по возможности въ убѣдительной формѣ.

Должно имѣть въ виду, что лѣченіе внушеніемъ почти никогда не сопровождается какими-либо непріятностями и тѣмъ болѣе тягостными ощущеніями, а напротивъ того, при умѣломъ примѣненіи внушенія оно признается больными крайне пріятнымъ. Вотъ, напримѣръ, какъ одна изъ истеричекъ, на которую самый гипнозъ оказывалъ непріятное впечатлѣніе, отзывалась о лѣченіи собственно внушеніемъ: „Лѣченіе внушеніемъ вовсе не кажется труднымъ, а наоборотъ—до того пріятнымъ, что меня сильно начинаетъ тянуть скорѣе опять забыться подъ вліяніемъ разумнаго убѣжденія и еще и еще окрѣпнуть душою и тѣломъ отъ этихъ словъ спокойно-могучихъ"...—„Эти слова хочется вѣкъ слышать и ощущать отъ нихъ новый и новый притокъ силъ нравственныхъ и физическихъ. Слова вашего внушенія — источникъ живой воды, и мнѣ до боли жаль, что сегодня я услышу ихъ въ послѣдній разъ".

Говоря о лѣчебномъ значеніи внушенія въ бодрственномъ состояніи, необходимо имѣть въ виду, что огромное значеніе его въ лѣченіи болѣзней уже давно и строго установлено и, можно сказать, проявляется на каждомъ шагу.

Что сила внушенія въ бодрственномъ состояніи иногда достигаетъ такой степени, что подъ вліяніемъ его излѣчиваются, какъ по мановенію руки, тяжкія разстройства питанія, лихорадочные процессы и даже органическія заболѣванія, доказываетъ всѣмъ извѣстное дѣйствіе такъ называемыхъ симпатическихъ средствъ. Извѣстно, что Ferrarius излѣчивалъ лихорадку съ помощью бумажки, на которой были начертаны слова: „противъ лихорадки", при чемъ больной долженъ былъ отрѣзывать каждый день по одной буквѣ. Нѣкоторыя лица выздоравливали, даже не дошедши до конца этихъ магическихъ буквъ. Однажды Ferrarius'y удалось такимъ образомъ излѣчить 50 человѣкъ. Уничтоженіе бородавокъ подъ вліяніемъ того или другого симпатическаго средства или даже просто подъ вліяніемъ одного внушенія также засвидѣтельствовано лицами, заслуживающими безусловнаго довѣрія. Примѣры такого магическаго излѣченія отъ бородавокъ изъ своихъ личныхъ наблюденій сообщаютъ, между прочимъ, такія лица, какъ H. Tuck, Карпентеръ и др.

Свидѣтельствомъ магическаго вліянія внушеній въ бодрственномъ состояніи служатъ также чудесныя исцѣленія отъ недуговъ, производимыя Мессмеромъ, аббатомъ Фаріа, Бредомъ и др. Ясно, стало-быть, что внушеніе, производимое въ бодрственномъ состояніи, въ умѣлыхъ рукахъ можетъ оказаться полезнымъ, какъ дѣйствительное лѣчебное средство. Нужно только создать благопріятствующія такому внушенію условія для того, чтобы оно могло возымѣть свое дѣйствіе.

Значеніе вѣры при лѣченіи внушеніемъ.

Наиболѣе существеннымъ условіемъ со стороны самого больного въ этомъ случаѣ является вѣра въ дѣйствіе симпатическаго средства или внушенія, приводящая къ ожиданію грядущаго исцѣленія. Безъ этой вѣры, непроизвольнымъ образомъ поддерживающей напряженіе вниманія въ смыслѣ предстоящаго исцѣленія отъ недуга (такъ называемое выжидательное вниманіе), немыслимо никакое психическое лѣченіе, или лѣченіе внушеніемъ, и остается разсчитывать лишь на дѣйствіе матеріальныхъ врачебныхъ средствъ, которыя, какъ показываетъ опытъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ безусловно пасуютъ предъ силою внушенія.

Изъ сказаннаго ясно, что со стороны лица, претендующаго на психическое лѣченіе, или лѣченіе внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи, необходимо такъ или иначе вселить безусловную вѣру въ силу самого внушенія. Но вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и кроется причина того, что лѣчить внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи при обыкновенныхъ условіяхъ, не прибѣгая къ пріемамъ, которые клеймитъ общественная совѣсть, можетъ далеко не всякій, въ силу чего этотъ методъ лѣченія и не пользуется особеннымъ распространеніемъ среди врачебнаго сословія. Тѣмъ не менѣе, не должно забывать, что всѣ, вообще, врачи, хотя бы и невольнымъ образомъ, обычно примѣняютъ у кровати своихъ больныхъ рядомъ съ другими лѣчебными мѣропріятіями и психическое лѣченіе, или психотерапію, сводящуюся, главнымъ образомъ, къ дѣйствію внушенія въ бодрственномъ состояніи. Въ виду этого намъ кажется нелишнимъ указать здѣсь въ общихъ чертахъ на тѣ условія, которыя наиболѣе благопріятствуютъ дѣйствію такого внушенія.

Вѣра, лежащая въ основѣ дѣйствія всякаго внушенія, не уживается съ разсужденіемъ, а потому лица, обладающія меньшимъ развитіемъ разсудка, или такъ называемыя непосредственныя натуры, что ничуть не исключаетъ, впрочемъ, существованія выдающихся способностей въ другихъ отношеніяхъ, вообще относительно легче поддаются внушеніямъ. Въ силу того же обстоятельства необразованныя лица въ общемъ подвергаются легче и скорѣе внушеніямъ, нежели интеллигентный классъ населенія, съ другой стороны, дѣти, отличающіяся большимъ легковѣріемъ, обладаютъ, повидимому, наибольшей внушаемостью.

Наконецъ, и личность врача играетъ всегда видную роль въ дѣлѣ осуществленія внушеній. Для того, чтобы внушеніе возымѣло свою силу, необходимо, какъ мы уже упоминали выше, чтобы внушающій пользовался со стороны внушаемаго возможно полнымъ довѣріемъ, а это довѣріе, безъ сомнѣнія, достигается легче всего при тѣхъ условіяхъ, которыя создаютъ авторитетность внушающаго въ глазахъ внушаемаго. Поэтому все то, что способствуетъ поддержанію довѣрія со стороны лица, подвергающагося внушенію, къ силѣ знанія внушающаго, существенно помогаетъ и дѣйствію внушенія. Вотъ почему ловкій гипнотизаторъ, окружающій свои дѣйствія особенной таинственностью, иногда пользуется при внушеніи большимъ успѣхомъ, нежели малоопытный въ этомъ дѣлѣ врачъ, дѣйствующій болѣе прямодушно.

Такъ какъ человѣчество вообще склонно преклоняться передъ всѣмъ таинственнымъ, ему мало или вовсе не извѣстнымъ, то, безъ сомнѣнія, тѣ или другіе приспособленія и приборы, какъ бы увеличивающіе дѣйствительную силу и значеніе производимыхъ внушеній, а иногда и обладающіе въ глазахъ внушаемаго своего рода магической силой, получаютъ извѣстное значеніе при всякомъ вообще психическомъ лѣченіи. Этимъ, безъ сомнѣнія, руководился и Ventra, изучавшій въ послѣднее время значеніе внушенія въ бодрственномъ состояніи и употреблявшій для поддержанія силы своихъ внушеній нѣсколько несложныхъ инструментовъ. Въ его рукахъ были: желѣзная дуга, изображавшая магнитъ, недѣйствующая электрическая машина, двояко-выпуклая чечевица и игральныя карты,—слѣдовательно, цѣлый рядъ предметовъ, долженствовавшихъ дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ на воображеніе лицъ, подвергавшихся внушеніямъ.

Оказывается, что при изслѣдованіяхъ надъ значительнымъ числомъ лицъ, большею частью мужчинъ, этому автору въ большинствѣ случаевъ удавалось внушать различныя ощущенія (осязательныя, мышечныя и зрительныя) въ совершенно бодрственномъ состояніи. Такъ, въ опытахъ надъ группой солдатъ въ 200 человѣкъ авторъ путемъ приближенія мнимаго магнита къ сердечной области вызывалъ ощущеніе дуновенія: въ первомъ опытѣ—въ 85%, во второмъ—въ 50%; ощущеніе же холоднаго дуновенія при производствѣ пассовъ рукою получалось въ большей части случаевъ. Затѣмъ приближеніе магнита къ глазамъ у 25% всѣхъ испытуемыхъ вызывало ощущеніе фосфеновъ, а у другихъ субъектовъ—даже зрительную галлюцинацію. Далѣе, черезъ линзу авторъ заставлялъ видѣть на простой бѣлой бумагѣ цѣлыя зданія, лица и проч., а одному лицу авторъ

далъ немного сахара, увѣривъ его, что это—атропинъ, и объяснивъ предварительно свойство этого яда; въ результатѣ получились зрительныя галлюцинаціи, хотя и безъ расширенія зрачковъ.

Точно такъ же авторъ производилъ съ успѣхомъ и лѣчебныя внушенія въ бодрственномъ состояніи, подготовляя предварительно больныхъ для поддержанія въ нихъ глазахъ своего авторитета. Ему случалось излѣчивать такимъ образомъ невральгіи, нервную рвоту, приступы грудной жабы у истеричныхъ и у неврастениковъ. Даже у душевно-больныхъ путемъ внушенія въ бодрственномъ состояніи авторъ вызывалъ галлюцинаціи. Послѣднее удавалось неоднократно и мнѣ у больныхъ съ хроническими галлюцинаціями, въ особенности же—у алкоголиковъ.

Въ настоящее время, впрочемъ, внушаемость въ бодрственномъ состояніи составляетъ предметъ изслѣдованія при экспериментально-психологическихъ работахъ съ помощью особыхъ пріемовъ, о которыхъ нѣтъ надобности здѣсь распространяться. Достаточно сказать здѣсь, что такія изслѣдованія, производимыя, между прочимъ, и у насъ, доказываютъ, что степень внушаемости существенно зависитъ какъ отъ воспринимающаго органа, при посредствѣ котораго производится изслѣдованіе, такъ и отъ другихъ условій, которыми обставляется внушеніе.

Полагаю, что приведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы придти къ выводу, что внушеніе, производимое въ бодрственномъ состояніи, при умѣломъ пользованіи составляетъ весьма дѣйствительное лѣчебное средство, которое врачъ никогда не долженъ упускать изъ виду въ своей практикѣ.

Заслуживаетъ вниманія лѣченіе внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи и въ силу нѣкоторыхъ индивидуальныхъ особенностей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ имѣется настоящая боязнь гипнотическаго лѣченія,—боязнь, развившаяся на почвѣ распространенныхъ ложныхъ свѣдѣній о гипнозѣ и различнаго рода предубѣжденій. Въ этихъ случаяхъ было бы трудно разсчитывать на разубѣжденіе больныхъ, а съ другой стороны—примѣненіе гипноза можетъ сопровождаться развитіемъ сердцебіенія, истерическими или другими нервными проявленіями, а потому слѣдуетъ на первое время совершенно оставить мысль пользоваться гипнозомъ для лѣченія, а, успокоивъ больного, предложить ему лѣченіе внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи, предупредивъ его, что для лѣченія внушеніемъ нѣтъ никакой необходимости въ усыпленіи, а нужно только развитіе пассивнаго состоянія, для чего необходимо лишь вполнѣ неподвижное положеніе съ закрытіемъ глазъ. Когда согласіе получено, немедленно слѣдуетъ приступить къ внушенію въ бодрственномъ состояніи. Нерѣдко больные, убѣдившись, въ чемъ заключается внушеніе, впослѣдствіи не возражаютъ и противъ гипнотическихъ сеансовъ съ внушеніемъ, особенно—если имъ объяснить, что внушеніе въ гипнозѣ, по существу, такого же рода, какъ и внушеніе въ бодрственномъ состояніи.

Кромѣ того, должно избѣгать гипноза и въ тѣхъ исключительно рѣдкихъ случаяхъ, когда самъ по себѣ гипнозъ почему-либо вызываетъ непріятное и тягостное состояніе. Для примѣра приведу, какъ одна истеричка характеризовала дѣйствіе на нее гипноза, вслѣдствіе чего пришлось прибѣгнуть къ внушенію въ бодрственномъ состояніи: „Да, предъ силой дѣйствія внушенія остается только преклониться. Но предъ усыпленіемъ, какъ я испытала и ощутила его, никогда. Это—мучительный актъ, держащій почти сутки въ состояніи какой-то отступленности, невмѣняемости. Состояніе, очень похожее на то, какое охватываетъ при испугѣ, при тяжелой обидѣ, при горькихъ безысходныхъ слезахъ. Вообще, усыпленіемъ лѣчиться такъ тяжело нравственно и такъ больно (стягиваетъ, давитъ голову, затрудняетъ дыханіе), что впадаешь въ это оцѣпенѣніе только ради добрыхъ свѣтлыхъ словъ внушенія, чтобы ихъ услышать и воспринять, какъ уговоръ, какъ успокоеніе".

Предупреждаю, однако, что такія ощущенія составляютъ рѣдкое исключеніе изъ общаго правила, такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ гипнозъ самъ по себѣ не сопровождается какими-либо тягостными ощущеніями.

Мысленное внушеніе и внушеніе черезъ предметы.

Что касается такъ называемаго мысленнаго внушенія на разстояніи, то нужно вполнѣ опредѣленно сказать, что до настоящаго времени не было представлено ни одного безупречнаго и вполнѣ убѣдительнаго факта, который бы говорилъ за возможность мысленнаго внушенія на разстояніи. По крайней мѣрѣ, всѣ приводимыя въ этомъ отношеніи данныя, между прочимъ и данныя Richet, Котика и др., не вполнѣ выдерживаютъ строгую критику.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда врачи увѣряли, что нѣкоторые изъ паціентовъ повинуются ихъ мысленнымъ внушеніямъ на разстояніи, какъ это было у насъ, оказывалось на провѣрку, что въ этомъ случаѣ паціенты слѣдили за мимикой и взоромъ врача и руководились ими при выполненіи его „мысленныхъ" внушеній.

Однако, излишне разувѣрять въ этомъ больныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, благодаря вѣрѣ въ дѣйствіе внушенія на разстояніи, продѣлавши съ врачемъ нѣсколько сеансовъ гипноза и имѣя необходимость уѣхать домой, заявляютъ на прощанье: „Докторъ, думайте чаще обо мнѣ"—и одна мысль, что о нихъ врачъ, лѣчащій гипнозомъ, постоянно думаетъ и будетъ думать, не только успокаиваетъ и ободряетъ, но и даетъ имъ благопріятную почву для самовнушенія, дающаго иногда также прекрасные результаты.

Но даже оставляя почву научныхъ споровъ въ этомъ отношеніи, необходимо имѣть въ виду, что практическаго значенія этотъ вопросъ, повидимому, не имѣетъ, такъ какъ тамъ, гдѣ это являлось бы дѣйствительно необходимымъ по внѣшнимъ условіямъ, представляется возможнымъ осуществлять внушеніе черезъ предметы, о чемъ нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ.

При внушеніи черезъ предметы дѣло идетъ о такомъ случаѣ, когда мы не дѣйствуемъ непосредственно самимъ внушеніемъ, а связываемъ внушеніе съ опредѣленнымъ предметомъ, благодаря чему внушеніе и осуществляется въ связи съ даннымъ предметомъ. Напримѣръ, мы говоримъ лицу, находящемуся въ гипнозѣ, что, когда онъ возьметъ въ руки такой-то предметъ, напримѣръ, папиросу, онъ испытаетъ особенное чувство, которое заставитъ его бросить папиросу, и внушеніе дѣйствительно осуществляется вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ больной беретъ въ руки папиросу. Точно такимъ же образомъ можно связать дѣйствіе внушенія вмѣстѣ съ дѣйствіемъ того или другого лѣкарства. Напримѣръ, можно заявить лицу, находящемуся въ гипнозѣ, объ особой цѣлительной силѣ даннаго средства и о томъ, что каждый разъ вмѣстѣ съ пріемомъ лѣкарства онъ будетъ испытывать особый подъемъ энергіи и т. п., и внушеніе будетъ осуществляться въ точности вмѣстѣ съ пріемомъ даннаго средства. Равнымъ образомъ, давая совершенно невинное средство отъ безсонницы, можно связать съ нимъ внушеніе, что, принявъ его, больной почувствуетъ успокоеніе и наклонность ко сну, и невинное средство окажется снотворнымъ.

Во многихъ случаяхъ даже и безъ такихъ внушеній въ дѣйствіи лѣкарствъ сказывается не одна ихъ матеріальная основа, но и та сила внушенія, которая невольно связывается у паціента съ примѣненіемъ даваемаго ему лѣкарства. Если паціентъ вѣритъ въ чудодѣйственную силу средства, то самое [illegible] изъ нихъ можетъ оказать колоссальный успѣхъ, чѣмъ объясняется, какъ уже упоминалось въ другомъ мѣстѣ, цѣлительное дѣйствіе хлѣбныхъ пилюль, даже простой воды и т. п.

Въ этомъ отношеніи были дѣлаемы и спеціальные опыты, которые демонстративно показываютъ значеніе внушенія при примѣненіи тѣхъ или другихъ лѣкарствъ.

Такъ, докторъ Matieu въ Парижѣ, желая провѣрить чудодѣйственную силу внушенія, продѣлалъ слѣдующій опытъ. Имѣя въ своихъ рукахъ большое количество хахочныхъ и безуспѣшно испробовавъ на нихъ различныя средства, онъ однажды въ присутствіи больныхъ въ разговорѣ съ ассистентомъ упомянулъ, что въ Германіи недавно изобрѣли новое средство антифямозъ, обладающее

огромнымъ цѣлительнымъ дѣйствіемъ при чахоткѣ. На другой день при такихъ же условіяхъ опять докторъ Матье завелъ рѣчь о замѣчательныхъ случаяхъ излѣченія чахотки новымъ средствомъ.

Нѣтъ надобности говорить, что среди больныхъ разнеслась съ быстротою молніи вѣсть о новомъ могущественномъ средствѣ отъ чахотки, и больные съ нетерпѣніемъ ждали, когда будетъ получено новое цѣлительное средство, и когда докторъ примѣнитъ его къ нимъ.

Но вотъ въ одинъ прекрасный день всѣ больные были обрадованы полученіемъ новаго средства изъ Германіи. Немедленно было приступлено къ опытамъ.

Для большей точности и убѣдительности было условлено, что запись вѣса и измѣреніе температуры тѣла будутъ вести сами больные.

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ уже сказалось чудодѣйственное вліяніе новаго средства. Вѣсъ тѣла у больныхъ сталъ подниматься, лихорадка уменьшилась, ослабѣлъ кашель и уменьшилось выдѣленіе мокроты, появился аппетитъ, болѣе крѣпкій сонъ, бодрость духа и общій подъемъ силъ. Были случаи поднятія вѣса съ 1500 до 3000 граммовъ. Съ прекращеніемъ впрыскиваній, наоборотъ, всѣ явленія вновь ухудшались. Словомъ, не было сомнѣнія въ чудодѣйственномъ вліяніи новаго средства, а между тѣмъ оно представляло собою простую стерилизованную воду.

Врядъ ли нужно говорить, что здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, терапевтическимъ агентомъ явилась не сама вода, а вѣра въ укрѣпляющее значеніе новаго средства.

Не очень давно въ Петербургѣ однимъ шарлатаномъ былъ распространенъ подъ именемъ виталина особый лѣкарственный составъ, употребляемый и внутрь, и путемъ впрыскиванія. Средство оказалось крайне чудодѣйственнымъ и вслѣдствіе того получило большое распространеніе среди всѣхъ классовъ населенія, отъ низшихъ до высшихъ.

Оно потеряло свою силу лишь съ тѣхъ поръ, какъ вслѣдствіе впрыскиваній, сдѣланныхъ градоначальнику Грессеру, который долженъ былъ бы предупреждать шарлатанство, не развилась у него обширная гангрена, отъ которой онъ и умеръ. Средство пришлось обнаружить: оно состояло изъ простого глицерина съ борной кислотой.

Нечего и говорить, что съ этихъ поръ оно потеряло всякую цѣлительную силу.

Не менѣе поучительнымъ оказался случай съ мяснымъ экстрактомъ „Пиро“ въ Германіи. Онъ пользовался большой славой среди нѣмецкихъ врачей. Въ наставленіи, которое разсылалось при этомъ средствѣ, говорилось, что въ 1907 г. для изготовленія „Пиро“ потребовалось до 20 тыс. килогр. мясного сока, для чего было убито до 4000 быковъ. Средство распространилось очень широко, и его назначали вездѣ, гдѣ требовалось укрѣпленіе силъ. Былъ продѣланъ рядъ наблюденій въ больницахъ и въ частной практикѣ, при чемъ была констатирована и прибыль вѣса, и укрѣпленіе силъ, и, вообще, новое средство рѣшительнѣйшимъ образомъ признавалось цѣлительнымъ.

Но вотъ кому-то пришла въ голову мысль изслѣдовать новое средство, при чемъ выяснилось, что въ немъ вовсе не было мяса, а состояло оно лишь изъ глицерина въ смѣси съ яичнымъ бѣлкомъ, борной кислотой и селитрой.

Это разъясненіе, произведшее переполохъ въ средѣ нѣмецкихъ врачей, тотчасъ же уничтожило и чудодѣйственное значеніе знаменитаго нѣкогда „Пиро“.

Отъ дѣйствія внушенія въ извѣстной мѣрѣ зависитъ и мода на лѣкарство.

Новое средство, особенно широко рекламируемое, часто оказываетъ цѣлительное дѣйствіе на больныхъ, но проходитъ извѣстное время, и другое новое средство такимъ же точно образомъ вытѣсняетъ прежнее. Нѣтъ надобности говорить, что и сами врачи поддаются въ этомъ случаѣ вліянію внушенія.

Подобно приведеннымъ примѣрамъ можно искусственно связать дѣйствіе внушенія съ любымъ предметомъ, напримѣръ, со своей собственной фотографической карточкой. Можно внушить, что всякій разъ, когда больной, смотря на фотографическую карточку, припомнитъ бывшіе сеансы, онъ погрузится на

минуту въ дремоту и затѣмъ проснется въ прекрасномъ состояніи здоровья. Необходимо, однако, предупредить, чтобы этимъ средствомъ не злоупотребляли и избѣгали пользоваться въ маловажныхъ случаяхъ.

Но даже и безъ подобныхъ внушеній карточка врача, лѣчившаго внушеніемъ, можетъ оказывать дѣйствительный эффектъ, благодаря самовнушенію.

Въ этомъ убѣдятъ васъ слѣдующія выдержки изъ письма одной изъ пациентокъ:

„Позвольте и отсюда поблагодарить васъ и за себя, и за мужа. Со страхомъ я возвращалась домой, я боялась, что какъ только буду въ старой обстановкѣ, такъ все старое поднимется, и я все ждала этого; но вы со мной прямо сдѣлали чудо. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ я дома, и чувствую себя очень хорошо, истерическихъ припадковъ не было, хотя не разъ и бывали такіе моменты, которые раньше окончились бы истерикой. Когда я вернулась сюда, то всѣ нашли, что я удивительно поздоровѣла, а мужъ говоритъ, что даже голосъ дѣвичій ко мнѣ вернулся, такъ что вашему внушенію быть такою, какой я была до замужества, я оказалась вполнѣ послушной“... „Мужъ не куритъ и не пьетъ, хотя эти праздники и выпилъ нѣсколько рюмокъ (не знаю только—радоваться мнѣ этому или горевать), но, какъ говоритъ, вино ему противно“... „А теперь позвольте сообщить вамъ, что то состояніе, какое у меня бывало во время внушенія, я могу вызвать и теперь, стоитъ только посмотрѣть на вашу фотографію (на глаза). Первый разъ это со мной случилось вскорѣ послѣ пріѣзда сюда, когда я очень внимательно разсматривала вашъ портретъ и при этомъ ясно представила себя у васъ въ кабинетѣ; теперь же достаточно только посмотрѣть на фотографіи на ваши глаза, какъ мои глаза начинаютъ закрываться и надвигается то состояніе, что бывало во время сеансовъ, и надо сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобы выйти изъ него; кромѣ того, вашъ портретъ помогаетъ мнѣ владѣть своими нервами“...

Самовнушеніе, какъ лѣчебный факторъ.

Еще нѣсколько словъ о самовнушеніи. Уже ранѣе говорилось о лѣчебномъ значеніи вѣры, которое сводится въ значительной мѣрѣ къ самовнушенію при соотвѣтствующей религіозной эмоціи, иначе говоря—къ такому эмоціональному состоянію, когда самъ человѣкъ, благодаря извѣстнымъ условіямъ, невольно внушаетъ себѣ исцѣленіе отъ недуга. Иногда самовнушеніе принимаетъ форму какъ бы пророческихъ словъ, значеніе которыхъ въ этомъ отношеніи мной было оцѣнено еще въ моей книгѣ: „Внушеніе и его роль въ общественной жизни“ *).

Нѣкоторые, какъ уже ранѣе упомянуто, пользуются наложеніемъ рукъ на голову, воображая, что они лѣчатъ болѣзни, передавая свою собственную магическую силу больному человѣку, тогда какъ и здѣсь дѣло сводится главнымъ образомъ, если не исключительно, на родъ внушенія въ бодрственномъ состояніи, соединеннаго съ самовнушеніемъ о цѣлительномъ дѣйствіи невѣдомой силы, излучаемой будто бы руками.

Другіе предлагаютъ лѣченіе молитвой даже для тяжелыхъ органическихъ пораженій, и на лицъ религіозныхъ, безъ сомнѣнія, вѣра въ возможность исцѣленія въ связи съ религіозной эмоціей и внушающимъ вліяніемъ самой молитвы оказываетъ несомнѣнно благотворное, успокаивающее, а иногда и цѣлительное вліяніе.

Объ этомъ въ свое время писалъ еще извѣстный клиницистъ Шарко (La folie qui guerit).

Такимъ образомъ, значеніе молитвы также въ значительной мѣрѣ сводится къ самовнушенію, дѣйствующему въ связи съ религіозной эмоціей. И въ этомъ отношеніи религіозныя лица имѣютъ много благопріятныхъ условій для дѣйствія самовнушенія съ помощью молитвы.

*) СПБ. Л. Риккеръ. 3-е изд. 1908 г.

Безъ сомнѣнія, самовнушеніе играетъ роль не только въ случаяхъ вѣры, но иногда оно получаетъ важное значеніе и въ повседневной жизни. Кто не знаетъ могущественной роли самоутѣшенія, которому человѣкъ отдается въ минуты горя и которое играетъ роль самовнушенія? Но, безъ сомнѣнія, существенно важно пользоваться самовнушеніемъ и въ терапевтическихъ цѣляхъ, для осуществленія чего должны быть выработаны особые пріемы.

По моимъ наблюденіямъ, наиболѣе подходящимъ временемъ для самовнушенія является періодъ передъ засыпаніемъ и періодъ, слѣдующій за пробужденіемъ. Для каждаго отдѣльнаго случая должна быть выработана опредѣленная формула самовнушенія, которая должна соотвѣтствовать данному случаю и должна произноситься отъ своего имени, въ утвердительной формѣ и въ настоящемъ, а не въ будущемъ времени. Допустимъ, что человѣкъ, привыкшій къ вину, хотѣлъ бы путемъ самовнушенія лѣчиться отъ своего недуга. Онъ долженъ произносить самовнушеніе въ слѣдующемъ видѣ: „Я далъ себѣ зарокъ не только не пить, но и не думать о винѣ; теперь я совершенно освободился отъ пагубнаго соблазна и о немъ вовсе не думаю“. Приблизительно въ такомъ же родѣ должно быть произносимо вполголоса самовнушеніе по нѣсколько разъ передъ сномъ и утромъ и при томъ съ полнымъ на немъ сосредоточеніемъ *).

Для многихъ случаевъ такое самовнушеніе можетъ уже оказаться дѣйствительнымъ. Однако, нельзя упускать изъ виду, что далеко не всѣмъ удается должнымъ образомъ сосредоточиться на предметѣ самовнушенія, вслѣдствіе чего оно часто вовсе не можетъ замѣнить внушенія. На него скорѣе можно смотрѣть, какъ на вспомогательное средство при лѣченіи болѣзней внушеніемъ, такъ какъ при немъ многое зависитъ отъ индивидуальности самого больного.

Лѣченіе отвлеченіемъ и укрѣпленіемъ воли.

Въ числѣ другихъ психотерапевтическихъ способовъ я упомяну о часто примѣняемомъ мною способѣ лѣченія отвлеченіемъ вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ воли. Всѣмъ извѣстно, что многія пагубныя привычки невольно поддерживаются тѣмъ, что постоянно къ нимъ привлекается вниманіе больныхъ, которое поддерживаетъ и усиливаетъ влеченіе, дѣлая его непреодолимымъ.

Возьмемъ куреніе табаку. Человѣкъ, рѣшившійся отъ него избавиться, въ большинствѣ случаевъ не можетъ съ этой задачей справиться вслѣдствіе того, что вниманіе при возникновеніи потребности постоянно направляется на табакъ, на папиросы и на куреніе.

То же происходитъ и въ случаяхъ другихъ привычныхъ влеченій, напримѣръ, при влеченіи къ винѣ и т. п. Естественно, что терапія въ этихъ и подобныхъ случаяхъ должна сводиться къ отвлеченію вниманія и къ укрѣпленію воли. Если вниманіе больного будетъ отвлечено, то ему уже легче справиться со своей привычкой, а если воля его еще будетъ укрѣплена, то терапія достигаетъ полнаго успѣха.

Осуществленія этой терапіи мы достигаемъ такимъ образомъ: больному предлагаемъ закрыть глаза и углубиться въ самого себя, ни о чемъ не думая и сосредоточиваясь на мысли, что онъ какъ бы засыпаетъ. Если человѣкъ не можетъ разсѣять свои мысли, то мы предлагаемъ ему про себя считать все время, не обращая вниманія на то, если бы онъ гдѣ-нибудь просчитался. Этимъ путемъ достигается пассивное отношеніе больного къ психотерапевтическимъ воздѣйствіямъ, что не лишено существеннаго значенія.

Затѣмъ, сама психотерапія состоитъ въ томъ, что въ больномъ стараются укрѣпить многократными убѣжденіями мысль, что онъ долженъ всегда отвлекаться отъ предмета своей пагубной привычки и ни въ какомъ случаѣ ей не поддаваться, что у него для этой цѣли будетъ достаточно воли, и т. п.

*) Такая форма самовнушенія иногда оказывается полезной и при навязчивыхъ состояніяхъ, какъ показываетъ одинъ изъ тяжелыхъ случаевъ этого рода, описанный мною еще много лѣтъ тому назадъ въ „Вѣстникѣ Психіатріи“.

Терапія эта, повторяемая въ рядѣ сеансовъ, не сопровождающихся гипнотическимъ усыпленіемъ, обыкновенно приводитъ къ успѣху даже въ тяжелыхъ случаяхъ. Она оказываетъ существенную пользу также въ случаяхъ навязчивыхъ идей и навязчивыхъ дѣйствій. И здѣсь необходимо вести лѣченіе отвлеченіемъ вниманія отъ постояннаго навязыванія мыслей и развивающагося вмѣстѣ съ нимъ безпокойства и вмѣстѣ укрѣпленіемъ воли въ томъ смыслѣ, чтобы имѣть возможность направлять вниманіе на другія области мышленія или на тотъ или другой родъ дѣятельности, который и самъ по себѣ будетъ служить отвлеченіемъ отъ навязчивыхъ состояній.

Многія нервно-психическія состоянія имѣютъ въ основѣ своей эмоціональное состояніе, поддерживаемое тѣмъ, что вниманіе ихъ постоянно обращается къ тѣмъ или инымъ болѣзненнымъ представленіямъ.

Допустимъ, что человѣкъ, потерявъ ближайшаго ему любимаго человѣка, пережилъ тяжелое нравственное потрясеніе. Все его вниманіе приковано къ этому событію, но чѣмъ больше человѣкъ о немъ думаетъ, тѣмъ болѣе онъ подвергается угнетенію.

И здѣсь, безъ сомнѣнія, осуществляется терапія отвлеченіемъ вниманія и укрѣпленіемъ воли, дающая всегда вѣрные результаты при систематическомъ ея примѣненіи.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на такъ называемую отвлекающую психотерапію (Ablenkungstherapie), примѣняемую Oppenheim'омъ и Mareinowsky'имъ. Особенно подробно этотъ родъ психотерапіи изложенъ въ книгѣ Mareinowsk'аго: „Nervosität und Weltanschauung“ и въ книгѣ „Im Kampf um gesunde Nerven“.

Эта психотерапія основана на томъ, что въ нѣкоторыхъ болѣзненныхъ состояніяхъ извѣстныя группы ассоціацій, связанныя съ болѣзненными представленіями, получаютъ преобладаніе надъ другими представленіями, какъ бы отнимая у нихъ извѣстную степень энергіи. Здѣсь основной цѣлью психотерапіи является ослабленіе повышенной возбудимости болѣзненныхъ представленій путемъ введенія въ психику новыхъ дѣятельныхъ ассоціацій. Въ этомъ случаѣ стремленіе врача заключается въ томъ, чтобы направить мысли больного на высшія проблемы и вызвать къ жизни высшіе философскіе, этическіе и эстетическіе идеалы, дабы онъ имѣлъ возможность справиться съ болѣзненными идеями.

Во всякомъ случаѣ идеи Mareinowsk'аго, изложенныя имъ недавно въ особой статьѣ *), заслуживаютъ большого вниманія, несмотря на то, что практическое ихъ осуществленіе представляетъ нерѣдко тѣ или другія затрудненія.

Дѣло въ томъ, что для осуществленія терапіи въ этомъ смыслѣ приходится встрѣчаться со всевозможными взглядами и вкоренившимися убѣжденіями, которые необходимо вытѣснить силою убѣжденія, чтобы привить больному другіе взгляды, противодѣйствующіе его болѣзненному состоянію. Къ тому же, чтобы имѣть успѣхъ, нужно самому имѣть возвышенные идеалы и вмѣстѣ съ тѣмъ въ корнѣ и до деталей изучить взгляды больного и говорить съ больнымъ его языкомъ.

Широко примѣняя подобную же психотерапію при внушеніяхъ въ бодрственномъ состояніи еще ранѣе ознакомленія съ нею по книгѣ Mareinowsk'аго, я долженъ признать особенное значеніе ея именно въ случаяхъ, когда человѣкъ заболѣваетъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ нравственныхъ потрясеній, гдѣ она можетъ оказаться незамѣнимой.

Я думаю, кромѣ того, что пассивность больного при внушеніяхъ, достигаемая закрытіемъ его глазъ и требованіемъ сосредоточиться на мысли о снѣ или о гипнотизаторѣ или на счетѣ, какъ о томъ сказано выше, не только не мѣшаетъ направлять мысли больного на высшія проблемы философскаго и нравственнаго характера, но служитъ для этого благопріятнымъ условіемъ въ виду того, что при этомъ обнаруживается болѣе сильное словесное воздѣйствіе, нежели въ обыкновенномъ бодрственномъ состояніи.

*) Mareinowski. Zeitschr. f. Psychotherapie und Psychologie. 1 Bd., 3 Heft. 1909.

Мнѣ кажется, далеко не всегда правы тѣ, которые, защищая психотерапевтическіе пріемы, полагаютъ, что лишь въ убѣжденіи заключается спасеніе больного, ошибочно воображая, будто внушеніе при соотвѣтственной пассивности не можетъ быть направлено къ ослабленію его идеаловъ и къ укрѣпленію воли, а между тѣмъ изъ собственной практики я могу удостовѣрить, что внушеніе, соотвѣтственнымъ образомъ примѣняемое въ томъ пассивномъ состояніи, по выходѣ изъ котораго человѣкъ все помнитъ, что ему внушалось, ничуть не въ меньшей степени, а часто еще въ большей мѣрѣ можетъ воздѣйствовать въ смыслѣ духовнаго облагораживанія человѣка и укрѣпленія его воли и созданія идеаловъ.

Надо признать, вообще, что значеніе внушенія, производимаго въ бодрственномъ состояніи, ничуть не исключается и при психотерапіи иного рода, такъ какъ каждый родъ воздѣйствія на больного можетъ имѣть свою область примѣненія, и въ этомъ отношеніи внушеніе въ бодрственномъ пассивномъ состояніи нерѣдко оказывается болѣе дѣйствительнымъ, нежели то, что называется убѣжденіемъ.

Дѣло идетъ и здѣсь о прививаніи больному болѣе широкихъ взглядовъ и понятій на мѣсто его узкихъ представленій, при чемъ часто приходится прибѣгать къ доктринамъ стоической философіи, чтобы сдѣлать больныхъ независимыми отъ условій и устранить ихъ невольное въ этомъ отношеніи рабство.

Въ извѣстныхъ случаяхъ необходимо возстать самымъ энергичнымъ образомъ противъ детерминизма, когда больной чувствуетъ себя какъ бы во власти болѣзненныхъ состояній, — напримѣръ, наслѣдственныхъ условій, на подобіе какого-то фатума.

Иногда приходится прибѣгать къ прививанію этическихъ воззрѣній, какъ, напримѣръ, въ случаѣ, когда больной находится въ условіяхъ, его угнетающихъ, и при томъ эти условія оказываются неизмѣняемыми; при этомъ можетъ оказаться полезнымъ извѣстный принципъ всепрощенія.

Въ другихъ случаяхъ, когда больныхъ нужно освобождать отъ извѣстной болѣзненной нравственной чувствительности, подъ вліяніемъ которой они излишне терзаются фиктивными или условными грѣхами, необходимо настойчиво дискредитировать узкую идею грѣховности, и въ случаяхъ нравственныхъ конфликтовъ необходимо привить больному болѣе широкіе нравственные критеріи или найти иной способъ для отвлеченія мыслей больного отъ мучащихъ его идей.

Этотъ методъ, на мой взглядъ, имѣетъ чрезвычайную важность, и уже въ теченіе многихъ лѣтъ въ подходящихъ случаяхъ я не примѣняю внушенія безъ соотвѣтственнаго лѣченія идеалами, при чемъ въ этомъ случаѣ на внушеніе я смотрю лишь какъ на наиболѣе удобный способъ для введенія соотвѣтствующихъ идей. Авторы, которые держатся убѣжденія и избѣгаютъ пассивности больного, при которой легче всего осуществляется внушеніе, основываютъ свое мнѣніе на томъ, что убѣжденіе укрѣпляетъ критику и, слѣдовательно, даетъ самому больному средство бороться со своимъ недугомъ. Однако, не доказано, что борьба для больного съ его болѣзненными симптомами представляется болѣе легкою путемъ критическаго обсужденія, нежели путемъ невольнаго прививанія соотвѣтствующихъ взглядовъ, а у больныхъ со слабо развитой критикой и у дѣтей пріемъ убѣжденія, вообще, долженъ быть мало достигающимъ цѣли.

Тѣмъ не менѣе, есть исключительные защитники терапіи убѣжденіемъ, и въ этомъ отношеніи мы должны прежде всего указать на Dubois.

Лѣченіе т. наз. убѣжденіемъ.

По взгляду Dubois, различные симптомы психо-неврозовъ объясняются и поддерживаются ложными умозаключеніями и неправильными сужденіями, вслѣдствіе чего этотъ авторъ отвергаетъ гипнозъ и внушеніе, примѣняя свой психотерапевтическій методъ, состоящій въ простомъ убѣжденіи. Онъ избѣгаетъ даже

пользоваться тѣмъ довѣріемъ, которое проявляетъ больной къ врачу. Онъ не считаетъ возможнымъ вести себя по отношенію къ больному такъ, чтобы въ немъ возбуждалось самовнушеніе, которое, какъ бы оно ни было полезно, не даетъ, по его мнѣнію, прочныхъ результатовъ, принося иногда тотъ или другой вредъ.

Методъ Dubois состоитъ въ обращеніи къ разуму больного, въ стремленіи воздѣйствовать на его интеллектъ; онъ старается поэтому убѣдить больного, что его болѣзнь—психическаго происхожденія, и убѣждаетъ логическими доводами, стараясь уничтожить болѣзнь тѣмъ же путемъ, какимъ она впервые возникла.

По мнѣнію Dubois, психо-неврозы будто бы поддерживаются характернымъ логическимъ заблужденіемъ (illogisme).

Въ виду этого онъ путемъ діалектики стремится возбудить и обострить критику больного и тѣмъ самымъ заставить его разубѣдиться въ его болѣзненно-неправильныхъ случайно сочетавшихся представленіяхъ и тѣмъ самымъ дать ему прочно обоснованный и правильный взглядъ на его состояніе.

Словомъ, вся суть метода—въ развитіи и воспитаніи самокритики. Путемъ внушенія, по Dubois, этого будто бы нельзя достигнуть, такъ какъ этотъ методъ пользуется внушаемостью и самовнушаемостью, т. е. какъ разъ тѣми явленіями, которыя часто и лежатъ въ основѣ психо-неврозовъ.

Лѣченіе разубѣжденіемъ и разъясненіемъ нашло независимо отъ Dubois откликъ и въ Германіи (Oppenheim съ его „Psychotherapeutische Briefe", Rosenbach, Eschle и др.).

Надо замѣтить, однако, что далеко не всѣ согласны съ тѣмъ, что авторъ при своемъ способѣ лѣченія совсѣмъ устраняетъ элементъ внушенія. Авторъ во всякомъ случаѣ встрѣтилъ въ литературѣ немало возраженій, особенно со стороны Oppenheim'a и Bonjour'a. Нельзя здѣсь не отмѣтить, что и основной взглядъ Dubois на происхожденіе симптомовъ при психо-неврозахъ, какъ на результатъ неправильныхъ сужденій, можетъ быть не безъ основанія оспариваемъ.

Свои возраженія противъ гипнотерапіи Dubois *) сводитъ къ тому, что здѣсь будто бы производится искусственное измѣненіе чувства и устраняются или, по крайней мѣрѣ, не принимаются во вниманіе логическія убѣжденія **).

Однако, Löwenfeld ***) правъ, говоря, что проведеніе гипнотерапіи, въ общемъ, имѣетъ въ виду тотъ же путь, что и діалектика, такъ какъ въ гипнозѣ дѣло идетъ также о разъясненіяхъ, уговорахъ и убѣжденіяхъ; утвержденіе же Dubois, будто гипнозъ воздѣйствуетъ на чувства неправильно, противорѣчитъ фактамъ.

По словамъ самого Dubois, цѣль внушенія въ гипнозѣ и въ бодрственномъ состояніи—одна и та же: укрѣпить въ больномъ излѣчивающую его мысль. Но онъ полагаетъ, что терапія внушеніемъ не заботится ни о какой логикѣ, и что будто бы утвержденія, вселяемыя въ этомъ случаѣ въ голову больного, ни на чемъ не основаны.

Такъ, если внушается, что человѣкъ долженъ съ вечера уснуть хорошо, или что у женщины къ такому-то сроку появится менструація, то здѣсь нѣтъ никакого обращенія къ логикѣ, тогда какъ Dubois всю силу своего метода видитъ въ логикѣ. Однако, онъ упускаетъ изъ вида, что внушеніе нынѣ не сводится только къ простому приказанію, а чаще всего ведется какъ разъясненіе и убѣжденіе, и въ этомъ не отличается по характеру отъ метода Dubois, въ которомъ точно такъ же не исключается и элементъ внушенія, вводимый, конечно, независимо отъ самого автора.

Поэтому Löwenfeld правъ, говоря, что старанія Dubois указываютъ лишь, что при одностороннемъ культивированіи только своего метода онъ навязалъ себѣ пугала, которыя мѣшаютъ ему воспринимать и цѣнить шаги впередъ въ остальной области психотерапіи.

---

*) Dubois. Berl. Klin. Wchs. № 25. 1909.

**) Dubois. Monatschr. f. Psych. 1909. Heft 6.

***) Löwenfeld. Къ современному положенію психотерапіи.

Нечего и говорить, что никакія убѣжденія не могутъ имѣть успѣха, напримѣръ, при необходимости вызвать менструацію въ срокъ, что, однако, достигается внушеніемъ.

Заслуживаетъ вниманія также методъ Brissaud, который примѣняется въ нѣкоторыхъ судорожныхъ состояніяхъ, особенно при такъ называемомъ тикѣ.

Онъ состоитъ въ систематическомъ упражненіи держанія членовъ тѣла въ опредѣленномъ положеніи и представляетъ собою какъ бы перевоспитаніе двигательныхъ центровъ, которое достигается постепенно усиліями воли. Методъ этотъ, несомнѣнно полезный въ извѣстныхъ случаяхъ, представляетъ собою въ сущности гимнастику воли и заслуживаетъ съ этой стороны особаго вниманія. Нельзя не упомянуть здѣсь и о методѣ Déjérine'a, который, насколько я знакомъ съ нимъ, состоитъ въ устраненіи мысли о болѣзни, въ отвлеченіи отъ нея, при чемъ больнымъ настойчиво доказывается и обращеніемъ съ ними, и словами, что они здоровы и не должны думать о своей болѣзни. Этотъ методъ, примѣнимый лишь къ общимъ психоневрозамъ, напр., къ истеріи, имѣетъ, однако, то неудобство, кромѣ многихъ другихъ, что не допускаетъ одновременнаго примѣненія иныхъ методовъ лѣченія, какъ, напр., лѣкарственнаго и физіотерапевтическаго, такъ какъ это явилось бы ему прямымъ противорѣчіемъ, а между тѣмъ обойтись безъ лѣченія лекарствами или физіотерапіей въ такихъ случаяхъ часто бываетъ невозможно.

Психоанализъ и лѣченіе исповѣдью.

Наконецъ, за послѣднее время обращаетъ на себя вниманіе такъ называемый психоанализъ Freud'a, какъ терапевтическій методъ *). По этому автору, болѣзненныя состоянія при неврозахъ имѣютъ въ основѣ своей неразрѣшенный аффектъ, особенно часто—въ видѣ половой травмы, который, какъ вредный ингредіентъ, поддерживаетъ болѣзненное состояніе, оставаясь часто несознаваемымъ самимъ субъектомъ. Поэтому въ каждомъ случаѣ долженъ быть произведенъ тщательный анализъ субъективнаго состоянія больного, и, найдя ту или другую психическую травму, какъ причину болѣзненнаго состоянія, должно дать разрѣшиться аффекту, чтобы такимъ образомъ освободить психику отъ неассимилировавшагося аффекта.

Надо, однако, замѣтить, что этотъ методъ не всѣми раздѣляется и возбуждаетъ съ разныхъ сторонъ критическое къ себѣ отношеніе, главнымъ образомъ, въ силу тѣхъ преувеличеній, которыя допускались и самимъ авторомъ этого метода и его послѣдователями. Однако, несомнѣнно, что отреагированіе на тягостно мучившее человѣка состояніе всегда дѣйствуетъ облегчающимъ образомъ, какъ слезы облегчаютъ аффектъ, какъ исповѣдь облегчаетъ тягостное душевное состояніе. Происходитъ такимъ образомъ какъ бы очищеніе себя отъ психической травмы, такъ называемый катарзисъ. Поэтому, если указаніе на психическую травму обнаружено, необходимо, чтобы больной отреагировалъ на него, и болѣзнь проходитъ.

Если о психической травмѣ обычнымъ путемъ узнать не удается, то можно загипнотизировать больного, внушить ему воспоминаніе о самомъ началѣ развитія болѣзни и объ испытанныхъ имъ и забытыхъ психическихъ вліяніяхъ и заставить его путемъ внушенія пережить со всею аффективностью событіе, приведшее къ болѣзненному состоянію. Здѣсь есть гипнозъ, но внушеніе служитъ здѣсь лишь для того, чтобы возбудить катарзисъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что Freud отказался отъ этого метода съ гипнозомъ, замѣнивъ его психоанализомъ.

Онъ устанавливаетъ различные психическіе механизмы взаимоотношеній между сознательной и безсознательной дѣятельностью **), пользуясь, между прочимъ, для этой цѣли психоанализомъ сновидѣній.

*) Breuer und Freud. Studien über Hysterie. Deuticke, 2 Auflage. 1909.

**) Freud. Traumdeutung. Deuticke. 2 Aufl. 1909. Über d. Traum. 1901.

Самый методъ состоитъ въ бесѣдѣ съ больнымъ при такихъ условіяхъ, чтобы заставить больного сосредоточиться на развитіи своей болѣзни и дать ей расширить его поле сознанія, заставивъ его сообщить больше того, что онъ обыкновенно говоритъ о своей болѣзни, улавливая „случайныя мысли“, которыя самому больному кажутся ненужными и только запутывающими основную мысль разсказа. При этомъ Freud требуетъ, чтобы больной говорилъ все откровенно, не исключая того, что больному кажется мучительными мыслями.

Этимъ путемъ при сосредоточеніи вниманія на симптомахъ болѣзни, которые обыкновенно и служатъ исходнымъ пунктомъ психоанализа, по автору, расширяется поле сознанія и возвращаются такія воспоминанія, которыя ранѣе были вытѣснены. Нерѣдко больной самъ сопротивляется признанію того, что вытекаетъ изъ случайныхъ мыслей.

Здѣсь, конечно, имѣется поле для внушеній со стороны врача, на что и указывала критика, но рѣшенія будто бы получаются настолько оригинальными, что врачу нельзя было бы ихъ придумать *).

Затѣмъ, по Freud'у, необходимо еще проникнуть въ сновидѣнія больного, анализируя ихъ соотвѣтственнымъ образомъ, и наблюдать за поведеніемъ больного, его поступками и промахами, чтобы выяснить основу психической травмы. Затѣмъ добытый матеріалъ долженъ подвергнуться извѣстному толкованію.

Слѣдуетъ здѣсь упомянуть, что помощью этому методу служитъ также ассоціативный экспериментъ со словами-ловушками, какъ онъ примѣнялся цюрихской клиникой.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что весь методъ, повидимому, не столько сложенъ, сколько запутанъ его авторами, благодаря чему одинъ изъ учениковъ Freud'a, Sadger, откровенно признается, что по прослушаніи теоретическаго курса Freud'a ему „понадобилось почти три года, чтобы преодолѣть всѣ затрудненія“.

Когда анализъ готовъ, нужно, конечно, вызвать отреагированіе, чтобы закончить лѣченіе, требующее такимъ образомъ иногда для окончательнаго успѣха столько времени, что гораздо скорѣе и проще провести лѣченіе по другимъ методамъ, напримѣръ, съ помощью внушенія, и при томъ съ не менѣе прочнымъ успѣхомъ.

Только что указанный методъ разсчитанъ на устраненіе „коренной“ причины болѣзни, если, конечно, подъ коренной причиной можно понимать ту или другую нравственную травму (не будемъ говорить спеціально о „половой“ травмѣ, которую всюдѣ и всюду видитъ авторъ метода Freud). Однако, выясненіе этой причины, сохраняющей свое вліяніе въ подсознательной сферѣ, при психоанализѣ сопряжено, вообще говоря, съ большими затрудненіями и врядъ ли даже всегда осуществимо при обычныхъ условіяхъ. Отсюда вытекаютъ ограниченія въ примѣненіи этого метода. „Трудности и неудобства, связанныя съ психоанализомъ,— говоритъ Lowenfeld,—допустимъ въ началѣ лишь ограниченное его примѣненіе, а не то широкое, которое грезится его приверженцамъ. Надо имѣть въ виду, что успѣшное примѣненіе этого метода требуетъ долгихъ спеціальныхъ занятій и долгаго упражненія, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и такого значительнаго количества времени, которое дастъ возможность лишь пацієнтамъ съ очень благопріятными жизненными условіями продѣлать этотъ курсъ лѣченія. Къ этому присоединяется и то обстоятельство, что психоанализъ первое время можетъ оставаться безъ вліянія на самочувствіе больного и потому требуетъ отъ послѣдняго особаго довѣрія къ искусству врача“.

Въ этомъ смыслѣ указанный методъ далеко уступаетъ внушенію, если, конечно, понимать послѣднее не въ смыслѣ неосмысленнаго приказанія или велѣнія, а въ томъ болѣе широкомъ значеніи этого слова, которое нынѣ ему придается съ смыслѣ вліянія на убѣжденія и взгляды больного, особенно если принять во вниманіе, что и психоанализъ, столь трудный обычно на практикѣ, можетъ быть осуществленъ съ гораздо большей легкостью въ гипнозѣ, на что,

*) Sadger. Zeitschr. f. Nervenh. u. Psych. 1907, № 229.

между прочимъ, обращаетъ вниманіе Muthmann, и что было извѣстно и по ранѣе имѣвшимся изслѣдованіямъ насчетъ гипноза.

Löwenfeld полагаетъ однако, что несмотря на свои недостатки *), психоаналитическій методъ можетъ предотвратить въ извѣстныхъ случаяхъ возвраты болѣзненнаго состоянія, чего не предотвращаетъ будто бы гипнотическій методъ. Однако я не знаю, на чемъ основано это утвержденіе, и какая статистика можетъ его подтвердить. Если психоаналитическій методъ, какъ утверждаютъ его авторы, направленъ противъ корней болѣзни, лежащихъ въ подсознательной сферѣ, то, вѣдь, и лѣченіе внушеніемъ въ гипнозѣ не только не исключаетъ воздѣйствія на первоначальные поводы первичнаго разстройства, гдѣ они очевидны, но даже—тамъ, гдѣ они не ясны,—выясненіе ихъ можетъ быть достигнуто еще легче, тѣмъ путемъ психоанализа, посредствомъ выясненія ихъ въ гипнозѣ.

При всемъ томъ нельзя забывать, что такъ называемые „корни" болѣзни въ психо-неврозахъ далеко не могутъ имѣть того значенія, какое имѣютъ дѣйствительныя причины болѣзней въ другихъ случаяхъ, такъ какъ въ сущности эти „корни" болѣзненныхъ состояній суть не что иное, какъ внѣшніе поводы болѣзни, которые если и воздѣйствуютъ такъ сильно на психику человѣка, то лишь благодаря тому, что дѣйствуютъ на подготовленную почву ослабленнаго питанія и нарушеннаго обмѣна.

Поэтому трудно допустить, чтобы психоаналитическій методъ гарантировалъ отъ возвратовъ болѣзни и въ этомъ имѣлъ особое преимущество предъ внушеніемъ.

Комбинированный методъ лѣченія и заключеніе.

Мы полагаемъ, что современная медицина, вообще, не должна замыкаться въ какой-либо одинъ методъ, а должна пользоваться всѣми доступными для врача методами лѣченія, чтобы достигнуть соотвѣтствующаго успѣха.

Можно съ увѣренностью сказать, что и различные психотерапевтическіе пріемы не во всѣхъ случаяхъ могутъ имѣть одинаковое практическое значеніе. Такъ, въ однихъ случаяхъ до-нынѣ сохраняетъ свое значеніе гипнозъ, особенно въ лѣченіи алкоголизма, тогда какъ въ другихъ случаяхъ болѣе полезнымъ можетъ оказаться тотъ или другой методъ психотерапіи, напр., лѣченіе идеалами, или даже психоаналитическій методъ.

Слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что нѣкоторые изъ психотерапевтическихъ методовъ, напр., лѣченіе убѣжденіемъ, почти не примѣнимы въ дѣтской практикѣ, гдѣ лѣченіе внушеніемъ, однако, оказывается успѣшнымъ. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что возможно совмѣщеніе однихъ психотерапевтическихъ методовъ съ другими, какъ, напр., гипноза съ психоанализомъ, или лѣченія идеалами съ внушеніемъ.

Должно имѣть въ виду, что ни одинъ изъ психотерапевтическихъ методовъ не гарантируетъ отъ возможныхъ возвратовъ болѣзни, ибо всѣ, вообще, неврозы и психоневрозы обыкновенно имѣютъ лишь поводомъ ту или другую психическую травму, въ дѣйствительности же эта травма воздѣйствуетъ соотвѣтственнымъ образомъ лишь благодаря подготовленной почвѣ, которую также нужно лѣчить и, быть можетъ, еще важнѣе лѣчить почву, чѣмъ устранить или смягчить воздѣйствіе психической травмы.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни важны въ лѣченіи психоневрозовъ различные психотерапевтическіе методы, не исключая психоанализа, они не могутъ гарантировать отъ возможныхъ возвратовъ болѣзни, пока не устранена та общая

*) Нѣкоторые авторы признаютъ, что этотъ методъ, безпощадно выдвигая на сцену сознанія все прошлое, часто давно забытое, особенно изъ области сексуальной, и укрѣпляя прошлое путемъ внушенія, въ рядѣ случаевъ скорѣе приноситъ вредъ, чѣмъ дѣйствительную пользу, вслѣдствіе чего, напримѣръ, Оппенгеймъ призывалъ къ борьбѣ съ психоанализомъ, какъ съ модянымъ психозомъ.

болѣзненная почва въ организмѣ, которая обусловливаетъ чрезмѣрную возбудимость первоначальной психической сферы.

Вотъ почему нельзя требовать отъ психотерапіи того, чего она по существу дать не можетъ; поэтому раціональная борьба съ болѣзненными состояніями предполагаетъ кромѣ психотерапевтическихъ воздѣйствій еще и совмѣстное фармакологическое или лѣкарственное лѣченіе и нерѣдко также лѣченіе физическими методами. Только такое смѣшанное лѣченіе, на мой взглядъ, скорѣе всего приводитъ къ цѣли въ серьезныхъ случаяхъ и въ то же время гарантируетъ устраненіе возвратовъ болѣзни.

По моему мнѣнію, дѣлаютъ, вообще, ошибку многіе врачи, пользуясь часто въ практикѣ однимъ лишь гипнозомъ и внушеніемъ или другими видами психотерапіи. Такъ какъ болѣзни основаны обычно на матеріальныхъ измѣненіяхъ организма, то, какъ ни могущественна въ извѣстныхъ случаяхъ сила внушенія и психотерапіи вообще, принимая во вниманіе и вліяніе ихъ на соматическія функціи организма, нѣтъ никакого основанія на ряду съ лѣченіемъ внушеніемъ и другими видами избѣгать лѣкарственнаго и физическаго лѣченія, показаннаго въ той или иной болѣзни.

Вслѣдствіе этого для большинства случаевъ мы придерживаемся комбинированнаго лѣченія, въ которомъ одновременно примѣняются противъ болѣзни какъ физическія, такъ и психическія вліянія съ помощью внушенія и психотерапіи.

По нашему мнѣнію, когда произошло то или иное разстройство въ организмѣ, то естественно должны быть приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы возстановить нарушенныя функціи, а въ числѣ этихъ мѣръ матеріальныя или физическія ничуть не исключаютъ такъ называемыя психическія, состоящія во внушеніи и другихъ видахъ психотерапіи. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ видовъ психотерапіи, напр., убѣжденіе въ отсутствіи болѣзни, по Déjérine'у исключаютъ примѣненіе электризаціи и фармакологическаго лѣченія, вслѣдствіе ихъ противорѣчія съ характеромъ примѣняемаго психическаго воздѣйствія, но эти методы психотерапіи имѣютъ поэтому свое ограниченное извѣстными рамками и все примѣненіе.

Изъ вышеизложеннаго нетрудно убѣдиться, что на почвѣ ученія о гипнозѣ, или, точнѣе говоря, вслѣдъ за развитіемъ ученія о гипнозѣ, обосновались различные виды психотерапіи, начиная отъ простого внушенія до сложнаго психоанализа. Всѣ эти способы выросли собственно на почвѣ того основного положенія, что психическіе процессы, выражающіеся субъективно въ формѣ представленій, сами по себѣ лежатъ въ основѣ болѣзненныхъ симптомовъ и могутъ даже обусловливать разнообразныя соматическія состоянія.

Поэтому вся задача психотерапіи сводится къ тому, чтобы устранить болѣзненныя представленія путемъ ихъ подавленія, отвлеченія, замѣщенія или разрѣшенія въ видѣ внѣшней реакціи.

При этомъ ясно, что психотерапія требуетъ особенно тщательной индивидуализаціи болѣзненныхъ состояній. Она должна имѣть въ виду не болѣзни вообще, а самый тщательный анализъ больной личности.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и психо-неврозы—главный предметъ психотерапіи—до такой степени индивидуально различны, и проявленія ихъ въ различныхъ случаяхъ отличаются столь своеобразными особенностями, что невозможно представить себѣ раціональной терапіи вообще, которая не считалась бы съ самой тщательной индивидуализаціей больныхъ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ Ж[illegible]Ъ

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

БЕЗЪ ПЕРЕС. 9 РУБ. СЪ ПЕРЕС. 10 РУБ. ВЪ ГОДЪ

сообщаетъ въ сжатой формѣ обо всемъ, что волнуетъ ученый міръ, о всѣхъ открытіяхъ, еще не сдѣлавшихся достояніемъ общей популярной прессы и обсуждаемыхъ лишь въ кругахъ ученыхъ-спеціалистовъ.

Журналъ даетъ обзоры научныхъ открытій, знакомитъ съ новыми завоеваніями въ области мысли и культурнаго прогресса и съ новинками научной литературы.

При подпискѣ на журналъ надо указывать № абонемента, по которому желательно получать журналъ.

Подписчики 1-го абонемента получаютъ

52 № журнала и въ приложеніи 3 капитальныхъ трудовъ:

1. **Проф. Альберъ и Бейэ. ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПИСАТЕЛИ**, съ 102 портр. и рис. въ текстѣ и 12 отдѣльными картинами и хромотипіями.
2. **Проф. Ванъ-деръ-Боргтъ. ОСНОВЫ СОЦІАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**, съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ и 38 отдѣльными картинами и хромотипіями.
3. **Проф. Брашъ. ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ ФИЛОСОФІИ**, съ 800 рис. и 40 отдѣльными картинами, хромолитографіями и хромотипіями.
4. **Проф. Зейдлицъ, Груберъ и др. ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ**, физическая и экономическая, съ 350 рис. и 35 отд. картинами, хромолитографіями и хромотипіями.
5. **Проф. Форель. ПОЛОВОЙ ВОПРОСЪ**, съ многочислен. иллюстраціями въ текстѣ и отдѣльными картинами и хромотипіями.

Подписчики 2-го абонемента получаютъ

52 № журнала и въ приложеніи

ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ НАСТОЛЬНУЮ ЭНЦИКЛОПЕДІЮ, въ 3-хъ томахъ, съ 3000 рис., 100 табл., 27 карт. и множ. снимковъ съ художеств. произведеній и т. п.

Подписчики 3-го абонемента получаютъ

52 № журнала „Научное Обозрѣніе“.

Подписная цѣна въ годъ для 1-го и 2-го абонементовъ **10 Р.** съ пер., безъ пер. **9 Р.** для 3-го абонемента **5 Р.**

Подписчики „Вѣстн. Зн.“ пользуются скидкой 1 рубл. при подпискѣ по 1 и 2 абонементамъ, и скидкой 2 рубл. при подпискѣ по 3-му абонементу.

Въ 1911 г. подписчики издающагося 9-й годъ журнала

БЕЗЪ ПЕРЕС. **8** Р. (Редакторъ-издатель В. Е. БИТНЕРЪ) СЪ ПЕРЕС. **9** Р. ВЪ ГОДЪ.

„Вѣстникъ Знанія"

получатъ: **12 кн.** ежемѣс. иллюстриров. журнала „Вѣстникъ Знанія"

ОТДѢЛЫ: естественно-научный, историко-географич., социально-экономич., философіи, математ. и психологіи, критическаго богословія, педагогическій, литературно-худож.-критическій, сельско-хозяйств., нов. изобрѣт., воздухоплав., юридич.-медицинскій, Познанія Россіи. Сотрудники: профессора высш. учебн. заведеній и извѣстн. литераторы (см. подр. объявл.).

ИСТОРІЯ РОССІИ Н. Костомарова, въ 14 (полная) вып.

(въ книжныхъ магазинахъ стоитъ 8 р., съ перес. 9—10 р.).

17 кн. по всѣмъ отраслямъ знанія: Проф. И. Х. Озеровъ. КУДА МЫ ИДЕМЪ? Лекціи по міровой экономіи. Проф. И. Скворцовъ. ГЕОФИЗИКА. Проф. И. Скворцовъ. БІОЛОГІЯ и ПСИХОФИЗІОЛОГІЯ (2 ч.). Проф. Гартманъ. КОСМОГРАФІЯ (Астрономич. географія). Проф. Козловскій. ЛЕКЦІИ ПО СОВРЕМЕН. ФИЛОСОФІИ (2 кн.). Бельмонтъ. ТВОРЧЕСТВО и РАЗРУШЕНІЕ ВЪ РЕВОЛЮЦІИ. Проф. Нотнагель. О СМЕРТИ. А. Николаевъ. ПАЛИ ЦѢПИ ТЯЖЕЛЫЯ. Освобожденіе крестьянъ. Инж. П. и К. КАКЪ САМОМУ ПОСТРОИТЬ ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТЪ. Проф. Форель. ПОЛОВАЯ ЭТИКА. Маге и Фраппье. КЛЮЧИ РАЯ и АДА (истор. религ. вѣрованій). Акад. В. Бехтеревъ. О ГИПНОТИЗМѢ. Проф. Бранъ, Цигларъ и др. ПРОБЛЕМЫ ВОСПИТАНІЯ. Проф. Кауфманъ. РАДІЙ. Д-ръ А. Пайнъ. БОЛѢЗНИ и ИХЪ ЛѢЧЕНІЕ (Кр. Медицинск. Энциклопедія). С. Исаковъ. ПО МУЗЕЯМЪ и КАРТИНН. ГАЛЛЕРЕЯМЪ (Съ альбомомъ худож. произвед.). В. Бельше. О ТАЙНАХЪ ПРИРОДЫ. Проф. Тимофеевъ. ред. ИСКУССТВО ГОВОРИТЬ ПУБЛИЧНО. Кр. ПРАКТИЧЕСКІЙ САМОУЧИТЕЛЬ ЯПОНСКАГО ЯЗЫКА, подъ ред. лект. Им. СПБ. универс. Іосибуми Куроно.

3 вып. **ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДІИ.**

Ремесла, кустарн. промыслы, доходныя производства, строит. и сельско-хоз. работы, полезн. рецепты и пр.

6 ЛИТЕРАТУРНЫХЪ АЛЬМАНАХОВЪ.

52 №№ еженед. общественно-политическ. и литературной, съ иллюстраціями газеты **НЕДѢЛЯ**

„Вѣстника Знанія" съ отдѣломъ Взаимопомощи читателей, отвѣтами юридическ., сельско-хоз. и пр. Направленіе прогрессивно-демократическое, безпартійное.

Цѣна (52 кн. и 52 №№ газеты)—9 р. въ годъ съ перес., безъ пер.—8 р., за границу—12 р. Разср. при подпискѣ 3 р., 10 мар., 10 іюня и 20 авг.—по 2 руб. Подр. объявл. безплатно. Адресъ: Вѣстникъ Знанія, Петербургъ, Невскій, 40.

Принимается также отдѣльная подписка на общественно-политическую и литературную еженедѣльную газету

„Вѣстникъ Знанія" НЕДѢЛЯ

РЕД.-ИЗД. В.В. БИТНЕРЪ

Цѣна въ годъ 3 р., 1/2 г. 1 р. 50 к., 1/4 г. 75 к. Отдѣльные №№ у газетчиковъ, на жел. дорогахъ и въ крупныхъ книжныхъ магазинахъ по 5 к. Приглашаются солидные агенты для организаціи розничной продажи „Недѣли" и „Вѣстника Знанія". Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., 40.

„Т-во Художественной Печати", СПБ., Ивановская, 14.